

oxoma

и охотниче хозяйство

3

2015

2015
N3

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Бурый пересмешник

Голубая сойка

Белокрылый дятел

Кваква обыкновенная (вверху)

Голубая цапля

«Благодарен судьбе за такой поворот»

В канун нового, 2015 года, в гостях у редакции нашего журнала побывал главный редактор охотничьего и рыболовного журнала «Сафари» Анатолий Можаров. В декабре ему исполнилось 60 лет, и этот факт стал поводом для беседы двух главных редакторов

Алексей Блюм: Анатолий Дмитриевич, мы знакомы уже давно и как-то неловко называть тебя по имени отчеству, но этого требует «закон жанра». Кстати, мы же познакомились еще в редакции «Московской охотничьей газеты»?

Анатолий Можаров: Да, и это было году в 1996, то есть почти 20 лет назад. Хотя с Вами я был заочно знаком по публикациям в журнале «Природа и охота» с 1992 года. И с Михаилом Михайловичем тоже.

Алексей Блюм: Мы с братом, Михаилом Михайловичем, родились в семье оружейника, и в значительной степени это предопределило нашу дальнейшую профессиональную судьбу. А каким оказался твой путь в охоту?

Анатолий Можаров: Думаю, что инстинкт охотника есть у любого мужчины, только у кого-то он проявляется, у кого-то нет. Мои родители родились в деревнях, отец — в Рязанской области, мама — в Горьковской. Судьба повернула дело так, что их семьи оказались в Горьком, а после войны оба поступили в Горьковский университет: мама на биофак, папа, потерявший правую руку под Сталинградом, на радиофак. Так и познакомились. Отец, разумеется, и меня, и младшего брата Сергея старался направить на «крайнюю дорожку» радиофизики, но влияние или гены мамы оказались сильнее, и я, сколько себя помню, собирая коллекции насекомых, а после школы тоже поступил на биофак ГГУ. Наверное, половина, если не больше, парней-сокурсников на факультете были увлечены охотой, остальные — фотоохотой. И мне это казалось вполне естественным, я никогда не сомневался в том, что охотник — это, прежде всего, человек, страстно любящий родную природу. Хотя в последнее время сомнения по поводу того, что это справедливо для всех охотников, появились.

Алексей Блюм: Да, но это теория, а когда дошло дело до практики?

Анатолий Можаров: Как только я смог держать в руках ружье — это я еще учился в школе — отец купил курковую тулку БМ и одноствольный ИЖ. Поскольку ему без правой руки было неловко обращаться с оружием, занимался этим делом я — заряжал патроны, стрелял, чистил оружие. Охотились мы исключительно на уток в Ар-

Алексей Михайлович Блюм и Анатолий Дмитриевич Можаров

темовских лугах (это ниже города по Волге), на Керженце. Случалось это не слишком часто, и каждая охота была праздником! А потом родители купили дом в деревне Кадницы, на Волге. Там были широченные заливные луга со множеством озер и затонов, где водилось просто много уток, на Волге ловилась чехонь и лещи, а по лугам росли в немыслимых количествах шампиньоны. До сих пор это место кажется мне райским, хотя там давно уже все совсем не так.

Алексей Блюм: Твоя книга «Смешные и печальные истории из жизни любителей ружейной охоты и ужения рыбьи» как раз о том времени?

Анатолий Можаров: Да. Это своеобразные ностальгические воспоминания о тех годах, когда мы стали «оседлыми», перестали путешествовать по области. Написана она была спустя лет десять после того, как я уехал из Горького.

Алексей Блюм: В Москву?

Анатолий Можаров: В Оболенск, где и живу до сих пор. Это поселок под Серпуховом. После окончания университета я получил распределение в микробиологический институт.

Алексей Блюм: Почему именно в микробиологический?

Анатолий Можаров: В процессе учебы у меня естественным образом менялись представления о том, что собой представляет современная биология, и в результате была выбрана на третьем курсе кафедра биохимии. Так совпало, что в 1977 году набирали сотрудников во вновь создаваемый институт прикладной микробиологии, и я получил распределение туда.

Алексей Блюм: Я знаю, что ты защитил кандидатскую диссертацию. Учился в аспирантуре?

Анатолий Можаров: Да, мне повезло учиться три года в академической аспирантуре Института биофизики АН СССР в академгородке Пущино-на-Оке. Там были необычайно интересные люди, настоящие ученые, большинство из которых, увы, поразились в заграницы в 90-е.

Алексей Блюм: Ты говоришь «повезло». Что имеется в виду?

Анатолий Можаров: Главная проблема прикладных институтов — это полуофициальная субординация, сплошные секреты от коллег по работе и, как следствие, отсутствие научного общения. В академии же все наоборот — если ты делаешь чушь, подтасовываешь результаты, тебя быстро раскусят, поскольку на научных семинарах лабо-

ратории никто не стесняется задавать неудобные вопросы, касающиеся твоей работы. В результате диссертации тут защищаются по-настоящему, перед требовательным ученым советом, а не так, как в прикладных институтах.

Ну, и общий дух вольной науки способствует проявлению творческих порывов. Я, например, тогда стал много писать.

Алексей Блюм: Научных статей?

Анатолий Можаров: Увы, научных много не получается писать. У меня опубликовано всего две капитальные статьи — одна по результатам исследований и одна методическая. Обе в специализированных американских журналах. Ну, и еще ряд статей-докладов в сборниках различных конференций и Первого съезда биофициков СССР.

«Много писать» я начал художественную прозу — разнообразные романтические рассказы — и... стихи.

Алексей Блюм: А как все-таки дело дошло до такого серьезного поворота в жизни — чтобы оставить науку и заняться редакторской работой? Должно было произойти что-то серьезное, ялагаю...

Анатолий Можаров: Да, конечно. Это случилось в начале 90-х. Я уже работал руководителем лаборатории и решил организовать малое предприятие. Но руководство института было категорически против подобной самодеятельности, и в результате я оказался за штатом. Создал сначала одно, потом второе малое предприятие, в третьем работал директором какое-то время. Но, чтобы быть предпринимателем, нужно иметь определенный склад характера. Я же этим всем тяготился и нашел отдушину — стал писать рассказы о природе, охоте, путешествиях. При этом я даже в мыслях не держал литературную деятельность в качестве основной профессии. Хотя, конечно же, хотелось рассказы опубликовать. Некоторые предложил «Юному натуралисту», «Вокруг света» и их там сразу приняли, охотничьи — журналу «Охота и охотничьи хозяйства».

Алексей Блюм: Нашему журналу?

Анатолий Можаров: Да, и здесь меня ждало жестокое разочарование. Рассказы несколько месяцев пролежали непрочитанными, а потом их и вовсе потеряли. Это было в 1993 или 1994 году, и тогда я случайно увидел в журнальном киоске «Московскую охотничью газету». Поехал на Красносельскую, где тогда располагалась редакция, и оставил рассказы на столе у Олега Малова. Прошли недели две, и я снова оказался в редакции, где узнал, что все рассказы будут публиковать и в газете, и в журнале «Природа и охота», о котором тогда услышал впервые. А в декабре 1996 года Олег Львович предложил мне работать в редакции. Я, не раздумывая, согласился и до сих пор благодарен судьбе за такой поворот в своей жизни.

Алексей Блюм: Если не ошибаюсь, после кризиса 1998 года были сильные сокращения штатов?

Анатолий Можаров: Да, мне удалось проработать всего год — 1997-ой. Сократили всех, у кого был какой-то еще доход — тогда были уволены Вадим Жибаровский и Дмитрий Житенев — они получали пенсию, и я, поскольку работал параллельно в одном журнале, посвященном дизайну интерьеров (есть у меня к этому делу интерес). Я не испытывал по поводу сокращения особой досады, продолжал по-прежнему писать для РОГа и «Природы и охоты», пока не увидел объявления в газете о поисках редактора в новый охотничьи-рыболовный журнал. Им оказался «Сафари».

Алексей Блюм: И с какого года ты работаешь в этом издании?

Анатолий Можаров: Писать в «Сафари» начал в конце 1999 года, а официально работать с января 2000 года.

Алексей Блюм: В должностях?

Анатолий Можаров: Сразу в должностях заместителя главного редактора. Александр Хохлов, учредивший журнал и успевший выпустить к тому времени № 1 в 1999 году, как оказалось, читал мои статьи и рассказы, и, судя по всему, я его устраивал как выпускающий редактор. Первые годы работы проходили под его достаточно жестким контролем — до последнего времени он оставался главным редактором. Честно сказать, мои представления о том, что предлагал «Сафари» читателю — информация об охоте в других странах мира, о трофеиной охоте, об охотничьем туризме, об охоте, как доходном бизнесе — были на нулевом уровне. Как и подавляющее большинство наших охотников, я понятия не имел даже о том, как организовано охотничье хозяйство России, в чем суть конфликтов государственных и общественных структур. Во всем этом пришлось разбираться и работа в журнале оказалась в этом смысле хорошей школой.

Алексей Блюм: Насколько я знаю, у тебя была возможность совершить немало поездок по стране и миру.

Анатолий Можаров: Да, Хохлов очень рациональный человек, и прекрасно понимал, что узнать о чем-то в теории — это одно, а испытать на практике — совсем другое. И с какого-то времени некоторые сотрудники редакции, и я в том числе, начали совершать регулярные поездки по стране, охватывая в течение полутора-двух недель целый куст регионов. При этом тестировали различное оборудование, амуницию, транспорт. Встречались с руководителями охотхозяйств, отраслевыми руководителями областей и республик, с руководством местных охотобществ — нас всегда очень хорошо принимали. И практически везде охотились или рыбачили. За десяток лет удалось побывать едва ли не во всех областях и республиках европейской части страны, а также во многих местах за Уралом — вплоть до Сахалина. По итогам поездок мы писали статьи — порядка полутора—двух десятков. И мы всегда знали, как в

субъектах федерации люди реагируют на нововведения в отрасли, открывали новые для себя охоты (во всяком случае, я это делал постоянно).

Алексей Блюм: А в каких странах за рубежом удалось побывать?

Анатолий Можаров: В нескольких странах Европы, Африки, во Вьетнаме и Камбодже. Эти поездки проходили обычно по приглашению принимающей стороны, и, как правило, вдали от туристических центров — в охотничих угодьях.

Алексей Блюм: Какие из поездок запомнились больше всего, произвели самое сильное впечатление?

Анатолий Можаров: На самом деле не Африка меня пленила. Самые яркие и сильные впечатления остались экспедиции 2009 и 2010 годов на ледоколе «Михаил Сомов» в Арктике. В общей сложности они заняли больше трех месяцев, и за это время мы побывали на большом количестве арктических островов и на всех архипелагах — от Земли Франца Иосифа до острова Врангеля — и прошли по всему Северному морскому пути до Певека. Я считаю это самым захватывающим, незабываемым приключением за свои 60 лет. И за него, несмотря на все сложности наших отношений, я буду всегда благодарен Александру Хохлову.

Алексей Блюм: Ты проработал под руководством Хохлова одиннадцать лет — до 2011 года. А потом перешел в журнал «Основной инстинкт». Это было продиктовано «стремлением к перемене мест»?

Анатолий Можаров: Мы все люди непростые, у всех свой характер, свои плюсы-минусы. Наши отношения с Хохловым носили характер мирного сосуществования, но желание уйти у меня было практически постоянным. В конце 2010 года он просто окончательно подтолкнул меня к этому.

Алексей Блюм: А в начале 2013 года ты вдруг стал работать в «ЦентроХотконтроле», и в одном из номеров нашего журнала появилась твоя статья. Что в этом случае подвигло тебя к такому шагу — перейти из частной компании в государственную?

Анатолий Можаров: Причин было две. В «Основном инстинкте» сменился главный редактор — пришел Миша Кречмар, в команду которого — я это ясно почувствовал — мне не удалось вписаться. Навязываться не хотелось, а к тому же ситуация складывалась так, что можно было получить очень интересный опыт — побывать какое-то время «чиновником от охоты», узнать в какой-то степени изнутри ту «кухню», которую у нас сейчас принято ругать на все лады. Долго пребывать в этом качестве я не планировал, но попытаться разобраться в том, насколько справедливы нападки на отраслевой департамент МПР, было интересно. Мне пошли навстречу, приняли на работу, и она проходила в тесном контакте с главой департамента Антоном Берсеневым и замминистра Владимиром Лебедевым.

Алексей Блюм: Ты считаешь этот опыт удачным?

Анатолий Можаров: Это и в самом деле оказалось интересным, я увидел многие проблемы под другим углом и опубликовал ряд статей в разных изданиях, с одной стороны, в защиту департамента и проводимой им политики, а с другой — против конфронтации между охотниками и руководством федерального органа. И сегодня я уверен, что улучшение в сфере охоты и охотничьего хозяйства начнется не вследствие конфликтов, а в процессе конструктивного обсуждения существующего положения дел и принятых в результате таких обсуждений долгосрочных документов. И еще хотел бы сказать, что устроить революцию можно быстро, а изменения в лучшую сторону имеют тенденцию происходить очень и очень постепенно.

Алексей Блюм: Твое возвращение в журнал «Сафари» не носило библейский характер?

Анатолий Можаров: Если вы имеете в виду «Возвращение блудного сына», то ответ отрицательный. Хохлов пробовал взять на освобожденное мной место редактора, что-то его не устроило, он сам стал делать журнал. Очевидно, двух лет оказалось достаточно, чтобы он понял, что делать журнал невозможно, занимаясь бизнесом и постоянно путешествуя по всему свету. В результате Хохлов предложил журнал Ассоциации Росохотрыболовсоюз бесплатно, но с целым рядом обременений, и когда все формальности были улажены, уже новый владелец предложил мне в «Сафари» должность главного редактора.

Алексей Блюм: Что, по-твоему, отличает журнал «Сафари» от других?

Анатолий Можаров: «Сафари» вообще оказался очень переменчивым и в смысле дизайна, и в смысле содержания. Он живой, по-своему агрессивный, и у редакции всегда была и есть своя позиция по большинству актуальных вопросов и проблем. Журнал все время растет, становясь, на мой взгляд, мудрее. При этом были и остаются некие основные приоритеты.

Алексей Блюм: Спасибо за беседу. И мне остается только поздравить тебя с юбилеем и пожелать в качестве уже главного редактора журнала, в который вложено немало твоего труда, пережить еще много волнующих путешествий и охот.

Анатолий Можаров: Спасибо! В свою очередь хочу поздравить ваш журнал с уже наступившим Новым годом и пожелать «Охоте и охотничьему хозяйству» большущих, как когда-то, тиражей!

Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2014»

Подведя итоги фотоконкурса, редакция решила:

Первую премию (10000 р.) присудить КОКОВИНУ Юрию Николаевичу за серию фотографий «Зимний промысел в якутской тайге» и «Ток каменного глухаря».

Вторую премию (5000 р.) присудить КОЛОБОВУ Александру Евгеньевичу за серию фотографий «На току. Глухарь обыкновенный» и ТИШКЕВИЧУ Сергею Александровичу за серию фотоочерков.

Третьею премию (3000 р.) присудить, КОЧЕРГИНУ Николаю Ивановичу, за серию фотоочерков о природе и охоте, УСЬКОВУ Владимиру Васильевичу за фотоочерк «Охота на гусей».

Редакция журнала благодарит всех участников конкурса. Ваши фотографии, и получившие, и не получившие премии, могут быть использованы в качестве иллюстраций к очеркам и статьям, публикуемым в журнале.

Просьба к участникам конкурса — сопровождать присылаемые фото небольшим текстом, объединяющим их в тематические очерки.

Условия фотоконкурса «Охота и природа, 2015» читайте в журнале №1, 2015 год.

Охота на зайца. Калмыкия 2014 г.

Фото А. Чернигина

Медвежьи встречи

А. ВАСИЛЬЕВ

Не смотря на бурное развитие промышленности, рост населённых пунктов и различных коммуникаций, резкое сокращение «медвежьих углов» в Забайкалье, численность медведя не сокращается и всё чаще и чаще встречаются человек и медведь. К тому же долина реки Газимур, обрамлённая с одной стороны Газимурским, а с другой Борщёвочным хребтами со всеми их отрогами — являются идеальным местом обитания бурого медведя.

При встрече с человеком в большинстве случаев они сломя голову бросаются в разные стороны. Но бывает и по-другому. Помни случай на девятнадцатом километре, там есть озеро, которое любят посещать сохатые, вот мы с товарищем и поехали на конях проверить, не ходит ли сохатый. Ещё подъезжая к табору заметили молодого медведя, шустро бегающего по увалу в поисках саранок и муравейников, но он нас не интересовал, тем более мы очень торопились — солнце уже садилось. Но сходив на озеро убедились, что сохатый не ходит. Подходя обратно к табору, услышали испуганный храл лошадей, надо сказать, что в этом месте чаща подходила к самому увалу и, выскочив из леса, мы увидели, что в сотне метров от нас медведь-трёхлеток спускается к коням. Выстрелами из дробовиков и криками отогнали непрошенного гостя. Спустя несколько минут уже наступила ночь и вновь раздался храл лошадей, я выскочил к ним. В пятидесяти метрах стоял всё тот же медведь, но выстрелить я не успел, он зашёл в ерник и остановился, явно поджидая меня, это было уже не смешно. Нападение из ерника на человека гарантировало медведю стопроцентный успех. Пришлось спускать собак, собаки у нас были добрые, но редкая собака ночью будет держать медведя, тем не менее они остановили его. Мы пытались стрелять, но в кромешной тьме очевидно безрезультатно, потому что бросившись от собак, едва не столкнувшись, пролив котелок с чаем, медведь ускочил в гущу леса. Собаки дальше не пошли. Что ему надо было от нас, он так и не сказал, но самое интересное было на следующий день. Когда мы утром возвращались домой, навстречу нам ехали наши связисты, ведущие ремонт телефонной линии на Усть-Кару, выслушав наш рассказ, они весело над нами посмеялись — вишь, напугались медведя.

Но волей или неволей им пришлось ночевать на этом же таборе, и вечером один из них — Алексей Коцман, решил посидеть на озере, надеясь на случайного гурана. Просидев до двенадцати часов и никого не дождав, пошёл

на табор, а тропа проходила через густой трёхметровый ерник. Подходя к ернику, Алексей заметил медведя, преследующего его, по слуху определил, что в ернике расстояние между ними сократилось до предела, стало жутко — если бросится — успеешь ли прицельно выстрелить. Благо рядом оказалась лиственница, забрался на неё, надеясь увидеть источник опасности, но не тут-то было. Всю ночь, стоя на одной ноге на суху, охотник копил злость на свою добычу или на своего охотника, ходящего кругами вокруг лиственницы. Только б рассветало быстрее, но на рассвете медведь тихонько ушёл, не дав ни малейшего шанса на отмщение. Что гнало медведя на такое безрассудство? Как он для себя определяет степень опасности?

Подобные вопросы встают частенько после встречи с молодыми медведями. Примеров тому множество. В этом же году в Альдаке я ночевал на зимовье пастухов с хозяином, который несколько ночей перед этим отсутствовал, чем воспользовался молодой грабитель, разорвав, разломав, растащив всё, что можно и нельзя и явившийся к нам как только стемнело. Ни рёв собак, ни стрельба вверх совершенно не смущали этого рэкетира. Но как только начало светать медведь подался восьмёси, справедливо полагая, что потрепал нервы двум вооружённым людям достаточно серьёзно, чтобы показываться им на глаза.

По моим наблюдениям, такая наглость присуща молодым и не стрелявшим мишкам. Во время сенокоса ночью на Тогоне утащил у нас мешок с мясом, который находился в ключе не

далее сорока метров от нашей палатки. Утром на рассвете брат Иван и сестра Галина долго и безуспешно взыывали к совести разбойника, он, может, и смущился, но мешок не бросил, благо вскоре приехал отец и привёз продукты. Куда хуже было на Куте: проехав почти сто километров от дома на коне, чтобы накосить сено для коня на сезон охоты, я спрятал весь запас сметаны и тушёшки в речке Слюдяной рядом с зимовьем. Очевидно, обладая чутьём пристава, ровно в полночь он явился за лакомством, о чём мне сообщили мои собаки, и совершенно спокойно, не смотря на моё иностранное красноречие, ни какие пожелания, ни какие обещания не помешали ему аккуратно вылизать все стеклянные банки, причём банки остались целыми, а в металлических банках была только одна дырка и через неё как-то вылизано или высосано всё содержимое. Такой же приём я видел в Вершине Дагии, там, кстати, хозяин удивил меня тем, что приоровился входить через окно, сломав естественно стеклышко, каждый раз завозить которую было проблемно. Тогда я стал на лето открывать ему дверь, погромы прекратились, медведь входил в дверь, собирая всё съестное, иногда даже стол оставался совершенно целым, и вновь выходил через дверь.

Но приходилось встречаться и с другой категорией этих зверей. Помнится случай в Горевой; я стрелял огромного медведя в кругом увале, пуля перебила ему позвоночник перед крестцом (дудкой называют охотники это место), и он, рявкнув, покатился под увал. На пути попалась по-

валенная ветром свежая берёза, медведь закатился в неё и тут же полетели оттуда сучки диаметром 5–6 см, ударом лапы он крошил себе путь сквозь корону берёзы, скатился под увал в сплошной и мелкий осинник. Сквозь осинник я видел крутящегося зверя, время от времени раздавался его грозный и могучий рык, но пули не могли пробить чащу и уходили рикошетом, наконец он подполз к большому обгорелому пни и стал его со злостью ворочать, одновременно приподнимаясь над осинником, когда голова этого монстра показалась над подлеском, я выстрелил — всё стихло. Соблюдая все меры предосторожности я подошёл к мёртвому зверю: место, где он ползал, было всё искребано, огромные сучья, валёжины размёты, но самое страшное — задние ноги медведя были изгрызены, изорваны. Я не сразу осознал всё увиденное, но когда до меня дошло, какой яростью обладал этот зверь, и что ноги он изгрыз сам, потому что они не слушались его, у меня невольно спина стала холодная. Не дай Бог никому попасть в эти мялки.

Страшен зверь, раненый и голодный. У любого охотника перебоит, думаю, сердце, когда на снегу он увидит след шатуна. Мне несколько раз приходилось встречать эти следы, но добывать самому шатуна не довелось. Особое обилие шатунов у нас в Захребетье вызвала засуха 2011–2012 годов. Благо обошлось как-то без особых экцессов. Постепенно, в основном до сильных морозов, охотники отстреляли всех не лёгких, в основном молодых медведей, благо и охотников сейчас в лесу полно и оружие хорошее. Но на устье Кути уже не молодой и вроде бы мощный шатун до Нового года держал в напряжении всю округу и был убит перед самым праздником во время ночного грабежа.

Дольше всех держался шатун в Кучугае, до февраля месяца он отчаян-

но боролся за свою жизнь: собирая всю падаль, обворовывая местных охотников, собирая и наживу с ловушек, и саму продукцию. Несколько раз пытались пресечь деятельность этого разбойника, но ловок был, да и силёнка, очевидно, ещё водилась — всякий раз отбивался от собак и уходил, без устали шнырял в поисках пищи, натаптывая тропы. Надо сказать, что в Кучугае круглый год живут лошади. Их никто не пасёт, никто не кормит, они самостоятельно пасутся на кучугайских просторах, благо корма достаточно, солонцов природных полно. А хозяева живут в Кектолге и приезжают очень редко. Охотники заметили, что шатун часто ходит за табуном, подолгу пасёт, но не нападает, не было очевидно инстинкта на лошадей у этого мишки. Его собратья даже летом, бывало, нападали на скот и лошадей. Многие наши мужики помечены были медведями именно когда пытались защитить животных от медведя-скотника, если повадится убивать домашний скот, не попустится пока не будет убит. Но этого медведя что-то останавливало, хотя на дворе был уже февраль. Какое может быть в это время пропитание в условиях Забайкальской зимы? И решился он, наконец, на пасту на жилище человека.

На устье Ангарушки стоит Елинское охотниче зимовье, сами охотники в это время были дома, прибрав, естественно, все припасы: овёс, мука, дроблёна, молоко, мясо и т.д., долго ходил кругами, наконец, когда стемнело, забрался в рядом стоящий сарай, и, пьянея от запаха пищи, начал погром. В это время мимо и проезжал их сосед — Сергей, возвращаясь с дальних зимовий на базовое. Подъезжая к зимовью соседей, он заметил, что его конь волнуется, потом встал как вкопанный. Благо было лунно, и охотник заметил, как медведь выскочил из

саarya и заскочил обратно, заняв у двери оборону от наскочивших собак. Как его там стрелить? В сарае нет луны. И тут Сергей увидел лестницу, быстро заскочил на крышу саarya, которая была почти непокрыта, поэтому пришлось ступить одной ногой на ряжевину, второй на шифер, и сделал первый выстрел из дробовика 28 калибра. Нашла или нет пуля цель в этой темноте — неизвестно, но медведь начал прыгать, пытаясь поймать стрелку за ногу, но последующие выстрелы остановили ярость шатуна. Очень опасен голодный шатун — в момент ярости он явно теряет над собой контроль, и не дай Бог кто встанет у него на пути в это время.

Но опять же в спокойной обстановке это милейшие создания. Я видел как медведица шлётала по попе маленького медвежонка за его шалости. Несмотря на свою неуклюжесть, делала это так нежно, как может это сделать только мама. Я видел, как мама-медведица даёт урок музыки своему малышу, оттягивая и опуская щёпу разбитого молнией пня. Я долго смеялся над пестуном, за которым наблюдал в бинокль с противоположной стороны Газимура, который что-то обнаружил под пнём, нависшим над рекой. Пытаясь вырвать пень, он изо всех сил тянул его под обрыв, пока вместе с пнём не полетел в воду, выныривая, получил ещё и удар от этого же пня. Виноватый и обиженный, мокрый, с опущенной головой поплёлся догонять свою маму. Было ещё множество встреч с бурым медведем и плохих и хороших, о них я расскажу позднее. Однако и из сказанного видно, что если не трогать хозяина тайги — это спокойный и любознательный зверь, он просто не отделим от нашей фауны, но если хозяин в ярости — надо помнить, что он не отдаёт себе отчёта и будет биться за свою жизнь до последнего вздоха.

Первый соболёк

ми кулёмками. Затем освоил белковье и т.д. С возрастом освоил все виды охот, существующие у нас, добывал разных животных, обитающих в Захребетье: и лосей, и изюбрей, и волков, и медведей, и рисей, и россомах. Но почему-то мне всегда хотелось поохотиться на соболя и только сейчас я понял почему. Не предсказуемость поведения этого мощного, сильного, красивого, стремительного, умного зверька делают каждую охоту новой.

Есть множество нюансов в охоте на соболя с собакой, не зная которых не добиться успеха. Опыт накапливается с каждым добытым или недобытым соболем. Это бесконечная школа охотника, которая заманивает своей новизной. И радость побед, и горечь пораже-

ний в равной степени дают тебе радость новых знаний. Постоянныe читатели журнала «Охота и охотничье хозяйство» заметили, что про соболя пишут часто, но секретов мастерства не выдают. Постараюсь и я просто рассказать, как учил молодую суку Тайгу гонять соболя. В народе правду говорят: «Бояре дерутся — у холопов чубы трясутся». Так и в девяностые годы — вверху шла очередная смена власти, а что творилось в низах до сих пор ещё никто правдиво не рассказал. А жить было страшно. Вмог лишились и работы, и заботы государства (если оно в этот период было) миллионы людей, и страшно подумать, что бы было. Но, может, действительно есть какие-то сверхестественные силы, иначе просто не объяснить, что у нас в Захребетье в этот са-

мый сложный период последней революции появился соболь. Нет, по преданию он был когда-то очень давно, затем исчез даже ещё до начала двадцатого века. Мы знаем, что советские охотоведы приложили немало сил и труда, чтобы расселить соболя в его исконные места обитания. Ведь в погоне за деньгами к началу двадцатого века соболя выбили полностью. Охотоведы Усть-Карского госпромхоза (уже бывшего, конечно), неоднократно выпускали соболей в наши угодья. Рядом в Могоче охотники давно уже добывали этого привередливого зверька, а у нас так — от случая к случаю. Но вот он хлынул. В один миг захвачил тайгу. Моментально опустошая от зайца, белки, рябчика, дятла, синицы и т.д. падь за падью. Следы его разбоя были повсюду, даже в самом селе. Что делать? Как добывать нахлынувший фарт?

У меня подростала сучонка, мать которой была лайкой, но неизвестно какой и какого направления. Так получилось, что щенка забирал мой сын с другом, которые из всех моих наказов поняли, надо убедиться, что мать лайка, и только взглянув на паспорт увидели, что это так, они успокоились, а мне пришлось годами всё додумывать. Полагаю, что мать моей Тайги была карело-финской лайкой с уклоном на боровую дичь. Далее по ходу поясню. А отец, возможно, местный альфонс. Я всегда любил охоту с собаками. У азартного охотника будоражит кровь лай собак, которые остановили зверя, будь то изюбры, кабан, медведь или белка. И в охоте на соболя решил положиться на собак. Главная проблема, считал я — натаскать собаку на соболя.

И вот только-только открылся сезон — я с Тайгой в вершине Дагии, где было достаточно соболя и где никто мне не мешает. К рассвету, уже позавтракав, устроил надёжно коня — сегодня он мне не нужен, проверил хорошо ли привязаны остальные собаки, очень легко одел-

ся, перекинул через плечо столярный топорчик в натопорне и дробовик 32 калибра, с которым я белковал, продукты я брать не стал — впереди был совершенно непонятный день. В двадцати метрах от зимовья — свежий (ночью была порошка) след соболя, и для меня, и для собаки в тот первый день он совершенно ни о чём не говорил. Командую Тайгухе «Ищи», но след её не волнует: куда интереснее порхающие синички, поползни, а вот и рябчик взлетел — можно и облаять его. Но хозяин ругается почему-то, не спускает с поводка и всё носом тычет в какой-то вонючий след, ещё и велит искать кого-то. Сам я ускоряю шаг — разминка кончилась, надо прижимать хозяина следа, хотя спустя годы могу сказать, что это был не хозяин, а хозяйка и, конечно, сегодня я могу сказать, что молодую собаку не стал бы учить на этом следу.

Но впереди было ещё много нового и интересного. Часа три ускоренным темпом мы двигались следом, наконец собака начала принюхивать след и я опустил её с шунки. Тайга рванулась метров пятьдесят следом, но там никого не оказалось и завертелась от радости, что на свободе — что хочу, то и делаю. Кинулась с лаем за рябчиком — хозяин сильно рассердился, заставляет опять искать того, кто искрестили всю падь за несколько часов после пороши, может, ему белочка нужна — раз-два и загнала белку, но он опять ругается, на белку даже не взглянул, а сам всё идёт и идёт этим следом. Между тем солнце начинает садиться. Наконец Тайгуха почуяла этого коварного зверя, и не след, а самого моментально соображающего соболька. Он понял, что прошляпил и обнаружен, тут же рванул в чащу, в багульник, в дулдыжник. Тайга с визгом за ним. Прошли какие-то секунды и уже в километре от меня взяла на месте, время было четыре часа, а след мы взяли в восемь утра, но оказалось, что это ещё далеко не конец нашей охоты. По-

дойдя к взизгивавшей именинице я заметил как соболь юркнул в дупло огромной, но трухлявой лиственицы. никакими шарканьями, никакими стуками я не мог его выжить из дупла, оттуда доносился только глухой рык. Пришлось рубить лиственицу в обхват маленьким топорчиком, но страхи мои были преждевременными, огромное дерево непонятно чем держалось и довольно скоро затрещало. Когда стало падать, Тайга с визгом бросилась к вершине, смертельно напугав меня, но оказывается соболёк наш выскочил из падающей деревины, спрыгнул на землю, до того как оно упало, и рванул дальше. Всё это я понял позже по следам. Делать нечего — надо идти дальше, а уже темнело. И соболь, и собака летели сломя голову ещё с километром, но тут пересекли тропу, ведущую к зимовью, и уставшая молодая соболятница сдалась, повернула к зимовью. Это было с ней первый и последний раз, больше так она не делала, а соболёк метров через двести остановился, долго сидел возле очередного дуплянного дерева, поджидал преследователей, докуда я добежал в азарте.

Назавтра мы вновь с Тайгой следили соболя (опять самку, о чём, конечно, ещё не знали), но след привёл нас к такой глубокой норе, что даже сейчас я не знаю, как можно было добыть из неё соболя. К тому же пошёл мокрый снег, пришлось вернуться на зимовью, промокнув до последней нитки. На следующий день в хребтах выпал глубокий снег, он был ещё мокрым и мягким. Пересечь след не составило труда, но след этот был крупным, и зверёк явно тонул в снегу. Тайга натянула поводок и я отпустил её. Срезая повороты, она рванула следом, через две—три минуты, два раза тявкнув, заскутила моя соболятница. Подойдя, я увидел, что на самой макушке сидел большой тёмный соболь, а внизу визжащая, грызущая корыё дерева моя надежда. Был ли этот кот первым нашим соболем? Я больше склонен считать первым ту ускользнувшую соболюшку, она первая заявила о своём уме, коварстве и красоте. Но Тайга стала конкретно, уверенно работать после того, как заряд дроби сшиб первый её осязаемый результат. И до конца своей жизни она работала по соболю с полной отдачей сил, единственным её недостатком было то, что она практически не лаяла ни на соболя, ни на белку, ни на колонка. Раз-два взлает, а потом визжит, минут через пять опять взлает, но и лай, очень тонкий, плохо слышимый. Я всё думал в чём тут дело, ведь гонит с таким азартом, но однажды услышал такой чистый, звонкий, ясно слышимый лай моей Тайгухи. Тихонько подойдя, я увидел, что она лает на глухаря, загадка разрешилась или, точнее, подтвердились мои догадки: предки моей собаки явно занимались боровой дичью. Так и охотились мы с ней — она гонит соболя, а я её следом иду. Несколько лет нам, правда, помогал постаревший, весь израненный, весь изрубленный Пират, который сам догнать соболя уже не мог, зато прекрасно знал, где находится Тайга и с радостью лаял, радуясь за подругу, что и он до сих пор великий охотник.

«Под сенью дружных муз»

Плакат с зеброй. Е. Гаврилов

Дикобраз. Д. Горлов

Голубь. А. Сотников

Песцы материки летом. Рисунок А. Комарова

Адрес Государственного Дарвинского музея: ул. Вавилова, д. 57 (ст. м. «Академическая»).

Выставка «Под сенью дружных муз» посвящена творчеству пяти выдающихся мастеров анималистического жанра. Музей отмечает юбилеи художников: А. Н. Комарова — 135 лет со дня рождения, Д. В. Горлова — 115 лет со дня рождения, А. Н. Формозова — 115 лет со дня рождения, А. Г. Сотникова — 110 лет со дня рождения, Е. Г. Гаврилова — 100 лет со дня рождения.

Что объединяет великолепного живописца, самобытного скульптора, изысканного графика, тонкого керамиста и яркого художника-оформителя? Так же, как Царскосельский лицей в начале XIX века был местом, объединяющим образованных людей своего времени, так и Дарвиновский музей в начале XX века собрал вокруг себя одаренных художников-анималистов. Тонкое чутьё на таланты и большой энтузиазм основателя Дарвиновского музея Александра Котса позволи-

ли найти в огромном городе и собрать «Под сенью дружных муз» команду профессионалов-единомышленников. Фактически первый музей эволюции стал местом формирования нового анималистического искусства России.

Экспозиция не только рассказывает об истоках русской анималистики XX века, но и затрагивает яркие эпизоды насыщенной событиями истории нашей страны. График Евгений Гаврилов работал в музее во время Великой Отечественной войны, защищая свой «второй дом» от налётов вражеской авиации. Тяжёлое время не отразилось на его жизнеутверждающих работах — на них порхают колибри, зурб жует траву, а зебра улыбается.

С именем Алексея Сотникова связана история легендарного Дулёвского фарфорового завода. Во многих квартирах с советских времён сохранились изящные фигурки фарфоровых птиц и зверей, созданных знаменитым керамистом. Его скульптура «Сокол» не только завоевала международный приз: благородный профиль птицы «взлетел» на логотип одной из старейших «фарфоровых кузниц» России. Уникальные работы мастера из серии «Фамильные сувениры». Козловы, Кукушкины, Барановы и Лебедевы встретят среди них своих «однофамильцев». Скульптуры Сотникова музей демонстрирует впервые.

Иллюстрации Алексея Комарова можно встретить во многих детских книгах и журналах советского периода. Секрет популярности прост — каждое изображение буквально дышит любовью к животным. Около 200 произведений живописи по заказу Котса создал Комаров для экспозиции музея. Специально для выставки были отреставрированы три монументальные картины А.Н. Комарова: «Степная фауна Ледникового периода», «Союзпушнина», «Охота на соболя».

«Стартовой площадкой» стал музей для скульптора Дмитрия Горлова. Его прекрасные работы «Пудель с мячом» и «Дикобраз», а также фарфоровая скульптура «Рысёнок» — завоевавшая золотую медаль на международной выставке в Брюсселе.

Ещё один юбиляр Александр Формозов не только работал, но и жил «в музее и музее». Он был великолепным графиком, таксiderмистом и учёным. Всего за три года Формозов нарисовал для музея более ста графических произведений, и свою колоссальную работоспособность он сохранил до конца жизни — даже будучи доктором биологических наук он сам делал иллюстрации к своим статьям.

Т. КОРОВКИНА

Здравствуйте, уважаемые работники редакции любимого журнала «Охота и охотничье хозяйство»!

Я выписываю ваш журнал с января 1964 года. Без преувеличения он — путеводная звезда в охоте. Сколько замечательных грамотных специалистов, профессионалов, охотников выступили с его страниц. Читал и набирался знаний и опыта с каждым полученным экземпляром.

У меня заведена общая тетрадь, где каждая страница отведена отдельной теме, поднимаемой в журнале: «Ружьё», «Собаки», «Капкан», «Волк», «Заяц», «Охотничьи писатели» и т.д.; на этих страницах отмечаю год, месяц, страницу очередной заметки и автора. При необходимости освежить знания, быстро нахожу нужное.

Благодарю редакцию за опубликованное в первом номере журнала за 2008 год письмо (писала невестка) с поздравлением к 70-летию и моей фотографией.

А теперь о главном. Я большой любитель охоты по зверю, в основном по лисице. На сегодняшний день мною добыто около 750 лисиц. В прежние годы заключал договоры и сдавал государству до 35 шкурок лисиц за сезон (добытых «с подхода», и «на манок»). А вот с 1979 по 1984 гг., когда наблюдался рост численности волков, увлёкся охотой на серых.

Кроме чисто спортивного интереса, охота на волка тогда хорошо оплачивалась, была большим финансовым подспорьем в семье (при удаче, конечно). После каждой успешной охоты на волка (в основном, один на один), я о ней писал в отдельной общей тетради. Всего за шесть лет добыто 45 волков и волчат (8 из них на счету сына). Добыты они были летом и зимой, разными способами, причём некоторые способы мне в литературе не встречались. Хоть охотников и считают иногда любителями приукрасить, но в моих записках нет ни грамма вымысла.

Немного о себе. Родился в 1937 г. в Ульяновской области. В три года остался без отца (охотника). В 1955 г. поступил учиться в Саратовский геолого-разведочный техникум, который окончил, получив диплом техника-топографа. После службы в армии работал в Саратовском институте «Востокгипрогаз». Постоянные командировки, полевые изыскания в Оренбургье, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Приполесье. В 1964 году бросил я скитания и осел в сельской местности. Работал учётычиком, плотником, электриком, а с 1973 г. до пенсии проработал машинистом электроприводной компрессорной станции.

Это время работы машинистом было самым успешным в охоте. Всё успевал. Один из председателей Петровского районного общества охотников однажды на собрании представил меня областному руководству словами:

«Фанат охоты!»

В. БАРАНОВ, Саратовская область

Мои охоты на волков

ПЕРВЫЙ И ГРОМАДНЫЙ

Признаюсь, не очень влечёт меня охота в одних и тех же местах. Конечно, охота в знакомых местах может быть добывчивее — знаешь лёжки и лазы зверя, но ничего поделать с собой не могу, хочется новизны. Будучи школьником и приобретя однстволку и охотничий билет в 1954 г., часто уговаривал сверстников-охотников сходить или съездить подальше, в новые места. И геолого-разведочный техникум, после окончания которого, получив диплом техника-топографа, выбрал место работы — Сибирь, всё это стремление к новизне.

Свой Петровский район (Саратовская область) исходил и изъездил вдоль и поперёк. В этот раз решил прогуляться в соседний Новобурасский район, благо ежедневно ходила туда и обратно «хлебовозка» — двухвагонный поезд. Утром в середине января 1979 г., переночевав у знакомых, еще до рассвета я уже торил лыжню в районе села Жедринка (около 35 км от Петровска). Было тихо, морозно (около 20°). Снеговой покров очень глубокий (65 см) в лесу. (В течение многих лет веду дневник погоды и охоты.) Перешёл железную дорогу, окаймлённую лесополосами, и реку Медведицу, спящую под льдом и снегом.

Светало. Начал обзор местности в бинокль. Около занесённых кучек соломы увидел мышкующую лисицу. Далеко слышимый в тишине хруст снега под лыжами выдал меня, и она своевременно удалилась.

Немного подумав, решил идти вдоль редкой посадки высоких тополей, поглощенной поднимавшейся от поймы реки в северном направлении. Судя по откло-

нению снежинок, ссыпаемых из ладони, начало чуть тянуть воздух с востока, с поля, где виднелись под снегом многочисленные кучки неубранной соломы. Очень скрипел снег под лыжами. Снял их и, держа в руках, двинулся дальше. Подшипные валенки шумели почти не издавали, наст держал меня. Часто останавливался и внимательно осматривал местность в восемикратный бинокль. Лисиц не было.

Вот справа, метрах в пятнадцати, большая куча соломы, свезённая волокушей, но не засыпированная, занесённая снегом. По обыкновению не

упускаю возможность хорошего обзора сверху. Залезаю и осматриваю внимательно всё поле, насколько позволяло смотреть яркое низкое солнце, бьющее в глаза. Нет, никого не видно. Всё же опять поднимаю к глазам холодные стёкла бинокля: ну, не может не быть здесь лисиц! Место такое хорошее для них...

Вот в поле зрения посадка с северо-востока, лежащая перпендикулярно моей, вдоль которой иду. Замечаю движение в сетке посадки — кажется, что-то живое? Но окрас не лисий — ни желто, ни красно. Неужели волк?!

Очень захватывающий момент — время, когда увидишь вольного зверя. И молодого, и умудрённого опытом охотника начинает трясти охотничий азарт. Не раз убеждался, что успех охоты, прежде всего, зависит от умения побороть это волнение, не горячась и в то же время быстро оценить ситуацию и принять правильное решение.

Решаю оставаться на месте, ждать здесь, на куче. Пока зверь ещё далеко, тихо подрыл до соломы снег под собой, чтобы не скрипнул не вовремя, зарядил ружьё, свой верный ИЖ-58, мягко положил его на вещмешок. В стволах патроны с мелкой — 25 шт. и с крупной — 16 шт. картечью, рядом патронташ.

Снова смотрю на посадку в бинокль. Опять новость — за первым волком идёт второй, в тридцати метрах сзади и намного меньшего размера. Через каждые 30—40 метров они синхронно останавливаются, слушают, не двигаясь. Какая великолепная чуткость, слаженность хода, какая осторожность зверей! Вот волки скрылись из вида при подходе к пересечению посадок. Мне остаётся только ждать. Если они повернут по моей посадке, увижу их только в 60—80 метрах.

Как медленно тянется время. Наверно, ушли прямо? Всё жду, жду, жду...

«Идут», — радостно говорю про себя, увидев смутило пропустившее тёмное пятно в сетке веток и стволов. Тихо беру ружьё в руки, осторожно прикладываю его к плечу и медленно веду за первым зверем. Вот волк уже в 40 метрах, встал, но как раз за деревом. Только бы не почуял, ведь чуть тянет воздух от меня на посадку. Двинулся снова, до волка уже 20 м, мушка следует за лопаткой зверя. Волк остановился. Жму правый спуск, думая увидеть, как он рухнет на снег, и тогда попробую стрелять второго... В следующий момент удивлён до растерянности — после выстрела волк даже не пошатнулся. Он громко взывал и бешено закрутился на одном месте «волчком». Стреляю по крутящемуся из левого ствола крупной картечью — результат прежний — крутился. Хватая патронташ,lixoradочно отыскиваю «лисью» «четырёхнуклевку», картечных патронов больше нет, краем глаза следя за волком. Перестав крутиться и не видя меня, он большими прыжками кидается за бугор соломы. Всё же, заметив мои торопливые движения по зарядке ружья, волк в пяти метрах от меня бежит вдоль бугра соломы. С 15 метров успеваю стрелять его в угон «четырёхнуклевкой». Уходит большими прыжками... Невероятно. Неужели уйдёт? Метрах в 80 он скрывается в посадке, но, кажется, шатком было его движение в конце хода. Перезаряжаю ружьё нулевыми патронами, проваливаясь в снег, спрыгиваю с кучи, встаю на лыжи и бегу по следу. Вот где «четырёхнуклевка» подстригла шерсть со спины волка, крови на следу нет. Бегу дальше, что-то темнеет в посадке?.. Подхожу ближе. С полем, охотник! На

снегу, растянувшись и временами приоткрывая огромную пасть, лежит крупнющий светло-серый лобастый зверь — матёрый волк-самец.

Не с кем поделиться радостью добычи сторожного зверя. Разговариваю сам с собой и не могу оторвать взгляда от волка — какой великан, ну просто гигант, потому и казался мне второй волк маленьким в сравнении с ним.

Взял зверя за заднюю ногу, пытаюсь тащить его к соломенной куче, но быстро отказываюсь от этого — не хватает силёнок. По моим прикидкам, было в нём не менее 80 кг. Оставляю волка и, оглядываясь на него, иду к месту моей сидки. Около рюкзака вляются рукавицы, стреляные гильзы и патронташ, который я, разгорячившись, бросившись в погоню, забыл взять. Где моя опытность? Съемка шкуры заняла не менее часа (шкурку лисицы обычно снимаю на месте добычи за 15 минут). Кожа волка очень плотная и отделялась с трудом. Много раз тяжело поворачивал я тушу с бока на бок. И вот снятая трубкой шкура у меня в руках. Поднятая за нос, на вытянутой вверх руке, она хвостом и задними ногами оставалась на снегу. Мой рост 170 см. Более десятка пробоин от картечни насыпало в ней. Крови снаружи не было, потому что картечка при заходе забила отверстия шерстью. Внутренние разрушения тела волка были очень большие. Снова задача — в вещмешок шкура не помещается. Пришлось завернуть её в полиэтиленовую плёнку, а затем в брезентовую лёгкую куртку, которую беру с собой для защиты в случае сильного ветра, пурги. Перевязал свёртком шнуром и прикрепил его сзади к белому вещмешку. Хоть и демаскирует меня, но за спиной менее виден.

Время было около полудня, ещё можно поохотиться. Усилился ветер с северо-востока. Впереди поле с торчащими из-под снега стеблями убранного подсолнечника. Просматриваю его в бинокль через 200—300 метров хода. Вот у одной из кучек стеблей подозрительно желтое пятно. Иду ближе — лисица. За 300 м до неё ложусь за снеговым бугром и, приготовив ружьё, маню писком мыши. Услышала, подняла голову. Маню. Села. Маню. Медленно идёт, словно спросонок, ближе, ближе. Поворачивает левее под ветер. Надо стрелять, веду ружьём. Заметив движение, рыжая мгновенно кидается назад. Гремит выстрел, второй... есть ещё трофеи!

Съёмку шкуры делал под заслоном посадки, у лошины.

Продолжил путь на запад, огибая очень густой сосновый молодняк на бугре. Заметил много волчьих следов — кажется, сюда держали путь мои два волка — очень хорошее место для днёвки. В пойме реки Медведица, километрах в двух от себя, замечал лису на ходу. Усилившийся ветер помог подставить под её ход и добыть.

В сумерки я уже шёл через М. Озёр-

ки к станции Подснежная. В тепле, на широком сидении массивного станционного кресла в зале ожидания, перекусил и попил чаю из термоса.

Это был мой первый добытый волк, очень крупный, с красивой ровной окраской меха и, несомненно, рекордный как трофеи. Знакомые охотники говорили, что мне просто повезло.

Возникли трудности при сушке шкуры волка — несколько раз увеличивал размер правилки, пока не довёл её до высоты дверного проёма. По прошествии нескольких лет, знакомый татарин — приёмщик пушинки, которому я сдал шкуру, сказал мне: «Ну и побегала я из-за твоего большого волка. Зав. меховым складом взял шикарную шкуру себе, а меня заставил искать замену, без квитанции за сдачу».

НА ЛОГОВЕ

Вот уже на протяжении нескольких лет собирался я в мае поискать волчьи логово. У меня было намечено несколько точек, где зимой и летом всегда встречались следы пребывания волков.

Из литературы и собственных размышлений следовало, что место расположения логова должно отвечать некоторым условиям. Наличие воды, доступного корма в разных сторонах от логова, при этом — место должно быть глухое, малопосещаемое людьми. Может быть, поэтому волки выбирают для логова, как я заметил, места на границах районов и областей.

И вот, наконец-то, в последний майский день 1980 г. еду в сравнительно небольшой лес, расположенный на границе Саратовской и Пензенской областей, километрах в сорока от дома. Еду без ружья, налегке. Считается, что волк и ворона отличают человека с ружьём, сторонятся его, я, конечно, понимал всю призрачность своих надежд на успех дела, но так хотелось побывать в весеннем лесу, послушать и подсмотреть его обитателей, вволю наслаждаться ароматным лесным духом.

И вот иду не спеша затравленевшей заброшенной дорожкой к середине леса. Старые следы волка, кажется, самца, обнаружил сразу. А на дороге, в низинке у непересыхающей лужи, нахожу свежие следы волка и волчицы. К северу от лужи уходит захламлённый, с густым подлеском участок. В нём и решил полазить основательно. Трещу кустами подлеска уже с полчаса, ничего не нахожу. Тропок не видно. Душно, жарко. Полный штиль. Остановился на маленькой полянке передохнуть. Слышу шорох сзади. Обернулся, жду. И вот на полянку метрах в десяти от меня выходит волк, скорее всего волчица, рыжеватая, не перелинявшая ещё. Словно не замечая меня, она идёт, опустив голову к земле (а может, шла по следу).

Потом, будто только увидев, разворачивается, уходит назад. Вначале побежав за ней, я остановился, поняв, что волчица отводит меня от логова.

Полез опять по кустам. Жарко. Ни ветерка, ни облачка в небе. Меня не покидает чувство несоответствия в природе со временем года... Вот уже какое-то время слышу периодически появляющийся тонкий протяжный крик канюка, знакомый с детства (так в конце лета кричат молодые птицы, прося корм). И вдруг до меня дошло — какие канюки, ещё конец весны, да и звук слышен снизу... И, когда протяжный писк раздался вновь, я кинулся кустами прямо на него.

Вскоре вышел на небольшую поляну, в разных углах которой ползали под кустами волчата. Один из них в дальнем углу скрипел. Волчата только начали открывать глаза. В северной стороне поляны в песчаном бугре темнела неглубокая пустая нора. Вероятно, волчица, обеспокоенная моим появлением у логова вытащила щенков из норы и, не зная, что делать дальше, ходила за мной по пятам.

Волчат было восемь, они уже хорошо ползали и весили около 2 кг каждый. Сняв с себя куртку, сложил их в неё и пошёл, как мне казалось, к дороге. Лезть через кусты с пудовым грузом было очень трудно.

В годы, о которых я пишу (конец 70-х, начало 80-х) наблюдался взрыв численности хищника. Волк наносил ощутимый урон сельскому хозяйству и был первым разносчиком вируса бе-

шенства. Потому государство выплачивало тогда вознаграждение охотникам, добывшим зверя. Выплата происходила при сдаче шкурки волка любого возраста.

Ружьё у меня с собой не было, остановился на крошечном пятаке среди густого подроста, волчата пищали. Затрещали кусты метрах в десяти от меня — это ломился ко мне волк... Встав с земли, я громко крикнул первое, что пришло в голову: «Куда прёшь, куда?» Триск прекратился, и волосы, вставшие было дыбом на моей голове, улеглись... Да, боится волк голоса человека, я это знал. Столетиями шла борьба человека и волка. И зверь выработал стойкую привычку не защищать щенят, и этим сохранял свою жизнь.

Двух волчат — самца и самку я всё же пощадил, взял их домой, решив приручить. Забегая вперёд, могу добавить, что не всех волчат отыскал в кустах весной. Когда в середине осени я снова посетил этот лес, на грязи дорог увидел отпечатки лап как взрослых, так и молодых подросших волков. Видимо, какую-то часть выводка волчица успела отнести подальше от норы.

Дома сыновья обрадовались моей находке. Дали имена волчатам — Сильва и Гордый, поили молоком, определили в большую коробку. Волчата быстро росли, ели хорошо и много, но, признаков приручения не выказывали. Они были сами по себе. Поместили мы их в летней беседке, в огороде перед окнами дома, окружив её тоже забором, который я периодически повышал. Всё лето я кормил их, но они дичились. При даче мяса готовы были схватить его вместе с рукой. Ребята охладели к ним. Права оказалась народная мудрость: «Сколько волка не корми — он всё в лес смотрит». И, когда однажды осенью, перепрыгнув через забор у беседки, здоровые волки начали махать по огороду, готовые выскочить на улицу посёлка, я принял жёсткие меры...

Один старый охотник в ответ на мой рассказ сказал: «Надо было одного только приручать, он был бы податливей». Что-то не верится.

Надо сказать, что, по литературным данным, волчат считают молчунами, редко поддающимися голосу. Видимо произошёл своего рода естественный отбор — выводок с голосящими щенками погиб.

ОТ СВИСТА КАРТЕЧИ

В начале восьмидесятых годов со-вмешал я основную работу (по скользящему графику) с работой егеря (на полставки) Новозахаркинского приписного охотничьего хозяйства в Саратовской области. Егерский участок был большим — 42 000 га и располагался южнее города Петровска. В основном это степные равнинные пашни. Лишь у села Колки и за селом Языковка есть небольшие перелески.

Закончился зимний охотничий сезон 29 февраля, а 1 марта отправился в угодья для учёта оставшихся зайцев, лисиц и прочих животных. Я не собирался охотиться, но идти без ружья как-то непривычно, поэтому взял с собой лёгкую однстволку (ИЖ-18).

Доехал поездом — «хлебовозкой» до села Кутьино. Далее заскользил на широких охотничьих лыжах вдоль реки Таволожка, по границе охотничьего участка на юг.

День был хороший, хоть и пасмурный, с лёгким ветерком и морозцем. Заструг в полях почти не было, идти было легко. На ходу примечаю следы зверей и периодически осматриваю дали в бинокль.

Впереди справа большое поле убранного подсолнечника с торчащими из снега срезанными стеблями. Проглядываю его и не могу понять, что за серое пятно в километре от меня и метрах в ста от края поля. Цвет похож на волчий окрас. Иду ближе и в бок — пятно увеличивается и делится на два. Да это же волки лежат совсем рядом друг с другом! Откуда они пришли? Вот теперь я пожалел, что не взял двустволку и порадовался, что белый маскировочный халат и белую накидку на вешмешок я захватил с собой.

Оделся в белое, зарядил ружьё крупной картечью и пошёл на сближение, постоянно следя за волками. Странно, но они ни разу не подняли головы. Стало понятно их появление в степи — идёт гон. Вероятно, пробежав много километров, волки теперь крепко спят.

Подойдя к серым метров на 120, понял, ближе не удастся, ветерок слабый. Спрятал лыжи в снег, осторожно вырыл яму в снегу, залёг в ней и стал думать, что делать дальше. Манить голосом зайца? Могу сфаляшить и обнаружить себя.

Зная волчью пугливость, решил внезапным выстрелом поднять их с лёжек, и ещё подумалось: скорость распространения звука — 330 метров в секунду, скорость полёта картечи та-кая же. Звук и картечью дойдут и разбудят зверей одновременно. Но если стрелять выше их, свист от полёта картечи далее лёжек они должны услышать, уже проснувшись, и инстинктивно побегут от него на меня. Приготовил патрон с картечью помельче, на-метил дальнейшие мои действия. Главное — быстрая перезарядка ружья и не выдать себя движением.

Навёл мушку на волков — спят безмятежно. Хотелось так и стрельнуть. Пересилил себя, поднял мушку много выше и нажал спуск. После выстрела, всецело занятый быстрой перезарядкой однстволки, я не смотрел в их сторону, а когда выглянул, они были уже в пятидесяти метрах, один слева, другой справа, и неслись большими прыжками, вздымая снег. Левый волк что-то всё-таки услышал или увидел, и забочил ещё левее от меня. Правый, не видя, проходит в тридцати метрах. Стреляю, целясь по туловищу. Следует взвой, кувырок, и на передних ногах

волк быстро ползёт от меня. Пришлось стрелять ещё дважды. После чего крупный матёрый самец растянулся на снегу. Я торжествовал: оправдался мой авантюрный план!

Услышали волки свист удалявшейся картечи, а боязнь человека, пугливость погнали их в мою сторону. И направление уходящей картечи они определили очень точно и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, помчались на меня. Единственное, что могло их отвернуть с этого пути — это запах войлочного пыжа, улетевшего, вероятно, метров на сорок. Кажется, волчица и пошла в сторону, почуяв пороховой запах.

ВОЛКА И ОХОТНИКА НОГИ КОРМЯТ

В феврале — марте 1983 г. количество встречающихся следов волка резко возросло. По-видимому, в их семьях шла перегруппировка или ухудшилась кормовая база. Участились подходы зверей к скотомогильнику у посёлка Пригородный, где я проживал.

В воскресенье 13 марта, используя права егеря и волчатника, решил сходить в поля, надеясь найти свежий след волка.

Предыдущий день выдался ненастным, со снегом и пургой. Однако ночью вызвиздило, и утро было ясным, чуть тянулся ветерок с запада. Мороз около 16 градусов. Приятно было идти на лыжах, тем более, что уже через километр я пересёк свежие волчьи следы, которые вели от скотомогильника. Начал тропить след. Через три километра вышел к полю с кучками неубранной соломы, на которых волки отдыхали, разойдясь. Насчитал четыре лёжки. Далее звери направились правее, на юг к видневшимся в километре зарослям кустарников (это место мы называем «вторая бригада»). В сотне метров от кустарника стоял омёт соломы, и я на мереялся забраться на него для обзора местности, но не успел дойти, как из-за кустарника начали высакивать волки. Видимо, они лежали за кустами и хорошо меня слышали. Я насчитал пять волков. Под солнцем их тела отливали краснотой. Выстроившись гуськом, они быстро удалялись от меня. Их, кажущийся неторопливым, шаг на самом деле очень спорый.

Ругал себя за проявленную беспечность при троплении. Однако настроение было радостное — возбуждённое: не часто удается близко наблюдать семью крупного, красивого, умного хищника.

Волки скрылись из вида. Идя рядом с их следом, я размышлял, где они могут остановиться. Я прекрасно знал топографию местности по направлению хода зверей. Через два километра будет густой кустарник в естественном понижении местности, размером с гектар, но вряд ли они полезут в него в тихий день, а усиления ветра пока нет. Всё же надеялся на что-то, иду за ними.

Прошли одним следом мимо кустарника метрах в двухстах. Далее чистое

белое поле до поперечной старой берёзовой посадки, видневшейся в пяти километрах впереди. Иду к ней по следам. Почему-то цепочка следов начинает делиться на несколько и затем снова сходить в одну. Видимых причин этих отходов я не находил.

Ну вот и посадка. Осторожно пересекаю её в надежде увидеть ушедшего в сторону зверя. Нет, все идут дальше, направляясь правее, на видневшийся в четырёх километрах небольшой густой лесок. Появилась надежда, что лягут в нём на опушке. Прибавил ходу.

В бинокль я смотрел постоянно. Поднеся его к глазам в очередной раз, увидел недалеко от леска ...лыжника с палками. Он стоял и что-то рассматривал на снегу перед собой. Пройдя ещё пару километров убеждаюсь в том, что лыжник разглядывал следы волков, возможно, виденных им. Я задумался. Продолжать ли преследование дальше? Прошел уже более пятнадцати километров. Теперь волки могут остановиться в пойме реки Таволожка, а это ещё около пяти километров. Особой уверенности в успехе охоты у меня не было и раньше, хотя в глубине души теплилась надежда — вдруг что-то изменится. Постояв немного, решил продолжить тропление.

Тёмные точки лежащих зверей заметил издалека. Они расположились в разбродах. Пара волков рядом, а одиночки в окружности, на расстоянии до сотни метров. Так вот почему временами делился след — матёрые начали отговарять от себя молодых. Семья делится.

Западный ветерок (2—3 балла) не усиливается, и шансов мне не прибавлял. Обойдя место лёжки по оврагу — отрогу реки Таволожка — начал подход с юга, по лощинке к паре матёрых. Подошёл метров на 250, когда они меня услышали. Волки не видели меня, но,

встав с лёжек, медленно отходили на восток. По пути они подняли с лёжек двух молодых волков, которые стопорнились их. Пришлось вернуться своим следом назад и подходить к зверям с севера. Продвигался я очень осторожно и в «мертвом пространстве» от волков. Когда выглянул из лощинки, уже не мог понять, где старые, где молодые — все располагались отдельно: три волка лежали, два сидели. Ветер был очень слабый и подойти ближе к потревоженным зверям невозмож но. Осторожно вырыл перед собой траншею в снегу, насыпал вал перед собой. Приготовил «мышиный» и «заячий» манки.

Ближний волк был в 150 метрах от меня. Звук «мышного писка» он явно слышал, оглядывался в мою сторону, но больше посматривал на других волков, чего-то остерегаясь. Вот зверь, поднявшись, медленно, с остановками, направляется на восток, чуть ближе ко мне. Маню ещё раз — слышит, но идёт стороной. Проходит метрах в 60—70. Ближе не будет — решаю я и стреляю с левого ствола картечью (16 шт.), ожидая, что после «грома среди ясного неба» напуганный зверь кинется бежать в любую сторону (а, может, и на меня?). Коротко взыв и кусая себя за зад, волк закрутился на месте «волчком». И тут сработал мой условный или безусловный рефлекс: неведомая сила подняла меня с лёжки; гигантскими прыжками я поскакал к волку, держа в правой руке ружьё с одним зарядом. В голове одна мысль — сократить расстояние до зверя. Я уже одолел половину расстояния, когда волк, очнувшись от шока, на махах кинулся прочь. Над мушкой появлялись то голова, то зад бегущего зверя... Гремит выстрел. Протащившись по снегу несколько метров, хищник остаётся недвижим. В тишине раздаётся мой вопль первобытного охотника: добыл, добыл!!! Бегу к поверженному зверю — крупная волчица с пышным мехом светло-серого окраса. Переярок. Картечина, одна из двадцати четырёх, угодила в середину черепа.

Когда возвращался за вещмешком, манками и лыжами, просто не поверил своим глазам, неужели я мог сделать такие «тройные» прыжки?! Рекордсмен да и только в свои 46 лет. Попробовал было повторить их. Нет, не получается, адреналин не тот. Но надо торопиться, снимать шкуру, уже темнеет. Предстоит возвращаться домой через поля на лыжах по целине 20 километров.

Уже ночью, привычно двигая лыжами по пути к дому, я размышлял о волках. Сколько же они проходят за сутки? Ведь к их дневному пути надо прибавить ночной, раза в два длиннее. Права пословица «Волка ноги кормят» можно только добавить к ней: «...и охотника тоже!»

А как приятно сознавать, что домой ты идёшь не с пустым рюкзаком, а с трофеем, добытым в честной борьбе, один на один, с сильным и умным зверем.

Виктору Георгиевичу Юдину – 75 лет

Г. СУХОМИРОВ, старший научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН

Виктор Георгиевич Юдин

20 февраля 2015 г. известнейшему исследователю хищных млекопитающих Дальнего Востока В.Г. Юдину исполнилось 75 лет. После окончания школы в 1957 г. и двухлетней работы в районном коммунальном хозяйстве в 1959 г. Виктор был призван в армию. За отличные показатели в службе его имя было занесено в книгу почета авиационной части. Виктору Юдину досрочно в 1962 г. разрешили поехать для поступления в Иркутский сельскохозяйственный институт на отделение охотоведения. В 1967 г. он успешно закончил институт, где встретил свою верную спутницу Елену. Работать поехали в Управление охотничьего хозяйства Амурской области. Виктор работал старшим охотоведом, а Елена — зоотехником-звероводом. Работая в Управлении, юбиляр не ограничивался служебными обязанностями, а начал исследования по биологии енотовидной собаки.

После пяти лет работы в Управлении В.Г. Юдин был приглашён на работу в Дальневосточное отделение ВНИИОЗ, где он занимался организационно-экономическими вопросами охотоведческих предприятий, одновременно продолжая исследования биологии енотовидной собаки. Спустя три года (в мае 1974 г.) молодого исследователя пригласили на работу в Биологический-почвенный институт ДВНЦ АН СССР, где темой его научных исследований стала «Биология хищных млекопитающих Дальнего Востока». Потребовались необходимые знания биологии всех основных сопутствующих видов — земноводных, рыб, грызунов, птиц, копытных, то есть животных, с которыми хищники вступают в пищевые и пространственные отно-

шения. В мае 1975 г. В.Г. Юдин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Енотовидная собака Приморья и Приамурья», а в 1977 г. опубликовал монографию под тем же названием.

Активно включившись в научные исследования, юбиляр собрал обширный материал по экологии и морфологии практически всех наземных хищных млекопитающих региона, создав оригинальные коллекционные серии. На основе этих материалов он опубликовал ряд статей. В 1984 г. была издана коллективная монография «Наземные млекопитающие Дальнего Востока СССР. Определитель», в которой был помещен объёмный материал В.Г. Юдина по хищным млекопитающим (100 с.). В 1986 г. вышла его вторая монография «Лисицы Дальнего Востока СССР». Коллективные исследования млекопитающих в Зейском заповеднике были опубликованы в 1984 г. в монографической работе «Млекопитающие Зейского заповедника». Там юбиляром были написаны главы по хищным млекопитающим, а также изложены материалы по численности хищных и копытных животных с пояснениями методов учёта.

В 1989 г. вышла книга «Редкие позвоночные животные Советского Дальнего Востока и их охрана», для которой 8 очерков по редким видам хищных млекопитающих были подготовлены В.Г. Юдина.

В 1992 г. вышла очередная монография В.Г. Юдина «Волк Дальнего Востока России», а в 2013 г. опубликован второе её издание, переработанное и дополненное.

В 2009 г. совместно с Е.В. Юдиной была издана монография «Тигр Дальнего Востока России». Для сбора материалов и подготовки рукописи монографии потребовалось более 30 лет. Монография была включена в Главный научный отчёт Академии Наук России. На книжных выставках в Благовещенске (2010 г.) и во Владивостоке (2011 г.) эта уникальная книга завоевала первые места и золотые медали.

Начиная с 1978 г., В.Г. Юдин, с неизменным участием Е.В. Юдиной, начал изучение особенностей биологии хищников при содержании их в неволе. Был организован стационар в с. Гайворон Спасского района Приморского края. По мере возможности подопытных зверей размещали в вольерах или в обширных клетках. Здесь в процессе работы расширялась сфера научных интересов супружеской пары Юдиных и от первоначальной темы «Изучение особенностей питания хищных млекопитающих» перешла к исследованиям вопросов размножения и разведения, роста и развития потомства, возможностей выпуска зверей в природу, возрастные изменения животных и многие другие вопросы. Особенно интересными оказались наблюдения за

По выходным дням работа с посетителями — приходят взрослые и дети

Молодые рыси

волками. Пока они находятся в ограждённом вольере, они покорны и послушны, но стоит им вырваться на свободу — это совсем другие звери. Чтобы вполне понять внутривидовые отношения волков в брачный период, Виктор Георгиевич 10 дней (без оружия) тропил следы волков — брачной пары и отдельной стаи. Полученные сведения стали основополагающими в оценке поведения и роли грозных хищников в биоценозах.

Не менее значимыми оказались наблюдения за поведением тигров в семейной группе. Все, кто занимался разведением тигров, советовали отдельить самца от самки до рождения тигрят, поскольку обычно самец убивает их. Однако Юдины решили рискнуть. Оказалось, что самец не только не уничтожает тигрят, но и допускает их к своей жертве. Они совместно едят. Например, дальневосточного кота самка перед рождением котят не допускает к логову.

Одним из важных результатов исследований явилась разработка методов выпуска молодых, родившихся в неволе, зверей в природу. Оказалось, что котята дальневосточного кота, эгоистичные по своей природе, легко осваиваются в естественной среде в возрасте 3,5–4 мес. Также легко становятся дикими щенки енотовидной собаки. Разработан метод адаптации и выпуск в естественные местообитания медвежат гималайского медведя, родившихся в неволе. Отработана методика подготовки к выпускам на волю тигрят, также родившихся в неволе и живших в семейной группе. На стационаре, под руководством В.Г. Юдина, проходили реабилитацию тигрят-сироты. Все тигрят впоследствии были выпущены в природу. Получен богатый опыт работы с тигрятами, родившимися в неволе, а также с сиротами, который позволяет уверенно говорить о возможности оказания «помощи» популяции редчайшего зверя для со-

хранения его в случае критической ситуации.

В процессе изучения питания и потребности хищников в пище в течение года была подмечена весьма любопытная особенность — потребность в пище имеет синусоидальную форму. Осенью, в середине августа начинает возрастать аппетит и организм вполне усваивает пищу. К середине — концу октября она достигает своего пика и сохраняется на таком уровне до середины января, затем стабилизируется и начинает снижаться. В марте потребность в пище снижается до 30 %, а к началу мая достигает своего минимума, сохраняясь в таком объёме до середины августа. Эта динамика в потреблении пищи свойственна всем без исключения хищным млекопитающим.

Опыты по скармливанию определённых видов жертв хищникам дали возможность разработать коэффициенты переваримости пищи, а далее перейти к разработке метода восстановления употреблённого объёма пищи по структуре копролитов. То есть, применив данный метод, можно выявить размер суточной потребности, вернее употреблённой пищи, а по количеству и объёму экскрементов — объём съеденной пищи. В процессе специальных отстрелов диких копытных животных, основных объектов питания крупных хищников, путём взвешивания добывших животных, проведения промеров по специальной схеме и взвешивания отдельных частей тела, были разработаны методы восстановления прижизненной массы убитого хищником животного, объёма употреблённой пищи за конкретный отрезок времени (сутки, разовая потребность). А взвешиваниями, промерами и описанием остатков жертвы, по специальной формуле, — рассчитать степень утилизации в конкретных единицах и общую потребность хищника (по видам) в пище.

За период научной работы В.Г. Юдин опубликовал 142 работы, из них четыре авторских монографии и 6 в соавторстве. Его публикации, особенно монографии, по широте и глубине исследований, сочетанию полевых и стационарных работ, вероятно, не имеют равных в стране: это большая научная, природоохранная и производственная ценность.

Кроме научных исследований на стационаре проводится эколого-воспитательная работа. Стационар посещают российские и зарубежные учёные, проводятся многочисленные экскурсии со школьниками и всеми желающими. В течение года стационар посещают от 2,5 до 4 тыс. человек. Эта дополнительная функция осуществляется бесплатно. Посетители с интересом слушают рассказы (без выдумок) исследователей о жизни животных, насколько, при каких обстоятельствах и какие животные опасны для человека. С интересом выслушивают объяснения направлений и реальной значимости исследований. Большинство посетителей имеют очень смутные понятия о необходимости подобных работ. Исследования Юдиных касаются в основном редких и краснокнижных видов, численность которых в связи с антропогенными преобразованиями экосистем неуклонно сокращается и простой охраной сохранить эти виды в природе невозможно. Следовательно, необходимо отрабатывать методы оказания популяциям помощи путём подпуска особей, выращенных в неволе. Для этого необходимо познать все детали поведения животных, взаимоотношения их с человеком, особенности размножения, роста и развития молодых зверей и т. п. Одной из наиболее ответственных сторон в данной работе следует признать воспитание у них способностей самостоятельного обеспечения пищей, избегания встреч с человеком, и только потом «позволить»

Харза — обычный хищник кедрово-широколиственных лесов

Фото В. Юдина

им жить в естественных условиях.

В годы Советской власти в работе стационара ежегодно принимали участие 5—6 студентов ДВГУ, Уссурийского пединститута, Хабаровского пединститута, Благовещенского пединститута. Многие из них подавали большие надежды на включение их в научную работу. Однако сложная ситуация в Биологическом почвенном институте ДВО АН СССР исключала такую возможность. Максимум, что студенты могли, так это подготовить красивые, насыщенные научным, полученным собственными руками материалом, курсовые и дипломные работы. Все подготовленные дипломные и курсовые работы получали при защите отличные оценки.

С началом перестройки студенты «исчезли». Даже возникает сомнение в том, что биологические факультеты ещё существуют. В настоящее время обслуживание зверей в полной мере ведут всего два сотрудника БПИ — ст.н.с. В.Г. Юдин и инженер института Е.В. Юдина, ценой невероятных усилий и лишений сумевшие сохранить подопытную группу зверей, а также продолжать плодотворные научные исследования. Накопленный за годы

работы материал публикуется в содержательных статьях и монографиях. Широта научных интересов от гельминтологии, особенностей поведения животных, их межвидовых связей до выпуска в природу потомства, просто поражают. Не менее масштабны охваченные исследованиями территории — Дальний Восток России и прилежащие регионы. Собраны обширнейшие научные коллекции, требующие немалого времени на их обработку. Оригинальные данные сопоставляются с литературными источниками. Юдины имеют библиотеку, включающую более 2,5 тыс. книг. Публикации монографий в большей мере происходит с помощью спонсоров. В настоящее время готова рукопись монографии «Дальневосточный лесной кот», но её издание под вопросом из-за отсутствия средств. Отсутствие централизованной помощи по содержанию животных, отсутствие квалифицированных помощников существенным образом сдерживает обработку и публикацию ценнейших сведений, направленных на сохранение фаунистического разнообразия одного из уникальнейших уголков нашей страны — Дальнего Востока.

При неоднократном посещении мною стационара и знакомства с работой четы Юдина, я не только восхищался их работоспособностью, но и преданностью науке, ведь монографии по лисице, волку и тигру, а также результаты исследований по питанию хищных млекопитающих Дальнего Востока — это отлично подготовленные докторские диссертации, но В.Г. Юдин утверждает, что ему некогда заниматься «бумажными» делами, и он не может покинуть свое «хозяйство» даже на несколько дней. К сожалению, в настоящее время таких энтузиастов, преданных науке до «мозга костей», обычно не ценят.

В заключение хочется пожелать Виктору Георгиевичу здоровья, творческого долголетия, подготовки и публикации новых научных работ на основе уже накопленного огромного материала по хищным млекопитающим Дальнего Востока.

Редакция журнала в свою очередь поздравляет Виктора Георгиевича Юдина с юбилеем, желает доброго здоровья, успехов в научной деятельности

Учет леопарда и тигра

Д. ПИКУНОВ, доктор биологических наук
В. ЮДИН, кандидат биологических наук. Фото В. Юдина

Знание количественных и качественных характеристик популяций, территориальных группировок или иных объединений охотничьих или особо охраняемых видов животных необходимо для разработки мероприятий по их хозяйственному использованию или установлению охранного статуса. При этом необходимо не только определить количество или плотность населения животных, но и выявить половой и возрастной состав популяции (территориальной группировки). Без этих показателей невозможно разработать нормы освоения ресурсов, определить репродуктивные свойства и оценить перспективу сохранения редких видов. Для проведения учётов редких и охотничьих видов зверей используют много различных методических разработок. Методически грамотно выполненные полевые работы являются основой для оценок количественного присутствия животных. Достоверные учёты дают возможность рассчитать количественный состав группировки в конкретных единицах с определёнными допусками (вилкой). В отношении крупных видов млекопитающих широко применяют методы зимнего учёта по следам на снежном покрове. Сохранение единобразия методических приёмов при проведении учётных работ отражает направление движения за определённый временной интервал структур-

ных, поведенческих и пространственных изменений. Соответственно выявляются экзо- и эндогенные факторы, повлекшие изменения, отмеченные в ходе полевых работ. На заключительном этапе работы обрабатывают полученные данные и подсчитывают общее количество животных.

Данный принцип подведения итогов исследований, в частности в отношении крупных кошек, применяют широко — он не допускает грубых (субъективных) ошибок (Матюшкин и др., 1999). Однако динамические процессы в группировке (популяции) требуют не только количественного, но и пространственного сравнительного анализа (идентификации), опирающегося на результаты предыдущих учётов, определение причин, мотивировавших изменения. Многолетнее использование единобразных методов полевых исследований и территориальной привязки маршрутов также следует признать одним из главных требований при определении состояния ресурса животных и перспективы их существования. В данном контексте синхронизация методов учёта должна быть наиболее строгой в отношении редких и малочисленных видов. В любом случае применение уклоняющихся методов должно идти параллельно, чтобы отразить преимущества нововведений. В противном случае исключается возможность сравнитель-

ного анализа и, соответственно, возрастает вероятность субъективизма.

Если в отношении охотничьих видов возможно применение градации оценки ресурса «меньше», «больше», «стабильно», то для таких видов, как тигр и леопард, методики учёта отработаны и позволяют с достаточной достоверностью и минимальными допусками конкретизировать количественные показатели до единиц, показать структурные характеристики популяций. Данные виды постоянно находились и находятся в центре внимания учёных и природоохранных организаций, учётные работы проводятся регулярно и поэтому сохранение единобразия методов исследований следует считать одним из основных требований. Кроме того, точность и достоверность работ повышается при использовании постоянных учётных маршрутов, описания которых, включённые в отчёт, являются обязательным подтверждением исполнения методических требований. Любая попытка фальсификации или умозаключительной оценки численности данных видов не только неприемлема, но и опасна в перспективе существования видов. Субъективные «ошибки» или заведомые завышения численности редких видов подводят их под угрозу применения неправомерных действий со стороны природоохранных ведомств. Одним из таких мероприя-

тий может стать выведение видов из «Красной Книги» (пятнистый олень, гималайский медведь, дальневосточный кот) и включение их в число охотничьих видов.

В отношении амурского тигра, внесённого во все существующие «Красные Книги», неоднократно высказывались требования открыть ограниченный отстрел. Данная тема сейчас «закрыта», но, как ни странно, продолжается закамуфлированное её обсуждение, якобы на «фактическом» материале, которое находит своих сторонников, утверждающих необходимость локального «регулирования численности тигра». В данном контексте в качестве примера очень показателен «Отчёт по учёту дальневосточного леопарда 2013», выполненный В.В. и С.В. Арамилевыми. Подготовка, выполнение полевых работ и составление Отчёта вызывают сомнения в отношении достоверности полученных материалов. К участию в учётных работах дальневосточного леопарда не были привлечены научные сотрудники, обладающие необходимыми методическими знаниями, имеющие опыт организации работ в рамках разработанных стационарных маршрутов. В.В. и С.В. Арамилевы привлекли к работе сотрудников охотнадзора, егерского состава ООПТ Приморского края и охотников. Они разработали новые маршруты, которые оказались длиннее прежних, применяемых при учётах. В сложном рельефе местообитаний леопарда качественно выполнить такие маршруты в пешем порядке невозможно. Были применены снегоходы и квадроциклы. При такой организации работ не ставился вопрос по троплению следов в прямом направлении и в «пяту», что само по себе явилось грубейшим нарушением методики учёта. Учётчики без знаний особенностей следовой дорожки самцов и самок, молодых и взрослых зверей не смогли, да и не стремились, определить пол и возраст животных, лишь отмечали следы и их размеры. Таким образом, учёт редчайшей кошки Планеты

был проведён по методике ЗМУ. Поэтому в Отчёте при подведении итогов больше 50% зверей показано как неопределённого пола и возраста, а количество леопардов по данным «Отчёта» «увеличилось» почти вдвое. Другие замечания попытаемся обсудить более детально.

Просматривая Отчёт по учёту дальневосточного леопарда в 2013 г., легко обнаружить своеобразие и странные особенности организации полевых работ, а также полное игнорирование основных положений (требований), что снижает ценность Отчёта до его неприемлемости. Совершенно отсутствуют первичные данные и лишь на прилагаемых картах расставлены значки с обозначениями мест обнаружений хищников. Остановимся на некоторых, по нашему мнению, грубых «подтасовках» при обработке результатов полевых работ, что исключает возможность сравнения результатов прежних, квалифицированных, учётов.

На основании опыта проведения систематических учётов численности дальневосточного леопарда, обитающего на ограниченной территории юго-западных районов Приморского края, накоплены объективные материалы о состоянии его популяции. Использование данных материалов в сравнительном плане необходимо для того, чтобы выявить тенденции развития популяции, позволяющие объективно подойти к общей оценке природоохранного статуса вида. Идентичность методов учётных работ позволяет снизить возможное влияние субъективизма. В любом случае, введение каких-либо новшеств методического плана должно быть аргументировано, а результаты, полученные применяемыми прежде и новым методами, сопоставимы. Только таким образом можно показать аргументы в пользу методических нововведений.

Впервые учёт дальневосточного леопарда выполнен в 1972 г., а всего, до

2013 г., их проведено 10. Главная задача исследований: определение численности и состава популяции леопарда и группировок всех сопутствующих ему крупных хищных и копытных животных. Мониторинг охватывал весь фаунистический комплекс, определяющий трофические и пространственные связи леопарда. В процессе исследований разработана и применена оригинальная методика учёта. Суть метода заключается в последовательной проверке ранее выявленных мест обитания леопарда и тигра. Полевые работы выполняла постоянная группа из 10–12 опытных учётчиков, неоднократно принимавших участие в подобной работе. Маршруты (общим количеством 150–160) закладывали с таким расчётом, чтобы каждый из них мог быть обработан учётчиком за световой день. В обязанности каждого участника исследований входило возможное определение пола, возраста, места локализации особи, тропление следов в пяту и в прямом направлении, сбор экспериментов и описание обнаруженных останков жертв. В итоге формировалась общая картина трофических связей и межвидовых отношений крупных хищников и их влияние на популяции копытных животных. Результаты учётов широко публиковались в печати (Абрамов, Пикунов, 1974, 2000, 2013; Пикунов, 1976, 1985, 1992, 2009, 2010). Особенно тщательно учётчики обследовали выявленные в предыдущие годы места концентрации леопардов и их объектов охоты.

В 1998 и 2000 гг. учёты численности леопарда и тигра с иным методическим подходом были выполнены В.В. Арамилевым и П.В. Фоменко. Работы проведены в формате «единовременных» учётов с привлечением 50–60 сотрудников службы охотнадзора, егерской службы и местных охотников. Группа учётчиков оказалась разнородной и слабо подготовленной к работе. Общая длина маршрутов со-

Могучий, красивый, высококлассный охотник — тигр — в то же время самый «интеллигентный» среди крупных хищников

Амурский тигр — пространственный и трофический конкурент леопарда

ставила 1000—1100 км. Учёт 1998 г. показал численность леопарда 40—44 особей, в 2000 г. 48—50 (Арамилев, Фоменко, 1998, 2000). К сожалению, авторы Отчётов показывали только увеличение численности леопарда, но не обосновывали свои выводы.

В 2000 г. учёт численности леопарда и тигра в юго-западном Приморье провели профессионалы (Д.Г. Пикунов, В.К. Абрамов, В.Г. Коркишко, И.Г. Николаев). Было заложено 140 традиционных учётных маршрутов, из них на 55 обнаружены следы леопардов, которые с полной характеристикой половозрастной структуры идентифицированы принадлежащими 22—27 особям (Пикунов и др., 2000). Сразу же после окончания данной работы В.В. Арамилевым и П.В. Фоменко на средства Общества сохранения диких животных (WWF США) был проведён повторный (единовременный) учёт, который показал наличие на той же территории 24—26 леопардов — фактически идентичный результат, за исключением половозрастных характеристик. Однако руководители учётных работ сочли необходимым увеличить результаты вдвое — до 48—50 особей, мотивируя это недостаточным снежным покровом, что, в принципе, для юго-запада Приморья обычное явление. Решение о двойном увеличении численности леопарда вопреки совпадению итогов обоих учётов чисто по умозаключительным рассуждениям несколько странно. Однако было бы логично результаты учёта 2013 г. сравнивать с результатами предыдущих, выполненных в рамках «единовременных». В таком случае выявилось бы, что никакого резкого увеличения количественного состава популяции дальневосточного леопарда не произошло.

Из структуры «Отчёта 2013» видно, что организаторы учёта провели его в формате «единовременный». С этой целью был разработан 101 маршрут. В отчёте не содержится никаких разъяснений — как и в каком временном разрезе выполнялись полевые исследования, как распределялись маршруты за выбранный промежуток времени (13—17 февраля). В период с 23 февраля по 5 марта 2013 г. было пройдено ещё 12 дополнительных маршрутов. Потребность или необходимость в выполнении дополнительных исследований не совсем понята и не обоснована. Время проведения этих дополнительных маршрутов не отвечает принципу «единовременного» учёта. Перед началом полевых исследований с коллективом учётчиков было проведено 3 учебных семинара, индивидуальный инструктаж при выдаче полевых дневников. Необходимость обучения была вызвана и тем, что большинство исполнителей полевых работ не обладали профессиональными навыками и впервые принимали участие в учёте. После инструктажа они прошли по сложным и незнакомым маршрутам, про-

тяжёлость которых в 1,5 раза превышала традиционные. Длину маршрутов рассчитывали сообразно физическим возможностям учётчиков, сложности рельефа юго-западного Приморья и необходимости качественной обработки маршрута в течение светлого времени. Общая длина 113 маршрутов в 2013 г. составила 1604,9 км. Увеличение длины маршрутов было недопустимо. Пройти по удлинённому маршруту и качественно выполнить исследование трудно даже для физически подготовленного человека. Здесь нельзя применить снегоходы, квадроциклы и другую технику. Только в пешем походе закладывается качество исследования.

В Отчёте декларируется двойное увеличение численности леопарда за прошедшие 6 лет после последнего учёта (2007 г.), а численность тигра «подпрыгнула» почти троекратно. Данное явление возможно лишь под влиянием мощного положительного внешнего импульса на популяции редких крупных хищников. Ничего подобного в Природе не отмечалось, а авторы Отчёта не представили обоснований своего вывода. Ошибки и поспешные умозаключения об увеличении численности редчайших видов просто опасны. Это может послужить поводом для «регулирования» состава популяций. Авторы не дали утвердительного ответа на самый главный вопрос — почему произошёл столь резкий «скакок» численности тигров и леопардов? Какие территориальные и трофические ресурсы содействовали реализации репродуктивного потенциала и сохранности потомства видов с практически идентичным типом питания? Как строятся взаимосвязи тигра и леопарда, тигра и леопарда с копытными животными? Вопросов остаётся достаточно много, и даже видятся противоречия, поскольку в Отчёте имеются утверждения о «жёсткой» конкуренции между тигром и леопардом. Кон-

куренция в самом простом её проявлении выражается в подавлении более сильным видом вида более слабого, что в итоге ведёт к вытеснению слабого вида за пределы обитания сильного или исчезновение слабого. Следовательно, тигр, как более сильный и крупный хищник, должен выступить своего рода ограничителем роста численности леопарда и его пространственного распределения. Однако численность обоих видов увеличилась в арифметической прогрессии!

Основанием для заключения о «жёсткой» конкуренции послужили упоминаемые авторами Отчёта три случая поимки тиграми леопардов. Но ведь не являются секретом и не единичны случаи убийства более сильным хищником слабого, взрослым — молодого и т.п. Бурый медведь, например, способен оказать достойное сопротивление тигру или убить его, лисица — поймать колонка или молодого барсука. В литературе таких описаний достаточно много. Следует ли из единично известных случаев, не приносящих ощущимого урона популяции леопарда, возводить его отношения с тигром в ранг «жёсткой» конкуренции? По-видимому, более доказательными оказались бы трофические предпочтения хищников. Но в отчёте ничего не сказано о питании леопарда и тигра, о количественном и видовом присутствии объектов их питания, о соотношении видов жертв в рационе того и другого. Неизвестно, какие внешние или внутривидовые факторы повлияли на резкий «скакок» численности обоих видов хищников. Кроме того, на прилагаемых картах тигры и леопарды не разделены пространственно. Таким образом вывод о жёсткой конкуренции и резком увеличении численности обоих видов является совершенно не обоснованным.

Учёт 2007 г. показал, «...что количество следов леопарда, встреченное

Дальневосточный лесной кот обитает на окраинных участках ареала леопарда

Рысь на юго-западе Приморья редка, но распространена на всем ареале тигра и леопарда

учётчиками на маршрутах, было вдвое (а тигра втрое) меньше, по сравнению с результатами учёта 2003 г.» (Пикунов, Арамильев и др., 2009). За этот же период ситуация с копытными ещё более осложнилась, а общая их численность снизилась в сравнении с 2003 г. приблизительно вдвое. Кроме того, в 90-е гг. прекратили своё существование оленесовхозы, где содержалось до 45 тыс. парковых оленей. Хищники периодически проникали на территории совхозов и нападали на олени. С исчезновением оленепарков трофические условия хищников получили еще более негативный уклон. На этом фоне утверждения об увеличении количества леопардов и тигров сомнительны, бездоказательны, субъективны. Обнаруженные в 2007 г. на 158 маршрутах общей протяжённостью 1740 км 96 следов леопардов и 80 следов тигров были идентифицированы принадлежащими 25—34 леопардам и 11—13 тиграм (Пикунов, Арамильев и др., 2009). В 2013 г. на маршрутах было обнаружено только 85 следов леопардов и 85 следов тигров, которые непонятно как были идентифицированы принадлежащими 47 леопардам и 27 тиграм. В связи с этим авторы Отчёта приходят к выводу о **«необходимости регулирования численности тигра»**. Подобные высказывания достаточны, чтобы чиновники из Министерства природных ресурсов сделали вывод о проведении отстрелов тигров на юго-западе Приморья. Фактически изолированные популяции тигра и леопарда могут оказаться в сфере коммерческих охот.

Расхождения в оценке численности хищников в 2007 и 2013 гг. на наш взгляд произошли по следующим причинам.

1. При обследовании маршрутов в 2013 г. непрофессиональные учётчики не обращали внимания на влияние погодных явлений на размер и

строение следа. В течение нескольких часов на склонах разной экспозиции следы в разной мере теряют свою первоначальную форму. Размер большой мозоли передней лапы (главный критерий индивидуальной принадлежности следа) под действием солнечных лучей увеличивается до 1 см (Ошмарин, Пикунов, 1990; Юдин, 2010). Не проводилось частичное обязательное тропление следов с целью определения направления хода зверя, возможное определение пола и возраста, обнаружение останков жертв.

2. Ставится вопрос об ошибке в оценке численности при подведении итогов учёта в 2007 г. Однако данное предположение исключено, так как в учётных работах принимали участие опытные научные сотрудники и подготовленные учётчики, неоднократно (5—6 раз) выполнившие подобные исследования и хорошо знавшие особенности рельефа местности, местонахождение резидентных особей, поведение хищников, пространственное распределение копытных животных. Постоянно осуществлялась «поправка» на особенности погоды и состояние снежного покрова. Поэтому предположение о грубой ошибке при учёте 2007 г. исключается.

3. В 2013 г. при подведении итогов полевых работ на наш взгляд допущены грубые отклонения от принятых методов учёта, о чём свидетельствуют разработанные авторами «Отчёта 2013» алгоритмы. С момента организации учётных работ в 2013 г. и до подведения итогов отмечается фривольное обращение организаторов к столь ответственной работе. Наше мнение основано на структуре Отчёта, и особенно на «алгоритмах» и «сенсациях». Кратко рассмотрим основные положения алгоритмов Отчёта.

А. К исполнению принятая точность измерения следов 0,5 см. В алгоритме № 8 приводятся размеры «пяток» возрастных категорий с точностью до 0,4 см. Эта незначительная разница никак не обозначена в Отчёте, а точность полевых измерений до 0,4 см просто отсутствует. Напомним, что в середине февраля на склонах южной экспозиции за несколько часов размеры следов теряют свою индивидуальную информацию. Именно в указанные сроки и проводились учётные работы 2013, однако о каких-либо поправках и коррекции размеров следов в Отчёте сведений нет.

Б. В алгоритме № 9 градация возрастных групп вообще выпадает из логического русла. Становится очевидным, что в полученном нагромождении измерений следов авторы просто не смогли «разобраться». В задачи учётчиков не входило изучение особенностей поведения зверей разного пола и возраста, не проводились обязательные тропления измеряемых следов и в пяту, и по ходу движения.

В. Вызывает большие сомнения доверительность рассчитанного авторами расстояния «между следами раз-

ных особей при анализе следов разной степени свежести» тигра и леопарда (разнополых особей и особей неопределённого пола) (алгоритм № 5). Если же авторы полагают, что имеются основания для таких подсчётов, то необходимо было раскрыть методы их получения.

Г. Диапазон в размерах «пяток» взрослых самок тигра и особей неопределённого пола и возраста в Отчёте 2013 г. абсолютно одинаков. Почему? Как учсть разницу в миллиметрах, если за один час на солнцепёчном склоне размер следа увеличивается до 1 см? Этот факт свидетельствует о небрежном подходе к выполнению полевых исследований.

Д. «Только размер «пятки» и присутствие котят является главным и безошибочным критерием при определении пола крупной кошки» (стр. 10 Отчёта). Констатация элементарных положений методики учётов не сочетается с самой сутью Отчёта, поскольку особи неопределённого пола составляют более половины расчётной численности. Почему? Потому что в качестве дополнительных критериев инди-

Дальневосточный леопард — крупный пятнистый хищник, конкурент тигра, самый редкий подвид семейства кошачьих

Фото В. Медведева

видуальной принадлежности следа обязательно применяются поведенческие характеристики, что не было даже предусмотрено при инструктаже учётчиков. Как мы отметили выше, именно поведенческие свойства особей разного пола и возраста совершенно не принимались во внимание во время учёта 2013 г., не осуществлялось тропление следов. Субъективный подход никак не отвечает главным требованиям работ по учёту животных любых видов — определению количества особей, возрастного и полового состава, а также пространственной ориентации в соответствии с реальными погодными и иными условиями. Неполнота собранных данных повлияла на весьма грубую трактовку полового и возрастного состава учтённых зверей. Возникает вопрос — стоило ли проводить достаточно затратные исследования, чтобы получить подобные (приблизи-

тельные) результаты?

Е. Отказ организаторов учёта от применения традиционных методов и маршрутов, увеличение протяжённости маршрутов (полноценное прохождение которых пешком невозможно за светлый период времени, а применение снегоходов и квадроциклов в полной мере невозможно из-за сложности рельефа) явились причинами низкокачественных результатов. Отсутствует возможность сравнения результатов предыдущих и новых учётов и изменений, произошедших в популяциях тигра и леопарда со времени предыдущего учёта.

Ж. В Отчёте отсутствуют сведения о рыси. В предыдущие годы (2000, 2003, 2007) на юго-западе Приморья постоянно отмечалось присутствие 5—10 рысей, которые в национальном парке «Земля леопарда» фиксируются на фотоловушках. Отсутствие каких-либо упоминаний о рыси в Отчёте за 2013 г. ещё раз подчёркивает профессиональную некомпетентность исполнителей полевых работ. По всей видимости, следы рысей приняты за следы молодых леопардов. О низкой квалификации учётов и составителей Отчёта можно судить также по количеству особей неопределённого пола и возраста. Определить пол и возраст всех зверей по следам сложно. Однако при учёте тигра в 1995—96 гг. количество особей данной группы составило менее 22 % (Матюшин и др., 1996, 1999). По результатам учёта леопарда в 2007 г. — 23 %. По результатам 2013 г. — по леопарду — 53 %, по тигру — 63 %. Можно ли по таким данным судить о процессах, происходящих в популяциях обоих видов? Видимо, комментарии здесь излишни.

З. В Отчёте совершенно отсутствуют сообщения о находках останков жертв и тигра, и леопарда. Это ещё раз подтверждает нашу убеждённость о безответственности (безграмотности) в организации полевых работ. Соответственно, и утверждать о «жёсткой» межвидовой конкуренции нет оснований. В классическом понимании конкуренция сводится главным образом к соперничеству за использование пищевых ресурсов и пространственному присутствию. Если посмотреть на карты (представлены в Отчёте), то можно убедиться в том, что ареалы тигра и леопарда перекрываются в широком диапазоне. Кроме того, отлов хищников в предыдущие годы с целью радиотрекинга выявил обоюдное использование обоими видами наиболее удобных звериных троп, проходящих по территориям с наивысшей плотностью копытных животных. Без демонстрации (динамики) количественных соотношений хищников и сопутствующих видов копытных, фактических свидетельств угнетения популяции леопарда под воздействием роста численности тигра, утверждение о «жёсткой конкуренции» просто надумано, а необходимость «регулирования численности тигра» и вовсе настороживает.

И. Одним из важнейших компонентов территориального присутствия видов, близких по типу питания и биотопическому предпочтению, является дистанция индивидуального сближения (Панов, 1983). Эта формула закономерна как для социальных, так и для асоциальных видов. В определённые биологические циклы или в условиях трофического дискомфорта животные перемещаются достаточно широко, возрастают площадь перекрывания ареалов. Однако стабилизация экзогенных факторов сопровождается «восстановлением» границ ареала или закреплением вида на вновь освоенной территории (Шварц, 1969). Подобные флюктуации наблюдаются и на юго-западе Приморья — тигр и леопард динамично осваивают территорию. В Отчёте показано, что площадь индивидуальных участков самцов и самок леопарда и тигра относительно велика, но территории для размещения такого количества хищников явно недостаточно, что отражается на плотном перекрывании индивидуальных участков (рис. 4—6 Отчёта). Подобное территориальное распределение хищников возможно только при обилии пищевых ресурсов и при возможности периодического биотопического разобщения местного характера (тигр — долины и многоснежные плато, леопард — скалистые, со сложным рельефом, участки). Чтобы доверительно показать реальную пространственную структуру популяций тигра и леопарда, необходимо было привести и конкретные цифровые выкладки по численности копытных животных и хотя бы ориентировочные объёмы изъятия животных хищниками, т.е. показать перспективу существования обоих видов, очень близких по типу питания и пространственной приуроченности на юго-западе Приморья.

Отсутствие исходных данных о состоянии кормовых ресурсов можно считать одним из основных недостатков Отчёта. Авторы «упустили» и не комментируют также существование достаточно сильного антропогенного пресса на копытных в пределах территории, охваченной учётом, хотя отмечают многогранное влияние антропогенного пресса на экосистемы региона.

Ситуация с состоянием местообитаний леопарда и тигра неуклонно ухудшается. Ликвидация оленеводческих хозяйств, продолжающаяся интенсивная вырубка лесов, систематические лесные пожары, практически не регламентируемая легальная и развитая нелегальная охота на копытных, пересечение всего юго-западного Приморья скоростной автомагистралью и планирующимся строительством газопровода не оставляют реальной перспективы сохранения фаунистических комплексов в целом, а тигра и леопарда в частности. Проблемы, возникающие в связи с интенсификацией хозяйственного освоения территории, освещались и в печати (Пикунов, Арамилев и др., 2009). К сожалению, в Отчёте присутствует «ликование» и излагаются «сенсации» совершенно иного направления.

Юго-западный участок является последним рубежом, откуда возможно естественное расселение леопарда и амурского тигра на сопредельную территорию Китая и Корейского полуострова. В явное противоречие с усилиями, предпринимаемыми международными организациями по восстановлению существовавших ранее ареалов тигра и леопарда, вступает рекомендуемое авторами «регулирование численности тигра». Никаких реальных, убедительных доказательств целесообразности рекомендуемых действий авторы не приводят, отчего Отчёт приобретает свойства «любительского»,

непрофессионального сочинения.

Следует отметить также следующее:

1. Отчёт базируется на хаотично собранных данных, не отражает реальной картины состояния фаунистических комплексов, в выводах преобладают преднамеренность и субъективизм, что крайне опасно в отношении редких видов. Отсутствует сравнительный анализ с результатами предыдущих учётов.

2. Слабо отражена существующая устойчивая тенденция ухудшения биологических свойств местообитаний диких животных в результате антропогенного освоения территории.

3. Соотношение количества следов леопардов, обнаруженных в 2013 г. и в предыдущие годы, не может быть принято в качестве доказательства скачкообразного увеличения численности хищников. Подобный вывод голословен, субъективен.

4. Количество тигров также сильно преувеличено. Авторы Отчёта тем самым «подкрепили» своё мнение о необходимости регулирования (ограничения) количественного присутствия тигра на данной территории.

5. Полноту отсутствуют показатели количественного присутствия копытных животных, основного и главного критерия благополучия существования хищников-миофагов.

Получение первичных полевых сведений и составление Отчёта методически не выдержаны. Выводы авторов не подкреплены соответствующими исходными данными, а сам Отчёт не соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода исследованиям. Организаторы учётных работ проигнорировали суть методических подходов, разработанных в ходе предыдущих учётов, что не дало возможности выявить динамические процессы в популяциях редких видов и объектов их питания.

В представленном виде в содержании Отчёта преобладают субъективные безосновательные выводы, подтверждающие непрофессиональное выполнение исследований и их обсуждение.

Вышла из печати книга Игоря Алёхина, одного из лучших современных охотничьих писателей, «Последний пленник плавней». Это двухтомное издание объемом более 900 страниц. В твердом переплете, с иллюстрациями, на отличной бумаге, скрепляются специальной лентой с названием книги. Цена комплекта из двух томов — 1300 рублей, может показаться большой, но это результат качества исполнения, большого объема и малого тиража, продаётся по себестоимости. Двухтомник — отличный подарок любому охотнику, интересующемуся охотничьей литературой. Появление этого издания книги — явление в некотором роде уникальное, ибо подобного в России не было очень давно, а на Кубани — вообще никогда.

Невообразимо резкий скачок численности тигра и леопарда авторы связывают с ужесточением природоохранного режима на исследуемой территории после организации здесь национального парка. Виды, о которых идёт речь, имеют достаточно длительный период полового созревания, долговременное существование семейных групп, длительный период постнатального роста и развития детёнышей, низкую плодовитость и сохранность потомства по экологическим причинам. Динамические процессы в популяциях этих животных, обусловливающие возможный «всплеск» или падение их численности по естественным причинам, имеют характер плавных многолетних колебаний. За один год (с апреля 2012 г.) функционирования новой природоохранной организации такие репродуктивные успехи тигра и леопарда невозможны. Очевидно, организаторы учёта не имеют представления о биологии размножения ни тигра, ни леопарда.

В зимний период 2014/15 гг. планируется проведение единовременного учёта амурского тигра на всей территории его ареала в России. Организация учётных работ опять же поручена (кем?) В.В. и С.В. Арамилевым. Уже сейчас по линии WWF предварительно запущена информация о том, что количество тигров растёт и теперь их более 700 особей! Подобные «предварительные» сообщения имеют своей целью подготовить базу для получения в результате учётных работ аналогичной или более высокой цифры. Организаторы учётных работ показали свой профессиональный уровень на учёте леопарда и теперь не скрывают своего стремления насчитать как можно больше тигров. В публикациях и в сообщениях СМИ регулярно констатируется высокое давление антропогенных «преобразований» на естественные биоценозы. Количество тигров неуклонно снижается и это отмечено ещё в 1996 г., в ареале наметились разрывы, где тигры бывают лишь периодически (Матюшкин и др., 1999). Ареал

приобретает дизъюнктивный (очаговый) характер и говорить об увеличении численности амурского тигра нет оснований. Подобные «предварительные» реплики нужны для того, чтобы на фоне высокой численности вывести тигра из Красной Книги или, по крайней мере, обосновать необходимость ограниченного отстрела. В.В. и С.В. Арамилевы приняли активное участие в исключении из списков краснокнижных видов — гималайского медведя, пятнистого оленя аборигенной популяции, дальневосточного кота. В результате их активной деятельности на территории охотничьего хозяйства, подконтрольного В.В. Арамилеву (осуществляется финансовая поддержка WWF), была открыта охота на гималайского медведя и пятнистого оленя. Не преследуют ли данные специалисты цель выведения тигра из числа видов Красной Книги и организаций охоты после успешного «увеличения» его численности?

Профессиональная неподготовленность исполнителей учёта дальневосточного леопарда заставляет насторожиться. По данному поводу в связи с предстоящим учётом амурского тигра хотелось бы получить ответы на следующие вопросы:

1. Кто и на каком основании назначил С.В. Арамилева директором АНО «Центр амурский тигр»?

2. Необходимо отклонить «Отчёт по учёту дальневосточного леопарда в 2013 г.» в связи с непрофессиональным методическим исполнением полевых и камеральных работ?

3. Следует отстранить В.В. и С.В. Арамилевых и сотрудников WWF от организации и проведения учёта амурского тигра в зиму 2014/15 гг., поскольку результаты непременно будут фальсифицированы, а «заявка» на увеличение численности тигров уже подана — более 700 особей.

4. Поручить подготовку всех мероприятий по учёту амурского тигра специалистам с многолетним стажем изучения биологии редких видов, имеющих опыт подобных исследований.

Желающим приобрести двухтомник сообщаем — тираж допечатан. Координаты автора: 353180 Красно-

дарский край, г. Кореновск, пер. Матросова, 11. Тел. 8-918-631-38-23. Алёхин Игорь Иванович.

Маленький олень большой тайги

Е. ЦЕЛЫХОВА. Фото автора

Местное население называет Алтай «алтын тау», в переводе — «золотые горы». «Золотые» не потому, что в них добывают драгоценный металл, а оттого, что осенью склоны гор покрыты пожелтевшими лиственницами. Облетит береза, пожухнет трава, а лиственницы все хранят свой «золотой» наряд. Есть на Алтае и драгоценность, сравнимая с золотом. В густом таежном неудобье — буреломе, кустарниках и скалах — живет самый маленький из обитающих у нас оленей — кабарга. Название ее в русском языке происходит от алтайского «тоборко», «табарга» или «тооргы». В природе этого зверька увидеть сложно — он очень пуглив и осторожен. Раздастся короткий стук копыт или резкое фырканье (сигнал тревоги), мелькнет между веток маленькая серая тень, и вот уже кабарожки и след пропыл.

На первый взгляд сложно поверить, что это действительно олень. Внешне зверек больше напоминает патагонского грызуна мару или даже ... кенгуру. Крестец выше плечевого пояса, тонкие лапки-ножки, способные, однако, бросить тело зверя в прыжке на 6—7 м вперед. У самцов рогов нет, но есть тонкие длинные клычки. Окраска — темно-бурая зимой или сероватая летом. Часто — с беловатыми участками: бывают особи посветлее и потемнее, а молодые и вовсе яркие, пятнистые. Но самое примечательное в кабарге скрыто от глаз — это ее пахучая, или мускусная, железа. Для обозначения своей территории и запаховой идентификации животных своего деда (социальной группировки), у самцов есть железы на мордочке, бедрах, хвосте, но самая большая, диаметром 3—5 см, выделяющая секрет с приятным мускусным ароматом, — на животе. Именно из-за этой железы, называемой охотниками «струей» или «пупком», ведется охота на кабаргу. Парфюмеры используют ее для закрепления ароматов самых дорогих духов. Восточная медицина приписывает ей чудодейственные свойства, а на мировом рынке она считается одним из самых дорогих продуктов животного происхождения. Ее активно закупают в Китае, Гонконге, Южной Корее, Сингапуре, Германии, Швейцарии, Франции и Японии. На внутреннем рынке России и Монголии, где добывается основная масса мускуса дикой кабарги, сама струя спросом почти не пользуется.

Браконьерский промысел — отлов кабарги петлями, к сожалению, процветает, «охотники» ставят до 300 петель, в которые попадают не только взрослые самцы — носители вожделенной струи, но и самки, или совсем молодые жи-

вотные, у которых железа еще не развита полностью. Почти 2/3 зверей гибнет в петлях напрасно. По данным отчета WWF о состоянии популяции и промысла кабарги в 2004 г., за несколько предыдущих лет средний вес железы у добывших самцов уменьшился с 23 — 25 г до 17 г. Это свидетельствует о преобладании в объеме продуктивной добычи молодых самцов, и, следовательно, о нарушении возрастной структуры популяции и снижении ее воспроизводственного потенциала.

По мнению некоторых ученых, из-за стремления популяции кабарги к самосохранению, в ней рождается большее количество самок и меньшее — самцов. Соответственно, все больше самок попадает в самоловы, а значит, и доля напрасно гибнущих особей еще увеличивается. От пойманных животных браконьеры берут только струю: мясо, обладающее сомнительными вкусовыми качествами,бросают. Но для современных «промысловиков», после 90-х гг. получивших возможность сбыта струи в Китае, это не имеет значения: добыча кабарожьей струи, наряду с далеко не ежегодным сбором кедрового ореха — один из немногих способов заработать живые деньги в таежной глубинке. Один грамм сырой струи сегодня стоит в среднем 680 руб., за рубежом — в несколько раз дороже. От задавленного петлей взрослого самца можно получить до 30—40 г сырой струи, которая после высушивания будет весить около 18—20 г. Не сложно предположить, что в регионах, где на должность муниципального служащего с окладом 8000 руб. объявляется конкурс с де-

сятками претендентов, этическая сторона вопроса в расчет не берется.

Сегодня численность кабарги остается относительно стабильной разве что на Дальнем Востоке — из-за относительно небольшой плотности населения и недоступности части охотничьих угодий, вследствие дорогоизны воздушного транспорта. В Алтай-Саянском регионе, с его более плотным населением и лучшей доступностью угодий, браконьерская добыча кабарги идет полным ходом, зачастую путем организации бригад наемных охотников. А, к примеру, в Монголии, согласно тексту отчета WWF, она достигает таких масштабов, что «некоторые части популяции кабарги еле теплятся» и браконьерство представляет прямую угрозу существованию кабарги как вида. По данным того же источника, 80 % всех кабарожек добывают нелегально.

В большинстве стран, где кабарга является аборигенным видом, уже ведется ее фермерское разведение с целью приживленного извлечения мускуса. На фермах, в Китае (где, к слову, любая охота на кабаргу давно запрещена) уже сформировано поголовье «домашних» кабарожек с определенными генетическими линиями. В нашей стране попытки содержания кабарги в неволе предпринимались на базе Алтайского заповедника, начиная с 30-х гг. прошлого века. Однако, вследствие определенной геополитической ситуации, они не получили активного продолжения. Лишь с конца 50-х годов в заповеднике «Столбы» работа на некоторое время возобновилась, но вскоре снова была прекращена из-за гибе-

ли животных. Сегодня в России разведением кабарги в неволе занимаются лишь два центра: один — на Алтае под руководством М.А. Чечушкива, другой — в подмосковной Черноголовке (Приходько).

Попытки прижизненного извлечения мускуса у самцов кабарги были начаты давно. Сначала — путем выдавливания с применением обезболивающих средств. Но для хрупкого зверька такая «операция» зачастую фактически равносильна смерти — почти все подопытные самцы гибли в результате получаемого стресса. По этой причине вместо выдавливания был предложен метод извлечения секрета с помощью специальной кюретки (хирургическая ложка). Процесс оказался нетрудоемким, занимает 15—20 мин., и с одним зверемправляются два человека. Казалось бы — все легко. Отлавливай, содержи, разводи, получай мускус. Но все далеко не так просто.

Кабарга, а в особенности дикая или «одомашненная» лишь во втором-третьем поколении, с которой приходится работать нашим специалистам — зверь очень нежный и привередливый. Он чрезвычайно требователен к условиям содержания. Но, в отличие от своего «китайского» сородича, может не только жить на ферме и давать ценный «продукт», но и восстанавливать вольное поголовье — для выпуска в естественную среду обитания. В этом и заключается специфика и сложность работы наших специалистов.

Для того, чтобы создать «кабарожью ферму» недостаточно арендовать или приобрести любой клочок земли, построить вольеры, накосить травы и договориться с ближайшими фермерами о поставках «некондиционных» овощей и фруктов. К русской кабарге нужен особый подход.

На базе стационара возле поселка Иогач, где в «Центре поддержания популяции редких видов животных «АлтайЭкосфера», сегодня содержится большая часть отечественного «вольерного» поголовья этих уникальных животных. Михаилу Алексеевичу Чечушкиву, при содействии Всероссийского добровольного спортивного общества «Динамо» и Российского географического общества, удалось создать такие условия.

Сегодня на ферме в 26 вольерах обитают 36 животных (половина самок, половина самцов, 9 из которых старше трех лет — в возрасте своей максимальной продуктивности). Прежде всего, бросается в глаза своеобразная организация территории. Ее планировка отличается от большинства ферм в Европе, Америке и Новой Зеландии, где все вольеры имеют выход в общий прогонный коридор, и любое животное можно легко переселить, куда нужно. Как пояснил Михаил Алексеевич, переносить кабаргу через всю ферму не следует из-за подверженности животных стрессу. Самец и самка, сидящие в соседних вольерах, легко най-

дут друг друга, если просто открыть соединяющую их дверь, а на большие расстояния зверей лучше перемещать, замавив в ящик-живоловушку любимым кормом — лишайником.

Внутри вольеры мало похожи на оленные вытоптанные пастища. Это обычная местная тайга, поделенная сетчатой изгородью на участки размером 50 на 60 м. Природные условия мало располагают к строительству вольеров: частично захламленный, северный каменистый склон с преобладанием пихты и ели не дает даже возможности нормально заглубить вольерную сетку, ее нижний край приходится подгibtать и прикалывать. А иначе нельзя — именно северный каменистый склон лучше всего подходит для жизни кабарги. Там хорошо растут лишайники, меньше клещей и реже образуется наст. Из-за специфики места расположения, вольеры нуждаются в постоянном внимании: необходимо дважды в день обходить их по периметру, проверяя целостность ограждения, и своевременно убирать сухие и больные деревья, чтобы предотвратить их падение на сетку. Могут поинтересоваться вольерами и дикие таежные жители. Однажды через всю территорию фермы насквозь прошел медведь, поломав не только участки внешнего ограждения, но и вольер, где находился самец кабарги. Хорошо, что впечатлительный обитатель вольера, счастливо избежав встречи с хищником, не воспользовался для бегства образовавшейся в изгороди дырой, благородно предпочтя оставаться внутри.

Все материалы для строительства вольеров приходилось завозить на квадроциклах или заносить вручную — чтобы не повредить уникальную окружающую среду. Именно такие сложные условия окружающей среды являются естественным биотопом, где с ветвей лиственниц в изобилии свисает любимая пища кабарги — лишайник. В каждом вольере построена кормушка ясельного типа с лоточком внизу, лежат веники,

стоит тазик-поилка (животные испытывают постоянную потребность в свежайшей воде — привычка к быстрым и светлым горным ручьям). И специальное место для отстоя — открытый лоток на высоте 1,5—2 м, к которому ведут две лесенки — в природе кабарга отдахает, взобравшись на труднодоступные выступы скал.

Создание максимально близких к природным условий — не единственная проблема, возникающая при содержании кабарги в неволе. Маленьких оленей даже вне периода гона нельзя держать всех вместе одним стадом — лишь поодиночке или группами (максимум по три особи). Необходимость раздельного содержания головья животных вызвана тем, что животные довольно агрессивны к сородичам, сложно образуют пары, не говоря уже о группах. Старый самец может вообще «забить» молодого, если тот случайно окажется с ним в одном вольере. Животные даже одного дема не только не испытывают потребности в общении, а, скорее, терпят друг друга на одной территории, используя для коммуникации запаховые метки.

Согласно исследованиям Приходько, по типу взаимоотношений между потомством и самкой в послеродовой период, выделяются два типа копытных. Детеныши животных первого типа (стадных) сразу встают на ноги и готовы следовать за матерью. Детеныши животных второго типа (ведущих по большей части одиночный образ жизни) после появления на свет сначала прячутся в укрытие. Все успешно одомашненные копытные принадлежат к первому типу, а кабарга и некоторые другие виды — ко второму. Эта поведенческая особенность обуславливает специфику социальных взаимоотношений и значительно усложняет доместикацию. По мнению ученого, при разведении таких животных следует рассчитывать лишь на снижение оборонительной дистанции

по отношению к человеку. То есть, даже живя на ферме, кабарга остается дикой, каждая встреча с человеком может вызвать стресс.

Не так просто и накормить кабаргу. В ее ежедневный рацион на ферме входят сухие или свежие веники, лишайник, сухофрукты, грибы и... овсянка (чуть больше 50-граммовой чашечки на зверя). И все это должно быть самого высокого качества. Что возможно — заготавливают сами, чтобы быть уверенными в чистоте продукта, яблоки берут у местного населения, а вот покупные корма (в частности, овсянку) перед закупкой приходится тщательно проверять в лаборатории на пестициды — кабарга к ним очень чувствительна. Да и дозировку нужно подбирать строго индивидуально, иначе кабарожку начинает слабить. Свои корректизы вносят в рацион и другие таежные жители. Если кабарга сразу не выходит к кормушке, то часть угощения успевают растищить бурундук, отлично знающие время трапезы, так что до излишне осторожного целевого потребителя иногда доходят только скучные остатки.

При содержании такого маленького и нежного зверя большую проблему для фермы представляют местные собаки, бесконтрольно бегающие по соседнему поселку и посещающие находящуюся рядом со стационаром свалку. Стоит собакам заметить или причуять легкую добычу, как они стремятся подкопать сетку и расправиться с беззащитной кабарожкой. Неоднократные попытки вразумить местных жителей, вплоть до отстрела безнадзорно бродящих собак, успеха не принесли. Через день — два лайкообразные метисы снова бродят вокруг стационара. Все эти проблемы не знакомы заводчикам «больших» оленей.

Многие животные, содержащиеся сегодня на ферме, были отловлены в

природе. Отлов кабарги производится обычно по снегу. Для этого на стационаре было создано несколько уникальных методик. Согласно первой, кабаргу отлавливают путем загона в тенета из сетки с ячейей 100x100 мм, сплетенной из полипропиленового нескрученного упаковочного шпагата. Сеть легкая и относительно безопасна для зверя. В сети из тонкой нити (типа рыболовной) пойманные звери часто получают травмы, равно как и при попытке «вжать» сети для фиксации в снег. Но эта методика эффективна только при достаточной плотности населения животных, что сегодня встречается очень редко. Согласно второй методике, отлов производится классической петлей с ограничителями, но с «неклассическим» проявлением сmekalki: для оповещения о том, что зверь попался, используют датчики, применяемые в системах охраны. Как только ловушка срабатывает, сигнал об этом по радио поступает на пульт оператору. По словам Михаила Алексеевича, не проходит и 20–30 мин., как зверь оказывается в руках ловца. Но и здесь есть свои тонкости: к примеру, петли ни в коем случае не следует устанавливать на склоне — попавшийся зверек совершает резкий прыжок и петля его удушает. Методика бездвизживания с помощью пневматического ружья, стреляющего шприцем с препаратом, применяемая для отлова «больших» оленей, для кабарги тоже не подходит. Виной тому — размеры зверя. С первого выстрела сложно попасть в бедро, а промах (попадание в живот) грозит перитонитом.

Но даже при соблюдении всех предосторожностей отлов и передержку в течение первого месяца выдерживают немногим более половины зверей. Удивительно, насколько легко они получают внутренние повреждения, которые могут не иметь внешних прояв-

лений, но впоследствии стать причиной внезапной и, казалось бы, беспричинной гибели. К примеру, одна из самок погибла через 2 месяца от закупорки кишечника, который был поврежден еще при отлове. Как ни странно для такого, типично таежного, животного, нередок падеж от воспаления легких — кабарга легко подвержена простудным заболеваниям. Не говоря уже о том, что зверь часто страдает от общих оленевых напастей: носоглоточного и подкожного овода, иксодовых клещей и т. д.

На ферме животные успешно размножаются, что, несомненно, служит обнадеживающим подтверждением перспективности всего предприятия. Уже не одно поколение кабарожек появилось здесь на свет и, вероятно, скоро будет возможность выпуска их в дикую природу, но вот что их ждет там? Ответ очевиден — петля. По мнению известного зоолога Г. Г. Собанского, на Алтае сегодня осталось всего 6–7 тысяч кабарожек, хотя еще в конце 80-х гг. они были самым многочисленным видом копытных этого региона. Это — результат ее бесконтрольной добычи «на струю». По подсчетам Михаила Алексеевича, государство ежегодно теряет на нелегальном обороте мускуса более 11 млн. долларов. Согласитесь, сумма немалая. В недрах МПР «варится» проект по внесению соболя и кабарги в список видов, за незаконный оборот которых полагается уголовная ответственность. Но вот будет ли от этого видимая польза? Если опять все сведется к тому, чтобы пытаться контролировать только охотников «всех вместе и каждого по отдельности», то вряд ли стоит рассчитывать на успех. Пока есть спрос, будет и предложение. Только если пресечь деятельность тех, кто скупает и реализует крупные партии «струи», можно рассчитывать на какой-либо заметный эффект.

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала! Впервые почти за сорокалетний стаж охоты пишу письмо в редакцию. Наболело за последние (2011–2014 гг.) до глубины души. А дело вот в чем: в нашей родной Пензенской губернии вот уже 4-й год подряд не открывают осенне-зимнюю охоту на зайца (русак, беляк), мотивируя его малой численностью, хотя эти доводы неоднозначны. Охотуправление приносит бумагу на подпись губернатору, что численность зайца на тот или иной период (год) позволяет на него открыть охоту, но губернатор росчерком пера открывать охоту запрещает! Губернатор выступает на своей территории этаким средневековым феодалом, удельным князем. Сказал «нет охоты на зайца» и никто его решение не оспорит.

В этот осенне-зимний сезон опять разрешили охоту только на лисицу, но олигархи говорят: «где лисица, там и

заяц». Бьют его из-под фар снегоходов. Спросите, а охотинспекция где? Да куда ему, охотнадзору, как подмечено в вашем журнале №8 за 2014 г., если выделяют на единицу техники 6 литров горючего!

В советские годы общественные охотинспекторы приносили большую пользу. Да и охотники в то время в большинстве своем выполняли законы об охоте, а сейчас через одного охотника слышишь: «моя хата с краю». Справивается, куда же мы идем? А ведь не раз в СМИ критиковали закон об охоте, а воз и ныне там. Что остается, задаешься иногда вопросом, бросить охоту? Но это в крови, страсть эту никак не выгнать из себя. Охота — это то, что делаешь с охотой, в охотку, для души.

У нас, людей в возрасте, есть сыновья и внуки, которые хотят справедливой и честной охоты! Например, у меня внук пяти лет отроду часто спрашивает: «Дед, когда мы с тобой пой-

дем на охоту на зайчика с Эльзой (русской гончей), ты же мне обещал?» Приходится лукавить и уходить от ответа. Когда же все-таки государевы люди — феодалы, князья, олигархи и прочие сословия повернутся лицом к народу, в частности, к честному охотничьему люду!

В дополнение к сказанному выше хотелось бы, чтобы на законодательном уровне злостных браконьеров лишать орудий охоты — ружей, транспортных средств: мотосаней и других незаконных средств охоты раз и навсегда! Вот тогда-то, может быть, что-то и изменится в лучшую сторону, да и поголовье зайца за короткий срок увеличится.

Буду благодарен, если увижу свою первую в жизни заметку на страницах вашего журнала, каждый выпуск которого прочитываю с удовольствием.

О. САФОНОВ
Пензенская обл.

Люблю тебя, мой милый край

Когда смотришь телевизор или красивый журнал, то часто видишь море, пальмы, горы, озёра. А в местности, где я живу, этого нет. Но каждый край по своему хорош. У нас, куда не глянь, увидишь поля, лесополосы, лесочки и речушки. И как-то стало обидно за свой край. Сейчас зима и всюду лежит снег, но даже и в такое время года можно увидеть много красивого и удивительного.

В январе, когда солнце не поднимается высоко над горизонтом и его лучи как бы скользят над поверхностью, снег, переливаясь, играет в лучах солнца, светясь голубоватым оттенком. Человеческий глаз это не улавливает, а объективу фотоаппарата под силу.

К концу января зима проявляет себя во всей красе. Снег, метель и, конечно же, морозы до минус тридцати трёх градусов. Это для Сибири тридцатиградусные морозы как норма, а у нас с высокой влажностью и ветром становится не совсем комфортно. Как ни крути, а мы люди теплокровные и в тепле мы чувствуем себя более уютно, чем на холода. Но нам — охотникам и рыбакам снег и мороз нипочём.

В воскресный день, ближе к полудню, как только немножко ослабел мороз, я со своим сынишкой выехал из дома в небольшую поездку. В этот день на охоту идти не было смысла, так как снег был рыхлый, даже на охотничих лыжах было тяжело передвигаться, и охота становилась не в радость. А чтобы поездка не была пустой, я в машину положил рыболовный ящик и бур.

Проезжая по дороге, мы увидели след, оставленный на снегу автомобилем вдоль лесополосы, скорее всего это проехали охотники попытать удачу. Едем дальше, заехали посмотреть речушку под названием Рать. Она ещё сопротивлялась перед наступающим льдом, подгнятым морозами. Рядом у дороги стоит церковь, стоит уже не одно столетие. Остановились, сделали фотоснимок, дорога к церкви прочищена, значит жизнь в ней продолжается. Сели в машину, поехали дальше.

Остановились около пруда, достали рыболовные снасти и взялись за дело. Но рыба в этот день упорно клевать не хотела. С десяток окуней и плотвичек нам всё же удалось поймать. Рыба-рыбой, а глоток горячего чая на морозе — это огромное удовольствие, и с благодарностью думаешь о том, кто изобрёл термос. Едем домой, солнце уже низко. Солнце село, около дороги растёт куст сирени, после снегопада он похож на хлопчатник. Вот так и завершилось наше небольшое путешествие.

Николай КОЧЕРГИН
Курская обл., Щигровский р-н

Джон Джеймс Одюбон – выдающийся художник-аниалист

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

*«Его мечта была безумна и необычна:
Написать американских птиц
в натуральную величину в их
естественному окружении — всех,
от колибри до орла».*
Ф.Х. Херрик — биограф
Дж.Дж. Одюбона

В XX столетии фотография проникла во все сферы жизни человека, став подчас единственным способом,знакомящим нас с теми или иными объектами природы и историческими событиями. В это время сохранявшаяся веками традиционная форма «передачи» информации в картинах и гравюрах, казалось бы, ушла в прошлое. Хотелось бы вразбрить на это рассказом о жизни и деятельности самородка-рисовальщика Джона Джеймса Одюбона (1785—1851), автора книги — «Птицы Америки». Первый экземпляр этой книги на аукционе Сотбис (Sotheby's) ушёл с молотка в руки американского коллекционера за 11 миллионов долларов, став самым дорогим изданием, когда-либо проданным здесь.

Джон Джеймс Одюбон родился в г. Леке (Санто-Доминго, ныне Гаити). Он — незаконнорожденный сын французского морского офицера, участника американской революции 1775—1783 гг., и «мадемуазель Рабен», умершей вскоре после родов. При рождении ему было дано имя Жан-Жак. В 1789 г. отец, ставший к этому времени уже крупным плантатором и торговцем рабами, перевёз Жан-Жака во Францию, где в 1794 г. официально его усыновил. Мальчик рос избалованным ребенком, особо не отличался прилежностью в учёбе в военной школе. Отсутствие старательности на уроках Одюбон-младший компенсировал невероятным любопытством, особенно сильным по отношению к природе. Вместо занятий он часто убегал в поля, возвращаясь с птичими

яйцами и гнездами, лишайниками и цветами. Все это Джон зарисовывал. Тогда его решили учить рисованию, и учителем у маленького Жан-Жака стал выдающийся французский художник Жак-Луи Давид (1748—1825), автор знаменитых полотен «Клятва Горация», «Смерть Марата» и др., официальный художник Наполеона Бонапарта.

Чтобы пристроить сына к делу, приносящему реальные доходы, в 1803 г. отец отправил Джона в Америку управлять свинцовыми рудниками в юго-западной части Пенсильвании. Но и тут интерес молодого человека к природе перевешивал всё. Он, к примеру, первым в Америке попытался кольцевать птиц, перевязывая цевки молодых чибисов серебряными нитями. Вскоре им овладела страсть к рисованию птиц, из-за которой он забросил все дела. Близкие будущего гения-аниалиста были недовольны: такими рисунками много не заработкаешь. Жёсткий и консервативный отец юного дарования принял решение: заставить сына заняться коммерцией. Педантичный Одюбон-старший все продумал: купил ферму в Милл-Гроув к северо-западу от Филадельфии и заключил договор о партнерстве с молодым Фердинаном Розье, обладающим характером и деловой хваткой. Но и на этот раз Дж.Дж. Одюбон быстро забыл о наставлениях отца и, поселившись в поместье, предался любимым занятиям. Здесь, в хвойной роще и на берегу реки цвета меди, он сделал свои первые зарисовки американских птиц, пытаясь поставить подстрелянных птиц в те позы, в которых хотел бы их нарисовать. Увы, те были мертвы и впечатления живых не производили. Упорный юноша не хотел изображать птиц в принятой манере того времени — «строго орнитологически». Его целью стали живые птицы. Он грезил,

казалось, безумной и необычной мечтой: «написать американских птиц в натуральную величину в их естественном окружении — всех, от колибри до орла». Чтобы сделать это, ещё нужно было решить最难нейшую задачу, сделать так, чтобы птицы на картинах выглядели живыми.

Как всегда бывает у творческих натур, разгадка пришла неожиданно. В 1807 г. Дж.Дж. Одюбона вдруг осенило. Однажды утром он побежал в магазин, купил проволоку разной толщины и бросился в бухту, где подстрелил «первого попавшегося зимородка». Джон проколол и подпер проволочками тело, голову и хвост птицы. И вот перед ним «стоял настоящий зимородок».

Современники отмечали весьма своеобразное «распределение труда» в совместном с Фердинаном Розье бизнесе: «...Розье находился на своем привычном месте — за прилавком — и занимался делами, тогда как Одюбон и некий Джон Раун из Кентукки, числившийся клерком, бродили по окрестностям, с азартом гоняясь за редкими птицами и попутно щедро снабжая стол дичью». Позже Одюбон-младший писал: «Охота, рыбалка, рисование и музыка занимали все мое время; я не знал забот и ни о чем не беспокоился». «Редкий день я не рисовал птиц или не наблюдал за их повадками» — признавался он. Амбиции не давали Одюбону покоя, а страсть к рисованию птиц с каждым днем становилась все сильнее.

Жизнь Джона Джеймса Одюбона в Милл-Гроув принесла ему судьбоносную встречу. Художник встретил стройную красотку Люси Бейквелл, дочь хозяина соседней фермы, и был сражен; позже она стала его женой. Биографы Одюбона утверждают, не будь этой женщины, жизнь Одюбона сложилась

Короткохвостый поморник

Черная казарка

бы, вероятно, совсем иначе. Их совместная жизнь начиналась в таверне «Королева Индии» в Луисвилле (штат Кентукки), где на следующий год появился на свет их первый сын, Виктор. В 1808 г. терпит крах коммерческая деятельность, которую Одюбон-младший вёл вместе с Ф. Розье. Бизнес продвигался неважно, да и Дж.Дж. Одюбон «всячески» способствовал этому. Во время вынужденных сплавов на баржах, в которые партнеры пускались в поисках лучших мест для торговли, Одюбона больше интересовали стоянки: он исследовал окрестные леса. Джон охотился на лебедей с индейцами племени шауни, изучал жизнь пернатых. На одной из стоянок компании расстались навсегда. «Коммерческое партнерство» распалось. Деньги, даже самые малые не держались в кармане у художника. Розье же отлично чувствовал себя во франковоряющем городке Сен-Женевьев и решил там оставаться, в дальнейшем, к слову, он добился неплохих успехов в торговле.

Каких только испытаний не пришлось перенести Джону Джеймсу Одюбону в молодые годы. Торговля не могла обеспечить ему естественнонаучные исследования, нужно было какое-то более крупное предприятие. Тогда он вложился на паях в строительство водяной мельницы и лесопилки, ра-

ботающей на паровой энергии. Риск не оправдал себя. Клиентов было слишком мало, и мельница лишь размолола в прах капиталы своих инвесторов. Одюбон-младший потерял всё, что имел. Заключенный на некоторое время в долговую тюрьму, он вынужден был объявить себя банкротом. Чтобы иметь какие-то средства к существованию, Одюбон брался за самые разные работы. Некоторое время он работал таксiderмистом, изготавливая чучела, делал портреты и чертежи. Его жена в это время работала гувернанткой, воспитывая детей более состоятельных сограждан. Поработав немного таксiderмистом в музее Цинциннати, Одюбон все-таки решает сделать карьеру с помощью своего искусства.

Вместе с тринадцатилетним учеником Джозефом Мейсоном он отправился в путешествие на барже, оставил дома жену и детей. Люси приходилось быть матерью и отцом, учителем и кормильцем. Ей хватало на это духа, более того, она всегда защищала и поддерживала Одюбона, когда все вокруг считали его недальновидным мечтателем и глупцом. Биограф Одюбона Франсис Хобарт Херрик так писал о Люси: «Без её стараний и жертвенной преданности мир никогда бы не узнал об Одюбоне. Его многообещающий талант затерялся бы в лесной глуши Юга и Среднего Запада». Вместе с учеником Одюбон

охотился на птиц, препарировал их и рисовал. Во время путешествия около города Начеса, «не имея ни гроша, я вышел на сушу... я немедленно начал искать работу... чтобы прокормить нас (к сожалению, натуралисты тоже едят и носят одежду)», — писал Джон Одюбон. — Спать в промокшой, заляпанной грязью одежде, на бычьей шкуре, расстеленной на досках, охотиться в лесах, где на каждом шагу поваленные деревья и вьющиеся растения... Я бы посоветовал... нашим восточным деньги попробовать это».

Добавок ко всему на одной из стоянок художник то ли потерял папку с рисунками, то ли у него её украли. Поэтому, когда в январе 1821 г. Дж.Дж. Одюбон стоял на пристани Нового Орлеана, его будущее, и как бизнесмена, и как художника, представлялось весьма туманным. У него не было академического образования, в глазах серьезного делового общества он был жалким 35-летним неудачником. А тут ещё у него украли бумажник. Он не потерял денег, ибо ничего не имел, но пропали все рекомендательные письма. Но несколько заказов на портреты позволили Одюбону и его ученику Мейсону не умереть с голода. А за один портрет загадочной красавицы — мадам Андре, он и вовсе получил инкрустированное ружье стоимостью 125 долларов. А ещё были и уроки музы-

Кречет

Мохноногий канюк

ки, и рисования, и портретные сессии, которые истощали художника. Лишь возвращение потерянной папки с рисунками, которая, к счастью, обнаружилась в Начесе, развеяло его мрачное настроение.

Одна мысль неотступно преследовала его — «написать» портреты всех птиц Северной Америки и опубликовать их. Но как бедному художнику найти деньги на издание «живых» портретов? Не найдя финансирования для издания своих орнитологических иллюстраций в США, Одюбон последовал совету Шарля Люсъена Бонапарта — племянника Наполеона I, известного натуралиста — изготовить клише и постараться найти подписчиков в Европе. 40-летний художник собрал имевшиеся в его распоряжении иллюстрации и в 1826 г. отплыл в Великобританию. Даже во время морского путешествия он делал зарисовки морских птиц. Прибыв в Европу, Одюбон организовал несколько выставок в столицах стран Старого Света. Одна из первых выставок с блеском прошла в Ливерпуле. Толпы людей стремились воочию познакомиться с «портретами» птиц. Одюбон был явно ошарашен: люди толпились в залах, они платили деньги только для того, чтобы увидеть его птиц! Из Англии он писал сыну: «В Ливерпуле со мной происходит то, что у нас происходит с Лафайетом, только в миниатюре... Моя выставка привлекла внимание всего beau monde, и английские лорды смотрят на птиц, как на чудо». Чтобы расширить круг подписчиков издания, Одюбон ездил с лекциями в Париж. В итоге на книгу «Птицы Америки» подписались многие особы из высшего света, включая французского короля Карла X и королеву Аделаиду.

В Эдинбурге Одюбон показал свои работы В.Х. Лизарсу, знаменитому граверу, и тот воскликнул: «Боже мой! Я никогда раньше не видел ничего подобного». Лизарс согласился сделать гравюры, отпечатки и раскрасить их вручную. «Птицы Америки» должны были выйти в виде огромного фолианта — страницы размером 68 на 101 см. Но Одюбон не мог просто передать работу Лизарсу и ждать, когда на него обращатся деньги и слава. Ему нужно было прежде сделать уточнения и правки в рисунках, с которых выполнялись гравюры. Одюбон начал готовиться к изданию книги. Его требовательность не знала предела. Он отвергал одного мастера граверного дела за другим. Ему был нужен самый лучший гравер, он требовал: «Гравюра должна полностью соответствовать размерам рисунков, которые воспроизводят птиц в натуральную величину. Гравюры должны быть раскрашены самым тщательным образом, точно повторяя цвет оригинальных рисунков...» Так постепенно мечта становилась реальностью.

В 1827 г. был опубликован первый из четырех томов «Птицы Америки». Фундаментальный труд Одюбона

включал четыре тома с 435 цветными таблицами ручной работы, где были изображены «живые дикие» птицы в натуральную величину в их естественном окружении. Книга «Птицы Америки» произвела настоящий фурор и в орнитологии, и в искусстве. В 1838 г. издание удивительного труда, кстати, до сих пор никем и не повторённого, было завершено, а последний том разослан подписчикам. Уникальность проекта состояла в предельно высоком качестве иллюстраций, над раскраской которых работали полсотни человек. Гравюры размером в половину человеческого роста раскрашивали от руки акварельными красками; сам Одюбон использовал пастель и гуашь. В условиях, когда фотография только делала первые шаги, детальные гравированные иллюстрации были вос требованы зоологами, поэтому велико было не только эстетическое, но и научное значение издания. Изображения отличались абсолютной точностью. Даже сейчас, когда самых разных фотографий обычных видов птиц — домового воробья или сороки, тетерева или серой куропатки, не счесть, рисунки Одюбона являются точнейшими определительными таблицами, практически не требующими словесных комментариев, обычных в определителях. В заслугу Дж.Дж. Одюбона можно добавить, что он выполнил портреты и шести видов птиц, к настоящему времени вымерших в результате нерегламентированного отстрела.

Немудрено, что работа Одюбона удостоилась высших похвал европейского научного света. Его избрали членом Лондонского королевского и Линнеевского обществ, а великий естествоиспытатель Жорж Кювье назвал его рисунки самым великолепным памятником, когда-либо воздвигнутым в честь орнитологии.

Успешная работа над выпуском книги «Птицы Америки» добавила сил и надежд Одюбону. Увидев, что дело его жизни наконец-то успешно продвигается, в 1829 г. он переехал к своей жене Люси в Луизиану, куда она перебралась, получив место учительницы. В 1831 г. совместно с шотландским натуралистом Вильямом Мак-

Гилливрэйем Одюбон начал издание книги «Орнитологические биографии», которая вышла в пяти томах в 1831—1839 гг. и содержала описания повадок и образа жизни птиц, которых рисовал Одюбон.

Всё это время, вплоть до 1839 г., Одюбон курсировал между Европой и Америкой, собирая материал, описывал птиц, пополнял иллюстрации, успевая в то же время собирать деньги по подписке для финансирования публикации своих книг. Репутация Одюбона все более крепла. Он уже имел капитал и мог продолжить исследования побережий Флориды и прибрежных островов, лагун и дюн Техаса, островов в заливе Святого Лаврентия. Обосновавшись в Нью-Йорке в 1839 г. Дж.Дж. Одюбон выпустил новый семитомник, объединив в него обе книги: «Птицы Америки» и «Орнитологические биографии», и начал серию рисунков четвероногих Северной Америки, которые должны были стать следующим проектом художника — «Живородящие четвероногие Северной Америки». Для сбора материала учёный отправился в плавание вверх по Миссисипи, надеясь достичь Тихоокеанского побережья, но сумел добраться лишь до поселений племени манан в Северной Дакоте. Эту работу закончили его сыновья и преподобный Джон Бэчман из Чарлстона, штат Южная Каролина, который выдал своих дочерей за сыновей Одюбона.

Умер Одюбон 27 января 1851 г. в Нью-Йорке. Современники отмечали, что он и его книги останутся «блестящим примером триумфа труда, духа и воли человека». Биограф художника Джон Бэрроуз писал, что это был «один из наиболее обаятельных, интересных и живописных характеров, когда-либо появлявшихся на нашем горизонте».

Имя Одюбона было на слуху в год столетия со дня рождения художника, в 1885 г., когда природоохранная и орнитологическая общественность США создала Одюбоновское общество охраны птиц. Оно стало одним из первых и главных защитников не только мира пернатых, но и всей американской природы. Все остальные движения в защиту окружающей среды возникли уже в XX в.

Производим и реализуем
ГУМАНИЙ КАПКАН КА-2
для отлова соболя, куницы,
белки, хоря, колонка.

ЗАО «СКВИРЭЛ»
610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

На подкормочной площадке

А. БРОВАШОВ
с. Петропавловка, Воронежская обл.

Свободное время предпоютаю проводить в лесу. Мне хорошо знакомы пойные уголки, где можно встретить лесных обитателей. Не спеша иду тропой к подкормочной площадке, где надеюсь сфотографировать диких кабанов.

Впереди показалась полянка. Там и находится подкормочная площадка. В кормушках в изобилии лежат корма: зерновые отходы, початки кукурузы, сахарная свёкла. Здесь же, под соснами, укрылась четырёхметровая вышка, с которой я и буду наблюдать за кабанами.

Егерь, сопровождающий меня, хорошо знаком с повадками кабанов. Он говорит, что характер у них спокойный, первыми на человека никогда не нападают, вот самки, защищая своё потомство, могут быть агрессивными.

Терпение и выдержка главное для фотоохотника. Час, другой проходит в томительном ожидании, но только к вечеру, наконец, услышали приближающихся зверей. Перед тем как выйти на полянку, кабаны затихли, несколько минут принюхивались и прислушивались и только потом высыпали на подкормочную площадку малыши, а затем и взрослые. И здесь началось хрюканье, повизгивание, чавканье. Приступаю к съёмке.

Натаска молодой лайки по кунице

А. ЖУРБИН, эксперт-кинолог по лайкам, Екатеринбург

Охота с лайкой — редко спорт и забава, это в большинстве тяжелая работа.
Ф.Ф. КРЕСТИКОВ

Куница — достаточно распространённый объект охоты таёжной зоны России. Пышный и мягкий мех зверька, который славился с древних времен, предопределил интерес к ней со стороны охотников. Охота на куницу начинается в основном с ноября с наступлением морозов, когда мех зверька становится выходным, т.е. зимним.

Пrestижность охоты на куницу можно сравнить разве только с охотой на соболя. Охота на этого зверька интересна, и разнообразна. Особенно она бывает удачна с охотничьей собакой, а именно — с лайкой. Все породы лаек наиболее приспособлены для добычи пушных зверьков: белки, куницы, норки, колонка, соболя и других ценных обитателей тайги (мягкое золото). Откуда у них такие качества? С этими собаками охотились длительное время — вполне возможно, что несколько тысяч лет. В течение этого времени, путём жёсткого отбора, оставляли на племя и использовали только рабочих собак. Так охотничьи качества закрепились и начали передаваться по наследству, т.е. стали врождёнными. Поэтому у лаек такая сильная наследственность. Задача владельца каждой собаки — раскрыть её уникальные способности. Для работы лайки по кунице нужны: широкий поиск, прекрасное обоняние, сильный доносчивый голос, слежение за уходящим зверьком и вязкость. Наличие всех этих качеств у собаки и позволяет рассчитывать на удачную охоту.

Первый этап подготовки собаки

Готовить лайку надо со щенячьего возраста. Этот процесс начинается ещё до начала сезона охоты. После необходимой адаптации начинают подготовку, т.к. щенку надо привыкнуть к хозяину, своей кличке, поводку с ошейником, новым условиям жизни. Таким образом, натаску щенка нужно начинать в возрасте 2—3-х месяцев. Возможны некоторые задержки, например, из-за карантина после прививки и т.п.

Во время подготовки надо выводить (вывозить) щенка в лес (лучше всего с редкими деревьями, чтобы хорошо были видны все действия щенка) и давать ему возможность свободно бегать, без поводка, в течение 3—4-х часов, в дальнейшем увеличивая это время. В процессе подготовки щенка обучают правильному поиску: первое время он просто бегает за владельцем, который двигается зигзагом по лесу, минуя тропинки; потом приучают

Собака автора статьи — западносибирская лайка Багира

его находить хозяина. Надо обязательно поощрять щенка, давая ему лакомство, и ласкать, чтобы он с удовольствием подходил к владельцу. Постепенно щенок будет отбегать на большее расстояние, научится хорошо ориентироваться и окрепнет физически. Обязательно обучают его выполнять элементарные команды: «сидеть, ко мне, голос, рядом, место, нельзя». При желании можно обучить и другим командам. Всё это необходимо молодой лайке для её дальнейшей жизни и успешной охоты.

Второй этап подготовки собаки

В охотничий сезон у молодой лайки начинается очень ответственный период. Закрепляется и расширяется правильный поиск, улучшается ориентировка, молодая собака крепнет физически и приобретает уверенность поведения в лесу. Она знакомится с новыми лесными запахами, начинает реагировать на следы лесных зверей и птиц, некоторых — облавливает. Чтобы закрепить этот процесс — необходимо дать лайке достаточно времени полаять на найденную дичь и отстрелять её. Затем надо поощрить собаку. Таким путём лайка быстрее начнёт понимать сущность своей работы: нашла, облавляя, отстреляли дичь, а потом покормили её. Здесь используется пищевой инстинкт, как один из самых сильных у собак. Но, прежде чем кого-то стрелять из-под, молодой лайки, надо обязательно проверить её на отношение к выстрелу. Для этого первый раз стреляют на некотором расстоянии,

чтобы не испугать собаку. Обычно всё проходит нормально. После этого можно произвести повторный выстрел на более близкой дистанции.

Для тех охотников, которые кроме куницы будут стрелять ещё и белку, некоторые важные элементы работы собаки можно отработать на ней, особенно отношение к убитому зверьку.

Третий этап подготовки собаки — охота в зимний сезон

В этот период наступает самый ответственный момент, т.к. от его итогов, вполне возможно, будет зависеть дальнейшая судьба вашей лайки.

В зимнее время натаска продолжается и выходит на последнюю стадию, а та подготовка, которую собака получила ранее, ей очень пригодится и будет иметь важное значение.

После выпадения первого снега многие обитатели леса, в том числе и куница, начинают активно ходить и часто дают след. Она много двигается в поисках пропитания, а затем ложится на отдых. Желательно найти свежий (возможно и ночной) след. Для этого ведётся поиск в местах, типичных для обитания зверька. В первый раз молодая лайка может не пойти по следу или бросить его. Тут в любом случае нужна помощь хозяина. Ему придётся троллить этот след, также направляя свою собаку по нему и дойти до места, где, возможно, залегла куница. Это может произойти в самых разных местах: под кучей хвороста, в дуплах, в кроне и под корнями деревьев. Как только лайка, с помощью чутья, обнаружит зверька, она начинает его облавливать или будет пы-

Автор с енотами, добытыми вместе с Багирой

таться его достать. Здесь главное не спешить, убедиться, что собака не ошиблась, и дать ей разлазиться. При этом важно принять необходимые меры, чтобы не упустить (не потерять) куницу — заткнуть дыры, отоптать вокруг снег, т.к. собака ёщё молодая и неопытная, а слежка у неё не отработана. Если же ваша лайка сама пошла по следу, нашла зверька и залаяла на него, то примите все меры предосторожности, и как можно быстрее и аккуратнее подойдите на лай. Возможно, куница спряталась в плохо просматриваемых местах кроны дерева. Проявив чудеса зоркости и настойчивости, охотник, конечно, обнаружит зверька. Он, естественно, почувствует гордость за свою лаечку, которая первый раз в своей жизни нашла такого ценного пушного зверька, как куница.

После этого куницу надо отстрелять, дать лайке обнюхать дичь и облизать кровь. Если лайка горячая, а это часто бывает свойственно молодым собакам, то она может сильно прихватить куницу и потрепать её, а, возможно, и подпортить шкурку зверька. В этом случае потребуются навыки, полученные молодой лайкой ранее, т.е. она должна очень хорошо знать команду «нельзя» и бросить зверька, чтобы не испортить добычу.

Теперь, когда эта дичь добыта, надо обязательно похвалить «добычицу» и дать ей лакомство, чтобы она почувствовала заботу хозяина и поняла, что её действия были правильными. Не сомневайтесь, у лайки очень высокий интеллект, она всё поймёт и пойдёт в дальнейший поиск с ёщё большей энергией и страстью.

Таким образом, постепенно будет достигнуто взаимопонимание между хозяином и собакой, которое так необходимо для охоты на любого зверя,

включая и куницу. Даже если первое время будет что-то не получаться, ничего страшного. Надо просто набраться терпения и продолжать охотиться.

Есть и другой способ натаски — брать молодую лайку в лес со взрослыми рабочими собаками. В возрасте 5—6 месяцев, на момент начала сезона охоты, молодую собаку можно целый сезон натаскивать с опытными лайками. Но на следующий год она должна охотиться только самостоятельно.

Такое описание работы собаки по кунице — это почти идеальный расклад. Но на охоте очень часто всё бывает по-разному, и каждая охота отличается от предыдущей. Результат при-

ходит к настойчивым, подготовленным, терпеливым и умелым. Для успешной охоты очень важна подготовка и самого охотника (владельца лайки): его опытность, физические данные и приоритеты в охоте. Если опыта и знаний не хватает, то этот пробел можно ликвидировать и другими путями. Поэтому нелишней будет и предварительная подготовка:

1. Теоретическая:
а) знакомство с объектами охоты, местами их обитания, питанием, манерой поведения, размером и формой следа и т.д.;

б) изучение литературы по охоте на куницу.

2. Изучение практики охоты опытных лаечников.

3. Отлов зверька для последующей притравки собаки.

Все эти знания лишними никогда не будут, а в дальнейшей охоте всегда пригодятся.

При выборе щенка лайки хотелось бы обратить внимание на ёщё один важный нюанс. Чтобы иметь хорошо работающую собаку, в том числе и по кунице, надо, чтобы эти качества у неё были заложены по наследству. Иначе говоря, эти качества (т.е. работа по пушным зверям) должны присутствовать у предков вашей собаки — родителей, дедов, бабок и т.д.

Теперь самое главное — не останавливаться на достигнутом результате, на одной добытой кунице. Необходимо закрепить полученный результат. В дальнейшем это даст гарантию, что на следующий сезон охота будет более интересной и продуктивной.

Вот один из примеров охоты, который произошёл в прошедшем сезоне.

Поехали с товарищем на охоту в один из районов Свердловской области. У меня были две восьмилетние

Багира и ее добыча — куница

суки (однопомётницы), которые работали по пушным зверям, у него — 6-ти месячная молодая сука. Очень хотелось показать молодой собаке (Тайне) любого пушного зверька, но лучше, конечно, — куницу. На охоте были 4 дня, ходили почти весь световой день. Погода была морозной, температура воздуха держалась всё это время от -16°C до -27°C , снега было 30—35 см. За день успевали проходить 15—20 км. Тайне не хватало сил на целый день. Поэтому она, обычно во второй половине дня, шла рядом с хозяином, иногда убегала за взрослыми лайками. Первый день свежих следов практически не было, попадались, в основном, старые куны. Лишь на второй день взрослые лайки залаяли на белку. Определили по следам на снегу и характерным посокрам еловых шишек, но обнаружить зверька не удалось — запал в плохо просматриваемом месте. На третий день пошли в другую сторону, и нам стали попадаться ночные переходы куницы. В первом случае мы вместе с собаками так ничего и не нашли, хотя тропили куницу и нарезали круги три часа. Пришлось бросить этот след и пойти дальше. Через полчаса попался ещё один куний след. На этот раз повезло

больше. Бойка с Багирой пошли по следу и через некоторое время подали голос. До места облавивания было не более 0,5 км. Мы с товарищем быстро подошли и увидели что происходит: одна собака проверяла сосны, а другая — принюхивалась к лежащим на земле старым деревьям. Я просмотрел несколько сосен, потом выстрелил в белочье гайно. Там куницы не оказалось. Уже собирались уходить, когда Бойка стала повизгивать около упавшего ствола берёзы. Пришлось подойти и проверить. (собакам надо доверять). Стукнув несколько раз топором по лежачему дереву, я услышал урканье зверька, который находился в прогнившей части берёзы. Молодая лайка всё это время находилась рядом и наблюдала за происходящим. После этого она побежала к лежачему дереву, понюхала его и стала порыкивать, а потом залаяла вместе со взрослыми. Теперь сомнений не было — там сидел зверёк. Стали осматривать дерево, чтобы найти вход. Но кроме одной, узкой щели сбоку, ничего не обнаружили. Обрубив дерево с одной стороны, убедились, что убежать зверёк никуда не сможет. Видимо, в спешке влез в первое попавшееся укрытие. Теперь осталось

только помочь собакам добраться до куницы. Вырубив два отверстия побольше, стали выталкивать её оттуда. Она уркала, злилась и этим возбуждала наших собак. Они все активно лаяли и пытались достать свою дичь. Поначалу им это не удавалось, но потом Багира всё же выхватила зверька за шею, а молодая лаечка сразу схватила её сзади. Мне удалось перехватить куницу и отобрать зверька у собак. Шкурка оказалась целой. Так Тайна познакомилась со своей первой куницей. Очень удачно получилось, что зверёк сидел в наземном укрытии. Если бы это было в кроне дерева, то молодая собачка могла бы ничего и не понять. А в этой ситуации она и обляяла дичь, и схватила её, и даже была покусана, что, несомненно, пойдёт Тайне на пользу. Это она запомнила надолго.

Эта статья, конечно, не сможет учесть все возможные ситуации, которые могут возникнуть на охоте по кунице, и не даёт рекомендации на все случаи жизни но, надеюсь, что поможет в воспитании хорошей охотничьей собаки, которая будет приносить радость и удовольствие владельцу лайки в лесу, а охота с ней будет давать хороший результат!

О дисплазии и выращивании щенков

Т. ЧИЖОВА, эксперт-кинолог С. ЛИХОТИНА,
ветеринар И. ГОРШКОВ, кандидат медицинских наук

Многие потенциальные владельцы собак, а также начинающие эксперты боятся «дисплазии». При этом сами не понимают сущности этого понятия. Они обвиняют в «дисплазии» собак, обладающих незначительными недостатками экстерьера, описанными в любой серьёзной кинологической литературе. А также, как ни странно, в разряд «дисплазийных» попадают английские сеттеры, обладающие выдающимися по породности движениями, поскольку они очень не похожи на движения других легавых собак.

Так же такое «дисплазия»? Нужно знать, что дисплазия — это изменение формы того или иного органа. Так, может быть дисплазия печени, почек, сердца, матки. В данном случае речь идёт о дисплазии тазобедренного сустава, ее почему-то боятся малограмотные кинологи. При этом не нужно забывать, что видоизмененными могут быть любые суставы и эти видоизменения являются следствием каких-либо заболеваний, перенесённых, как правило, в детском возрасте.

Спросите у любого опытного, старого кинолога-легашатника, много ли он знает таких заболеваний. Ответ будет одинаковым — рахит, травма. Других заболеваний, следствием которых является дисплазия суставов, они не знают, потому что никогда не сталки-

Из правильно выращенных щенков получаются отличные охотничьи собаки
Из архива А. Кузяева

вались и не слышали. Наверное, стоит прислушаться к ним. Так в чем же мы осуждаем собак — в рахите или в последствиях травмы? И при чем же здесь наследственность?

Да, у различных пород декоративных собак встречается множество различных заболеваний и нарушений обмена веществ, вызывающих видоизменение суставов. Некоторые забо-

левания неизлечимы и делают из собаки инвалида, а иногда приводят к гибели животного. Таким породам необходимо очень жесткая выбраковка по этим заболеваниям.

Стоит задуматься о необходимости такого жесткого подхода для легавых собак. Знает ли кто-нибудь из нас эти заболевания? Хоть раз кто-нибудь сталкивался с ними в среде легавых собак?

Костные уродства могут вызываться инфекциями, например, лептоспирозом, но в данном случае пораженными могут быть любые кости скелета, не обязательно тазобедренный сустав. Также, если задуматься, то можно понять, что щенки, рожденные от инфицированных родителей, слабые, плохо развиваются, отстают в росте. По правилам зоотехнии собаки как кобели, так и суки, переболевшие лептоспирозом, не должны допускаться в племя, поэтому данная ситуация в сельских клубах может встретиться крайне редко.

Теоретически могут быть генные мутации, но практически их никто не встречал, тем более проявляющиеся в видоизменении тазобедренного сустава. Могут встречаться случаи несочетаемости родителей, но опять — это всё теория.

Дисплазия любого сустава заключается в том, что суставная сумка недостаточно плотно прилегает к головке кости, поэтому головка может выходить из углубления сустава. Постоянно повреждаются связки и мышцы бедра, это вызывает сильную боль. Собаки с данными нарушениями заметно ограничены в движении и не пригодны для охоты. При внешнем осмотре эти собаки отличаются вялой мускулатурой, поэтому они и 30 минут поиска не выдерживают. Если собака обладает хорошо развитой мускулатурой, никакая дисплазия ей не страшна.

Не нужно забывать, что в стандарте любой породы плохо развитая мускулатура является пороком, при этом оценка экстерьера не может быть выше чем «хорошо». Среди английских сеттеров собак, получающих оценку «хорошо», после 18 месяцев почти не бывает.

Также нужно знать, что короткий шаг, прямоватые и прямые рычаги, высокозадость, бочкообразный постав ко-

нечностей являются недостатками экстерьера, которые служат причиной снижения оценки, но не симптомами болезни.

Так к чему же истерия вокруг рабочих легавых собак, в особенности английского сеттера, породными признаками которого является широкий поиск, высокая скорость и большая выносливость, что само собой исключает наследование неправильной формы каких-либо суставов и слабого мышечного тонуса?

Опытные кинологи-легашатники знают, что собаки, ощущающие боль, не будут реагировать на птицу, у них нет стойки, да и вообще они будут проходить мимо птицы. Следовательно, собака с дисплазией никогда не будет иметь диплом.

Если вы хотите приобрести щенка легавой собаки и вырастить хорошего охотника, то необходимо брать щенка от дипломированных родителей, имеющих оценки экстерьера либо «отлично», либо «очень хорошо», соблюдать правильный рацион питания, не допускать переохлаждения и различных травм щенка. При малейшем недомогании вашего питомца следует сразу обращаться к ветеринарному врачу. Однако при появлениях каких-либо костных нарушений не опускать руки, не искать наследственность там, где её нет и быть не может, а искать истинную причину произошедшего.

Для того, чтобы оградить свою собаку от проявления дисплазийных изменений суставов, необходимо проводить профилактику заболеваний, приводящих к данной патологии. Запомните несколько простых правил:

1. Правильное питание собаки, особенно это касается сук перед вязкой, во время беременности и выкармливания потомства.

2. Полнознечное кормление щенков.

3. Правильная и регулярная дача качественных кальциевых и витаминных препаратов.

4. Перед вязкой проверить суку на состояние флоры кишечника и в случае необходимости провести необходимое лечение. Не допускать кишечных нарушений во время беременности (особенно отравлений).

5. Регулярно проводить вакцинацию производителей и щенков.

6. Своевременное обращение к ветеринарному врачу при подозрении любого недомогания у собаки.

7. Давать необходимые для собаки физические нагрузки.

8. Избегать переохлаждения животных.

В качестве профилактики различных суставных и костных изменений, а также профилактики ракита, можно использовать различные гомеопатические средства, такие как Калькарея карбоника и Пульсатилла. Начинать применение данных средств желательно за три месяца до вязки. Схема применения достаточно проста и доступна любому владельцу: давать суке по 6 шариков Калькарея карбоники № 6 и 6 шариков Пульсатиллы № 6. Кратность приема составляет 1 раз в день за три месяца до вязки. Прекратить применение данных препаратов нужно примерно за 2 недели до предполагаемых родов. В то время, когда перед родами ректальная температура начинает падать, необходимо дать еще 6 шариков Пульсатиллы № 6. Использование данного препарата способствует лучшему раскрытию родовых путей и нормализует гормональные процессы во время родов. После родов и до окончания лактации дается только Калькарея карбоника № 6 3 раза в день. В данном случае Калькарея карбоника нормализует кальциевые процессы в организме суки и щенков, предохраняет их от проявления дисплазии.

При различных ферментативных расстройствах у новорожденных щенков, а также у щенков в подсосный период, хорошие результаты дает применение Ликоподия № 6. При запорах или наоборот жидким стулом новорожденным щенкам назначают по 2 шарика Ликоподия № 6, которые разводятся в 1 столовой ложке кипяченой воды. Каждому щенку дают 2 капли полученного раствора, которые закапывают пипеткой. Одновременно с этим 6 шариков данного препарата скармливают суке.

Соблюдая эти правила и используя вышеизложенные гомеопатические схемы, полученное потомство легавых собак будет свободно от различных костных изменений, а также ряда других патологических нарушений.

**Продаю охотничье гладкоствольное ружье 16 калибра, год выпуска 1890, Германия.
Тел.: 8-918-658-62-13 Краснодар
Куплю книгу М.П. Павлова «Волк»
Тел. 8-906-993-22-44 Денис**

**Дорогие читатели, друзья!
подписка на журнал**

**«Охота и охотничье хозяйство» продолжается!
Наш подписной индекс: 70673 по каталогу Роспечати**

Эффективность дробового выстрела и его культура

Виктор ГУРОВ

В последние годы на страницах охотничьих СМИ неоднократно поднимались вопросы об эффективном выстреле из охотничьих гладкоствольных ружей дробью, а также и о его культуре. Эта тема стара как мир. Но она продолжает будоражить умы охотников. Следует заметить, что этой проблемой озабочены, в основном, охотники, которые любят охоту на гусей, зайцев и лис, где зачастую требуется эффективный выстрел на дистанции 50 м и более. Раз у охотников есть такая потребность в эффективном дальнем выстреле, то оружейники этот спрос стремятся удовлетворить разработкой таких ружей. Этого они добиваются за счет более качественного изготовления стволов и разнообразия дульных устройств. Производители патронов также не остались в стороне от этого процесса. Они увеличение эффективной дальности выстрела решают улучшением качества компонентов патрона: гильзы, капсюля, пороха, пыжа, дроби и закрутки патрона. Опытными отстрелами и практикой охоты определено, что возможности выстрела дробью из гладкоствольного ружья лежат в пределах 35—40, максимум 45 м. В этой связи не лишним будет напомнить слова таких специалистов в области оружия и боеприпасов, как М.М. Блюм и И.Б. Шишкин: «*Все охотничьи гладкоствольные ружья и во времена Аксакова и Сабанеева, и в наши дни во всех странах мира пристреливали и пристреливают на одну и ту же дистанцию — 35—36 м (50 аршин, 50 шагов). Специальным снаряжением патронов и тщательной пристрелкой ружья можно добиться надёжного боя на 40—45 м, из ружей «Магнум» — 50—55 м и даже немногого дальше. Под надёжным понимают такой бой, когда в дичь попадает 3—5 дробин требуемого номера со скоростью около 200 м/с.*».

(ОХОТНИЧЬЕ РУЖЬЁ изд. М. 1994 г. стр. 214).

Но мы уж так устроены. Нам хочется еще чуть-чуть подальше послать снаряд, чтобы добыть заветный трофей. При этом забывая, что за пределами 55 м всё находится уже во власти выстрела из нарезного оружия. Необходимо определиться — что же мы понимаем под эффективным, надежным поражением дичи из гладкоствольного ружья дробью. Наружные осмотры и вскрытия показали: дичь надежно поражается за счет глубокого проникновения дробинок в тело животного и нанесения повреждений не совместимых с жизнью. «Чистое» поражение дичи обеспечивается наступлением необратимого шокового состояния, обездвиживанием и смертью животного. Из опыта охоты мы знаем нема-

ло примеров, когда дичь поражалась чисто за счет сильного поверхностного удара значительным количеством дробин по тушке, хотя их проникновения в тело не наблюдалось. Бывали случаи, когда дробью № 9 на дистанции до 25 м наполовину были биты осенние кряковые утки. При визуальном осмотре обнаруживались выбитые перья на боку и хлупи с синюшными кровоподтеками, без видимых проникновений дробин в тело птицы. Это примерно, как удар палкой. Но это все из области «а вот однажды».

Специалистами проведено большое количество экспериментов с отстрелом патронов с различной дробью по различным видам дичи. На основании этих исследований были выведены усредненные данные о необходимой энергии для поражения дичи тех или иных размеров и ее индивидуальной крепости на рану. Например, для чистого поражения кряковой утки массой 1,1 кг необходимо попадание не менее 5 дробин № 6, четырех № 5 и трех № 4. При этом каждая из дробинок должна обладать такой энергией, чтобы суммарный удар всех попавших дробинок был не менее 1,1 кгс. м. Для надежного поражения гуся массой около 4 кг необходимо попадание также не менее 5 дробинок, каждая из которых должна обладать энергией около 0,8 кгс. м или трех дробинок с энергией каждой 1,3 кгс. м. Я предлагаю читателю взять справочник В.Н. Трофимова «Охотничьи боеприпасы», в таблице № 12 прочитать, что дробь № 4 на дистанции 55 м имеет остаточную скорость полета 201 м/с. Раз специалисты утверждают, что в момент встречи дробинки с дичью ее скорость должна быть не менее 200 м/с, то выходит, на 55 м по гусю можно стрелять и четверкой? Можно, но в этой же таблице находим, что на дистанции 55 м дробинка № 4 обладает энергией 0,45 кгс. м. Чтобы поразить гуся в его тушку должно попасть не менее 9 дробинок. Очевидно, что стрелять этой дробью на такую дистанцию дело безнадежное. Так как трудно добиться такой кучности боя.

Определение дальности действительного поражения решалось бы очень просто, если бы не рассеивание дробового снопа в стороны и не растягивание его в длину. Но из-за этих явлений дробовой сноп теряет убойность не только за счет снижения скорости полета каждой дробинки, но и за счет рассеивания дробинок. Так как с увеличением дистанции стрельбы в поражаемую площадь тушки будет все меньше и меньше попадать дробинок. К сожалению, эту простую истину многие наши охотники никак не могут постигнуть. Но все соглашаются с утвержде-

нием специалистов, что чем дальше от охотника находится дичь, тем крупнее должна быть дробь, чтобы каждая дробинка сохраняла необходимую энергию для глубокого проникновения в тело дичи. Забывая при этом, что более крупная дробь (при одинаковой массе снаряда) создает более редкий дробовой сноп. Это ведет к тому, что с увеличением дистанции стрельбы, сверх рекомендуемой специалистами, уже не будет обеспечиваться попадание необходимого количества дробинок для надежного поражения дичи. Этот неоспоримый вывод охотниками воспринимается с трудом. Отсюда стремление многих из них к стрельбе более крупными номерами дроби, чем рекомендуют специалисты. Здесь вступает в силу наше русское «авось», которое и демонстрирует культуру выстрела.

Рассмотрим возможности эффективного поражения кряквы наиболее ходовым номером дроби и определить предельно допустимую дистанцию стрельбы. А почему собственно кряквы? Да потому, что наиболее доступным трофеем на сегодняшний день для основной массы охотников являются утки. А кряква — самый привлекательный трофей. Большинство российских охотников стреляют из отечественных ружей рядового разбора, стволы которых обладают кучностью боя — правый (нижний) получок — 50 %, а левый (верхний) чок — 62 %. Например, открытие летней охоты. Наиболее приемлемая дробь № 6. Возьмем отечественный патрон с массой дроби 32 и 35 г (количество дробин 252 и 280 соответственно). При стрельбе на дистанции 35 м в круг диаметром 75 см попало из правого (нижнего) ствола 126 и 140, а из левого (верхнего) — 156, 173 шт. дробин. Общая площадь круга составляет 4418 см кв. При средней равномерности осыпи дробинка приходится на 35—31 см кв. при стрельбе из правого (нижнего) ствола и 28—25 см кв. из левого (верхнего) ствола. В таблице № 11 справочника В.Н. Трофимова находим, что площадь поражения кряквы будет 140 см кв. На дистанции 35 м при стрельбе из правого (нижнего) ствола в цель должно попасть (140 см кв.; 35 см кв.; 140 см кв.; 31 см кв.) 4—5 дробинок, а из левого (верхнего) ствола (140 см кв.; 28 см кв.; 140 см кв.; 25 см кв.) — 5—6. Дробинка № 6 на дистанции 35 м при встрече с уткой будет иметь скорость 218 м/с и обладать энергией 0,33 кгс. м. Следовательно, дичь размером с кряковую утку на 35 м при правильном прицеливании будет поражена чисто. Необходимо заметить, что это и будет предельная дистанция для данного ружья. При стрельбе дробью № 6 на большую дистанцию (40 м) возможен промах или

подранок, так как сноп дроби потеряет свою плотность и не обеспечит попадания требуемых 4-х дробинок в дичь.

Охотникам необходимо знать, что путем опытных отстрелов различными номерами дроби установлено, что плотность дробового снопа, начиная с рубежа 35 м, снижается в среднем через каждые 5 м на 10 %. Используя выше приведенную методику расчетов, охотник без особых затруднений может определить дальность эффективного выстрела по конкретной дичи различными номерами дроби. Некоторые охотники не мудрствуя лукаво рассуждают так: раз резкость боя зависит от начальной скорости полета дроби и более крупных номеров дроби, дай-ка я подсыплю побольше пороха и этим увеличу начальную скорость, добавлю пару граммов дроби и на 60 м гусь, заяц или лиса будут мои. К сожалению, все получится как раз наоборот. Проведенные по этому поводу исследования убедительно показали, что чем больше заряд пороха и масса снаряда, тем сильнее деформируется дробь в момент выстрела. Это происходит под влиянием возрастающей плотности поперечного сечения дробового снаряда за счет более высокого максимального давления пороховых газов. В результате большее число дробин деформируется, что ведет к увеличению степени рассеивания дробового снаряда и обратной зависимости кинетической энергии дробового снаряда на дистанции стрельбы от количества имеющихся в нем деформированных дробин. И, как следствие, при таком снаряжении патрона возрастает отдача, которая порой становится трудно переносимой. Очевидно, по этим причинам и объясняются те самые случаи, когда охотники говорят, что ружье «живит», т.е. дробь в дичь попадает, летят перья и клочки шерсти, а раненая дичь от охотника уходит и теряется. Поэтому все хорошо то, что в меру разумного и не противоречит выводам специалистов. Мои товарищи нередко задают мне вопрос, а почему же ты сам стреляешь гусей на дистанции до 50—55 м? Выходит, я лукавлю. Все дело в конкретном ружье. Я всегда говорил и повторю снова — охотник должен, обязан, в конце концов, узнать свое ружье путем ПРОВЕРКИ и ПРИСТРЕЛКИ. Не всякое ружье способно доставить необходимое количество дробин № 1 и 0 до цели. Я стреляю гусей только этими номерами. Так как дробины этих номеров на дистанции 55 м имеют остаточную скорость полета более 200 м/с и обладают необходимой суммарной энергией. Вот мы и подошли к главному вопросу. А какие ружья могут доставить на дистанции 55 м к цели те желаемые 3 дробинки, чтобы поразить гуся? Мы не будем брать в расчет уверенные заявления отдельных охотников, что у них такие ружья, из которых они «бьют» гуся, зайца и лису на 70—90 м. Это не правило, а скорее исключение.

Российские охотники вооружены одноточечными и двустрельными ру-

жьями, полуавтоматами и помповиками. Рассуждать, какие из них лучше — не имеет смысла. Самое лучшее ружье то, из которого охотник успешно стреляет на охоте и на стенде. Я позволю себе маленько замечание. В стрелковом мире наиболее современной конструкцией считаются ружья с вертикально соединенными стволами (бокфлэнты). В этих ружьях ось верхнего ствола практически совпадает с осью всего ружья, а точка приложения усилия отдачи нижнего ствола приходится ближе к точке опоры ружья в плечо охотника. Вследствие такой конструкции крутящий момент отдачи, отклоняющий ружье вверх после выстрела, сводится к минимуму.

Для хорошего боя ружья очень важно, чтобы каналы стволов имели строгую цилиндрическую форму на всем протяжении, а на поверхности не было выхвата металла. Одно из главных требований к стволам, чтобы стенки были правильно профицированы (имели правильную внутреннюю и наружную геометрию). По мере продвижения от патронника к дульному срезу имели толщину, соответствующую расчетному давлению газов. У правильно профицированного ствола упругое расширение стенок происходит всегда на одну и ту же величину на всем его протяжении. В таком стволе уменьшается вероятность прорыва пороховых газов между пыжами и стенками канала ствола. Это исключает нарушение структуры дробового снаряда, двигающегося по каналу ствола. Такое ружье обладает хорошим и стабильным боем. Ухабистая (волнистая) обработка наружной поверхности ствола не может обеспечить стабильного боя ружья. Чтобы было понятнее, поясню. Там, где «горб», стенка ствольной трубы толще и расширение металла меньше, а там, где впадина (выхват металла), стенка ствола тоньше, расширение будет больше. Это ведет к тому, что даже при идеальной внутренней обработке канала ствола снаряд дроби будет двигаться как по ухабистой дороге, все время перестраиваясь и пропуская пороховые газы в дробовой снаряд. Наверное, некоторые охотники при выборе ружья в магазине обращали внимание на то, что стенки канала ствола на дульном срезе имеют разные утолщения. Это тоже результат «ухабистой» обработки поверхности ствола. Этим и объясняется, что ружья с такими недостатками, по сравнению с ружьями, имеющими правильную внутреннюю и наружную геометрию стволов, значительно уступают последним в качестве боя даже при одинаковых патронах.

Надеюсь, что я сумел объяснить читателям, почему ружья одинакового калибра, даже изготовленные одним и тем же предприятием, могут существенно отличаться по боевым характеристикам. Теперь попытаюсь ответить на вопрос, почему я на дистанции 50—55 м успешно стрелял и стреляю гусей. Первым таким ружьем было

МЦ21-12 (1986 г. выпуска, калибр 12/70), а сегодня «Бенелли», калибр 12/76, инерционное. Но на гусей успешнее охотился с МЦ21-12 (для «Бенелли» все еще подбираю патрон). И вот почему. Это ружье имеет ствол, соответствующий всем тем требованиям, которые предъявляются к внутренней и наружной его геометрии. Ствол ружья МЦ21-12 более массивный, а, значит, подвержен меньшим амплитудам колебания при выстреле. Хотя некоторые охотники видят в массивности ружья МЦ21-12 недостаток и восхищаются ружьями 12 калибра массой 2,8—2,9 кг. Да. Такое ружье очень удобно на охоте по дупелям, коростелям и перепелам, где дистанция стрельбы не превышает 15—25 м. И никак не возьмут в толк, почему после их выстрелов из легких ружей гуси не сыплются из-под небес. Вот и наша культура выстрела.

Некоторые охотники имеют ружья МЦ21-12 последних выпусков со сменными дульными устройствами, и удивляются, почему их ружья уступают по кучности боя ружьям МЦ21-12 ранних выпусков прошлого века? В старых моделях ствол имеет постоянное дульное сужение 1 мм, обеспечивающее кучность не менее 65 %. В паспортах ружей последних выпусков завод-изготовитель предупреждал, что кучность боя не выше 60 %. Вот и ответ.

Следует остановиться на зависимости дальности эффективного выстрела от патрона. Специалисты давно подметили, что фактор постоянства боя и дальности эффективного выстрела следует относить к комбинации «ружье — патрон». За рубежом к выпуску допускаются такие патроны, которые при стрельбе из рядовых ружей показывают с высоким постоянством хорошую кучность и резкость боя. Тщательной пристрелкой я для своего МЦ21-12 подобрал заряд пороха «Сокол», навеску дроби в 40 г и пыжи-концентраты, которые в гильзу идут с натягом (не проваливаются в нее). При необходимости повысить кучность боя массу снаряда уменьшаю на 2 г и такой же массой крахмала пересыпаю дробь, даже, если она находится в пыже с концентратом. Этой операцией добиваюсь уменьшения деформации дроби. Хотя кое-кто утверждает, что этот дедовский способ мало помогает. Не зря же на «загнивающем» Западе разработали мелкие, легкие и сыпучие гранулы, которыми пересыпают дробь, уменьшая тем самым ее деформацию в момент выстрела. При смене партии пороха «Сокол» провожу повторную пристрелку.

Внутренняя и внешняя баллистика дробового выстрела, как Восток — дело тонкое. Повышенная знания в этой области науки, охотник повышает и культуру выстрела. И тогда охота на гусей не будет превращаться в безумную стрельбу на «авось» и на любые мыслимые и немыслимые дистанции.

Снег

Снег падал уже десятый день. Падал тихо, затяжно, в невыносимо ровном темпе. Он нагло придавил к едва успевшей промерзнуть земле стланики, сплошными капюшонами от макушек до пят укутал оцепеневшие ели, кустарники задавил погребальными буграми.

И странно: казалось бы, весь мир так светло и чисто выбелился — а ночи были непрглядными, и утром выползло из каждой снежной мглы, и угадала дневная седина тою же мглой без какого-либо заревого обозначения. И будто ничего на всей земле не осталось, кроме этого нескончаемого затяжного снегопада. Не осталось и не будет ни летнего солнца, ни птичьего разноголосия в горячей траве, на земле и в небе, ни раскаленных песчаных пляжей, густо усеянных разноцветьем купальников. Людские голоса, моторно-дизельный шум, транзисторный рев — все в прошлом.

Казалось, ничего может не оставаться и от черного, глубоко осевшего зимовья, одиноко притулившегося под косогором высокой речной террасы. Над снежным верхом торчала лишь его крыша, затянуто изготавливавшаяся рухнуть под накопившейся на ней пухлой белой тяжестью в добрую тонну, похоронив и это старое строение, и смертельно истомившегося в нем, к тайге не приспособленного городского человека.

Старший преподаватель солидного института Крутиков страдал алкоголизмом. В прежние годы он еще как-то боролся, не принимая после недельных запоев и капли добрыми месяцами. Но пришло время, и хмель держал его в своем дурмане десятидневками, а в перерывах между этими хмельными периодами он стал употреблять не только водку, но и всяческое иное зелье помаленьку да почти ежедневно, встречая взгляды измучившейся жены собственным афоризмом: «Кому ни дня без строчки, кому ни дня без рюмки».

А в этом году не мог он прийти в трезвую норму ни к сентябрю, когда кончился его долгий преподавательский отпуск, ни к началу семестра. И были по этому поводу уже ставшие

непереносимо тяжкими семейные ссоры и объяснения в деканате... Начальство и жена предлагали ему лечь в наркологическую лечебницу, но был сей акт для его гордыни унизительным, и он его решительно и оскорблённо отвергал.

Он нашел иной способ «войти в норму». Войти раз и навсегда, как ему надеялось. Разве он не ученый? Не популяризатор науки? Не мастер лекций для студенчества? Не-е-т, он еще покажет силу своей воли! Он уедет в тайгу на целый месяц и там, вдали от соблазнов Бахуса, станет во всех отношениях человеком с большой буквы. Их оптима форма!.. Использовал законный отпуск? Не беда! Он возьмет месяц академического для обработки научного материала в докторской диссертации. Он все объяснит декану, а если нужно — и ректору. Разве он не засиделся в кандидатах?

Отец одного из студентов, знал он, был промысловым охотником с обширным таежным участком в далеких верховьях Сихотэ-Алинского Бикина, по горам которого посторонние ноги не хаживают и в добрую летнюю пору. Туда он и двинет. Да если все по-хорошему обмозговать, то не только войдешь там в физическую и психологическую норму, но и семейный бюджет поправить можно. Или он не охотник?.. Чистый хвойный воздух, морозный снег, пушной-мясной зверь...

Хмельного Крутикова жена со студентами посадили в поезд, а следующим днем он рейсом «Аннушки» прилетел в то заветное село, где его радушно встретил Пахомов-старший.

Два дня ушли на сборы в дальнюю дорогу, еще пару суток на тяжело загруженной лодке трудно поднимались вверх по дикому, научно-техническим прогрессом еще почти не обезображеному и не разграбленному Бикину. Сидя на плотно уложенном скрабе, рядом с крупной беспородной собакой по кличке Амур, сыйтый и тепло укутанный Крутиков любовался крутибокими сопками, шумными перекатами и под солнцем сверкающими плесами, грозными заломами и небесной голубизной и мечтал, как он еще покажет силу своей воли...

Причалили к зимовью поздним вечером. Было оно старое, но сработанное и проконопаченное добротно, а потому уютное и теплое. Наскоро выгрузились, затопили жестяную печку, зажгли лампу. Не успел Крутиков полюбоваться темными силуэтами тайги и звездным небом над нею, послушав переливы воды в ключе и ночные вскрики обеспокоенных сов, как Пахомов уже застелил нары, что жались к

стенам, вскипятил и крепко заварил чай, открыл банку тушеники, крупными кусками нарезал юкolu и хлеб и позвал его отужинать — «чем бог послал, наскоро». Завтра, мол, наварим едова посолиднее.

Было в тот вечер первое искушение серьезным намерениям Крутикова. Пахомов, не ведая об этих намерениях, достал из рюкзака увесистую литровую флягу:

— Спирт. Беру в тайгу для медицинских целей, на всякий несчастный случай, мало ли что... Однако надо же отметить благополучное прибытие... Не всегда так гладко получается с заездом: то на перекатах застряешь, то к залому какому прижмет — того и гляди потопит, не то мотор скиснет... Ну, за удачу!

И налил в кружки по колпаку от фляги — этап граммов по пятьдесят.

— Знаешь, Семеныч, я вообще-то дал зарок не употреблять... Зря ты меня соблазняешь... Ну, если ты настаиваешь... но это первый и последний раз, идет?

— Об чем речь? По мне так этой гадости и вовсе не было бы. Разве от хвоя какой иногда...

Пахомов был спокойным и добрым, чистосердечно услужливым, во всем старательным и мастеровитым мужиком. Конечно же, сказывалось и то, что завез он в тайгу интеллигентного, солидного человека, у которого проходил институтскую учебу его младший сын. Он терпеливо сносил то, что Крутиков ничего не варил, не мыл даже свою посуду, ел неряшливо, не вставал noctью подбросить в печку дров. Прощал то, что любил гость без дела поваляться на нарах, много и громко говорил, картино жестикулируя и явно умничая, бросая пыль в глаза иностранными словами. Конечно, с таким напарником весь промысловый сезон пройти вместе мало приятного, думалось Пахомову, но он тут же себя смирял: у каждого есть свои недостатки, однако при совместном житье надо их не замечать. Притерпеться друг к другу редко когда невозможно: это если уж совсем разные люди.

И вовсе не задумывался над этим Крутиков, глубоко уверенный, что своим присутствием в этом далеком краю осчастливливает и Пахомова, и его избу, и даже весь промысловый участок с дикой тайгою. Его нимало не беспокоило и то, что Пахомов охотой живет сам и ею семью содержит, что в начале охотничьего сезона каждый день ему особенно дорог, ибо это начало во многом определяет конечные результаты промысла.

— Куда спешишь, Семеныч — кар-

тинно воскликнул он. — успеется! Отдохнем, побалагуим, насладимся осенними прелестями. Впереди почти полгода промысла, еще набегаешься. Давай-ка лучше заварганим царское жарево из ленков и хариусов. И рябчики висят без толку, и... что-то в твой фляге прокисает попусту.

Семенч остроожно возражал:

— Делов много... Снег упадет, хуже будет... Те избы подремонтировать надо бы, дров там напилить... Потом-то поздно будет...

Но следовал новый бравурный настик ученого человека, и Семенч ему покорялся: шел, затаенно вздыхая, чистить рыбу, да потрошить рябчиков, начиная исподволь серчать.

Всему есть предел прочности, и был он у терпения Пахомова. Промословик не разразился бранью, не учинил скандала. Но однажды, трудно сдерживаясь, он сказал:

— Все. Хватит. Оставайся здесь один, а я пойду в те избы. Харчей тут в достатке, и дров сколько угодно подготовлено. Если будет трудно или очень понадоблюсь — придешь по моей тропе. Вдоль ключа, тем берегом двенадцать километров. Бывай.

И ушел. А через день повалил снег, и шел он десятые сутки.

Ломая свою гордыню, Крутиков уж который раз анализировал события тех первых десяти дней, которые прожил здесь вместе с Пахомовым, пытаясь докопаться до истоков разлада и причин ухода мужика. При ламповом свете он хмуро глядел в черный квадрат до половины забеленного снегом оконца, машинально наблюдал, как тихо, но густо падают крупнохлопчатые снежинки, рыхло укладываясь на своем земном пределе. Потом вышел с фонариком и снова видел, как в ярком пучке света нескончаемо мельтишет снег. Он перевел свет вдоль глубокой траншеи на поленницу, на белые островерхие конусы близких елей и в небо бросил, а было в луче фонаря одно: снег, снег и снег.

Вернувшись в избу, Крутиков отряхнулся, посидел, подбросил пару толстых поленьев в печь, пожевал вкусной пахомовской юколя из кеты и лег на нары, забросив руки за голову и уставившись в щербатый потолок.

Так с чего все началось? Крутиков и не догадывался, что все началось с тех первых дней, которые были дороги Пахомову и которые он, Крутиков, бездумно у него отнял. Обстановка, поглагал Крутиков, стала обостряться со злополучной фляги спирта.

...На четвертый день Пахомов решительно вознамерился начать работу и начать с переброски продуктов в верхние избы и попутной расстановки капканов. Гость согласился помочь.

Поначалу шли бодро; Пахомов подправлял старые «шалашки», в которых настораживал капканы, и совал в них приманку. Крутиков тем временем переводил дух и постигал технику промысла, вроде бы равнодушно, но на самом деле внимательно наблю-

дая. Но охотничья тропа была заваленной, забуреломленной и трудной, к обеду он выдохся и забастовал: «Иди-ка ты, Семенч, дальше сам, а мне дай работу в нижнем зимовье». Семенч не возражал. Повесил его рюкзак на лесину и сказал задание на три дня: «Поколешь и сложишь дрова, сходишь и насторожишь капканы вниз по ключу до Бикина, почишишь на ночь и заморозишь картошку из мешка, оборудуешь крепленья на лыжах. Будет время — наделай петелек на зайцев, с сотню». И разошлись.

Вернувшись в избу, Крутиков, чувствуя себя разбитым, немного поколебавшись, употребил полстакана хозяйственного спирта. На приливе сил и бодрости распечатал банку красной икры, припасенной предсмотриательным Семенчом на праздники, и банку свиной тушенки из энээ ликвидировал, и вдоволь наелся малиновым вареньем, хранившимся хозяином на случай простуды. А вечером под настиком разыгрывшегося аппетита зажарил пару рябчиков и снова крупно причастился. Отошел ко сну во хмелю. А проснувшись ночью от холода и возбновив огонь в печке, выпил «для сургуву»...

К концу третьего дня своего одиночества Крутиков встретил Пахомова сивушным смрадом и пьяными восторгами. Пахомов ничего не ответил и от обятия молча устранился. А в его добрую, спокойную душу вошло зло и недоумение.

На другой день, пока гость маялся тяжелым похмельем, Пахомов распалил в себе энергию, выполняя данное им же четыре дня назад задание компании. А вечером объяснились. Крутиков извинялся, однако и оправдывался:

— Кто и зачем берет спиртное в тайгу?!

Пахомов ответил однозначно:

— Порядочные люди так не делают.

Но был он отходчив и спать в тот день улеглись мирно. Только ворочался мужик долго, пока Крутиков сотрясал избу могучим храпом.

Утро тогда встретило их первой порошкой в два-три пальца глубиной. Было солнечно, тепло и красиво, что располагало к благодушию. Пахомов планировал промысел, а Крутиков подумывал, каким бы образом восстановить свой пошатнувшийся авторитет. Теперь он будет непогрешимым. Он и был бы, если бы не эта фляга, будь она не ладна. И сколько же больших людей загубило зелье, не считая бичей! Н-е-т, он все-таки проявит свою волю. Этот срыв с пути праведного — последний. Сегодня 28-е? Ха, еще семнадцать дней по сухому закону — для сильной личности этого вполне достаточно. И хватит их для того, чтобы к последнему совместному дню в Бекине Пахомов понял, кто есть кто.

Вечером, управлявшись со своими дневными заботами, за наваристым супом из птичьих потрохов согласно договорились следующим днем налег-

ке поохотиться порознь: Пахомов с чудесным ружьем, ласково зовущимся «Белкой» (с гладким стволом), пойдет вверх по Бикину на разведку соболиных угодий, а Крутиков с карабином — на природный солонец вниз по этой реке попытать счастья на лосях и изюбрах. Те места Пахомов обрисовывал ему долго и обстоятельно, исчертив лист бумаги. И объяснил, что лось и изюбр — это и обычный харч, и привада на пушных зверьков, и отменная приманка. Амур по крупным копытным работал азартно и умело, и хозяин для пользы общему делу великодушно доверил его своему напарнику. А чтобы не сбежал от чужого человека, договорились, что Крутиков уйдет с ним первым: пусть пес думает, что хозяин остается дома.

С утренними сборами припозднились, зимовье покинули лишь в десятом часу. Был в меру бодрящий морозец, было головокружительно свежо и тихо, и Крутиков наслаждался всей этой благодатью, неторопливо вышагивая по звериной тропе вдоль Бикина, предвкушая верный выстрел по дорогому сохатому или изюбрю и за泰安но прислушиваясь, не забрешет ли на кого из них сильный, умный пес. А тот лаял на белок, за что получил недовольные окрики со взбучкой и недоумевал. Но не мог он расшифровать желания человека не пугать крупного зверя, снова облазил белку и опять прислушивался и вглядывался в высокие кроны деревьев и получал очредную трепку. Хозяина он бы понял...

У солонца собака прихватила свежий след сохатого, а через пяток минут подала решительный зовущий голос за небольшой сопкой — примерно в километре, не дальше. Крутиков радостно подхватился и ринулся на лай, а будучи уверенным в мастерстве Амура, мысленно уже вообразил, с каким удовольствием войдет к концу этого удачного дня в зимовье с окровянившимся рюкзаком, набитым печенью, сердцем, грудинкой, губой и увесистой мякотью со стегна, и громко скажет своему напарнику: «Вот как надо стрелять! Первой и единственной пулей! В сердце!»

Но не завалил он сохатого ни первым, ни вторым выстрелом, хотя подошел к этой живой громадине, недоуменно и внимательно следящей за собакой, на сотню метров. Третьего выстрела не было: лось умчался с такой ревностью, которую он в нем не подозревал. За пятнадцать минут, потраченные Крутиковым на сближение с остановленным сохатым, пес и лось плотно утоптали снег на площадке десятиметрового диаметра. На ней не оказалось ожидавшихся охотником густых потеков крови, однако и клочья шерсти радовали: попал! Взволнованно и торопливо зашагал он по следам, увидел одну красную каплю, сочно расплывшуюся на снежной белизне, другую, третью. Сначала они были справа от следа, потом закраснели слева. «Козе понятно: пуля про-

шла на вылет. Далеко не уйдет — обнадеживающе и довольно подумалось Крутикову. — Вот сейчас подаст Амур голос и...

Амур в это мгновение действительно залаял, и опять не далее километра, да не впереди по следам, а сбоку. И охотник поспешил туда напрямик. Но через пару минут лай оборвался, и он застыл в неведении, куда двинуться дальше. Присел на корч, снял шапку со взмокшей головы и обострил слух... В томительном ожидании минута прошла, вторая. И пять минут утекло, как вдруг донесся сердитый и уже усталый собачий брех с неожиданной стороны — сзади. Крутиков заторопился туда и вскоре увидел темную массу лося в густой сетке молодых лиственничек. Торопливо прицелившись в эту живую шевелящуюся темноту, он дернулся спусковую скобу. И тут же услышал высокий визг срикошетившей пули. И тут же в треске ломаемых сучьев исчезла та живая темная масса, и оборвался лай... И тут же крепко выругался.

Все так же тянулась краснота по обе стороны следов, но прошелся по ним Крутиков уже без азарта и немножко, и увидел рядом с красными пятнами и буро-зеленые, и догадался: пуля прошла, почитай, в полуиметре от сердца — по брюшине. Зверь, конечно, обречен, но отдастся смерти не так скоро, как хотелось бы. Козе понятно.

И снова залаял пес, да теперь уже далеко... Крутиков остановился. Часовая стрелка прикоснулась к цифре 4, ходьбы до зимовья не менее трех часов, а в семь темно. Вроде бы подсказывал ему кто, что в рюзаке хороший фонарик, что можно бы и припоздниться, но не стал он его слушать. «Кому это надо? Завтра. Вдвоем. Все равно подохнет сохатый...»

Подзывая собаку, он выстрелил два раза, послушал, как гулко закаталось по сопкам эхо, а когда оно вернулось чуть слышным рассыпанным звоном, пошел в сторону Бикина. И только тут обратил внимание, что небо затянуло серым пологом, и вспомнил, что гулкое эхо — к непогоде, и похвалил себя за то, что отверг чужую мысль о костре и чье-то напоминание о фонарике.

...Амур догнал его уже на тропе вдоль Бикина. Догнал и убежал вперед, даже не вильнув приветливо хвостом. А через некоторое время увидел его Крутиков внимательно изучавшим что-то на снегу... То были свежие отпечатки лап крупного тигра, шедшего в ту же сторону. Один лишь вид тигриных следов мгновенно швырнул Крутикова в жесточайший мороз, а когда он подумал в трясучке, что лютый всесильный зверь шагает между ним и зимовьем и что вечер надвинулся вплотную, а потому окольной целиной выйти к жилью засветло не успеть, и что без тропы в темноте избу не найти, страх распрымился в нем в полный рост и заледенил, сковал всего, затуманил рассудок.

Но сумел он все же подумать, что в таких случаях надо собраться и не дать страха парализовать себя. Снял карабин, взвел курок, зачем-то опустился на колени, вслушиваясь в мертвую тишину тайги, вмиг ставшей ему постылой и смертельно враждебной.

А собака теми минутами осторожно потрусила вперед, то опуская нос к тропе, то оглядывая и вынохивая стороны. Но еще на виду человека остановилась, поозиралась то на него, то вперед и решила, что не стоит испытывать свою собачью судьбу и не заслуживает этот человек ее стараний упредить беду. Вернулась, зашла за него и легла, всем своим видом недвусмысленно заявляя: действуй, как знаешь, у тебя ведь всесильное орудие власти над всем живым, всей землей. Не ты мне друг и хозяин, о-хот-ни-чек.

Но сколько же можно стоять на коленях в снегу, надо ведь что-то предпринимать. И Крутиков натужно, с треском разломал в себе лед, приподнялся, постоял, жутко озираясь кругом и заглядывая в свое мертвое нутро. В предельном напряжении остатков слуха и зрения шагнул раз... еще... и еще, спрятавшись за изготовленным карабином.

Тигриные следы вдруг резко ушли вправо и завернули назад, и Крутиков, обрадовавшись, лихо поскакал по освободившейся тропе, натужно овладевая собой, и собака его обогнала, тоже бодро запрыгав. Он уже повесил ру-

жье на плечо и стал стыдить себя за трусость и возвратившимся разумением прикинул, что часа через полтора будет в зимовье, и уже начал было воображать, в каком героическом свете представит Пахомову встречу с всесильным владыкой тайги, как вдруг Амур замер, к чему-то приюхиваясь на тропе и предупредительно на него поглядывая. Совсем свежие следы той же громадной кошки вышли на тропу уже слева и спереди, и Крутиков понял, что пересек зверь ее только что, обежав их с Амуром вокруг. И снова захолодил в нем лед и опять сковал всего, затуманив рассудок страхом.

Это повторялось дважды. На третьем круге тигр шел так близко, что по направлению собачьего носа, безошибочно и остро чувствовавшего смертельного врага, хоть стреляй. Но читал Крутиков, что царственный зверь не знает страха, легко озлобляется и в гневе дерзок и мстителен, а за нанесенные ему раны расплачиваются сполна, и потому не стал стрелять.

Напряженно всматриваясь вперед, еле переставляя трясущиеся от страха в коленях ноги, он вдруг заметил, как метров в сорока, с кустов, под которые заныревала тропа, упала кухта, а ветки слегка колыхнулись. Потом там чуть слышно треснул сучок, скрипнул снегожек и что-то легонько качнулось. И Амур в то место внимательно навострил все свои органы чувств... «Хочет поймать собаку, — решил Крутиков. — Говорят, живых он люто ненавидит, собачатину же обожает. А с человеком сбодляет вооруженный нейтрализатор... Единственное для меня спасение — откупиться этим посом».

Достал Крутиков из кармана капроновый шнур, несколькими витками обмотал собачью шею, затянул узел. «Теперь нужно привязать... Но так, чтобы Пахомов не нашел от своей собаки ключья, — трясясь он мыслями. — Снегожек, слава богу, подваливает, прикроет следы...» Огляделась, заметил в стороне большой выворотень и осторожно, не спуская глаз с того места, где упала кухта, потянул Амура к выворотню. Привязал надежно, шеей вплотную к толстому сухому корню, чтобы пес не перекусил шнур.

Когда Крутиков по тропе осилил половину расстояния от корча до «того самого места», Амур обреченно завыл, завыл высоко и отрешенно, и вдруг этот вознесся в хмурое снежное небо острой пикой, пронзил его и печально изгас в холодных далах. А в те же мгновения услышал Крутиков, как живое тяжелое тело прошуршало по чаще сбоку, и там свалилась с елочки кухта... И он ринулся по освобожденной тропе. А через минуту — уже за его спиной раздался резкий собачий визг и предсмертно оборвался...

Пахомов встретил его у порога добной улыбкой, но, взглянувшись в плотно загустевшие сумерки, настороженно спросил:

— Где Амур-то?

— А шут его знает. Лося я стрелял около солонца, ранил по брюшине. Так он его гонял полдня, сам ухайдакался и меня притомил. Завтра двинем за мясом... Возле лысой сопки так долго лаял твой Амур, что наверняка лось обессилел вконец, козе понятно. Да к вечеру дело было, домой спешить требовалось.

— Слыхал я твою стрельбу... По брюшине, говоришь, попал?

— Ну, сначала кровь шла, а потом и из кишок потекло.

— Да... Запропостили ты, однако, солдату. С такой раной, да еще после беготни зверь теперь уже наверняка околел, а к утру и протухнет. Закисает он и в холода быстро.

— Ничего! Не закиснет! Завтра чуть свет двинем.

— Снег идет, наверно, капитально навалил, ну-да уж двинешь. Иди ешь, отдохнай, я посижу.

Полчаса сидел, затаив дыхание Пахомов на пне под навесью старой ели. Слушал, не донесется ли издалека призывный вой запутавшего или в беду попавшего друга. Но густо шуршал снег, шумело разгулявшимся ветром в сопках, потрескивало в печной трубе, а собачьего голоса не было слышно. Выстрелил пару раз в надежде, что уло-

вит его острым слухом собака, и еще полчаса отсидел. И горестно вернулся в зимовье.

Утро выбелилось снегом в полколена, с глухого неба колюче сыпало и сыпало, и ветер уже зло разбрасывал снег, зачиняя сугробы... Но к обеду неожиданно стихло, и Пахомов спешно засобирался искать собаку. Крутикова с собой не взял: «Идти буду быстро, за мной не угонишься, а времени мало». Тот особенно и не запреживал: снег, думалось ему, упрятал вчерашиные следы надежно.

Надежно-то надежно, да тигр выдал его. Нажравшись собакой и похватав пастью снега, тут же и растянулся, благо под навесью корча и снег не доставал, и листьев сухих сеноставками было напасено ворохом. Ушел вниз по Бикину, засыпав приближающегося охотника.

У корча Пахомов снял шапку: от его верного Амура остались хвост и голова. По обрывку капронового шнурка на толстом корне и такому же, только окровавленному концу, обмотанному по огрызу шеи собаки, он все понял и едва не заплакал от нестерпимой жалости к другу и трудаче, который был ему, что конь для крестьянина, и от обиды на неблагодарного и жестокого городского попутчика.

В зимовье он вернулся уже затемно. В гневе хлопнув дверью, бросил на живот блаженствующего на нарах Крутикова окровавленный обрывок шнурка и сказал, едва сдерживаясь: «Все! Хватит! Оставайся один, а я пойду в те избы. Харчей тут в полном достатке и дров сколько угодно наготовлено. Если будет трудно или здорово понадоблюсь — придешь по моей лыжне...» Поспешно уложил на свою панягу самое необходимое и двинул в темень ночи, в сердцах бросив на последок: «Не могу понять, как тебе доверяют молодых людей... Ну ладно, в штаны наложил от страха и отдал собаку тигру, но зачем же было врать?! Ведь с такими замашками можно брехать и студентам, а их-то теперь ох как надо

воспитывать, учить правде...»

А через день начался этот страшный снег, и шел он уже десятые сутки.

Чем больше укладывалось на землю снега, тем дольше валялся Крутиков на уже опостылевших нарах наедине со своими мыслями, тем чаще возникали в памяти этакими не то острыми иголками, не то битым бутылочным стеклом последние слова Пахомова.

Когда снег завалил оконце, когда пришло убеждение, что против этой белой погребальной прорвы и добротные охотничьи лыжи бессильны, когда представил, что не приди Пахомов (а не дай Бог случилось что с ним), под кожей опять распрымился в полный рост страх. Крутиков исподволь осознал, что без посторонней помощи это зимовье вполне может оказаться его могилой, а сам он себе могильщиком.

И стал он своим вполне очищенным от алкогольных туманностей и апломба разумением все обстоятельство задумываться, чаще всего и с особенной болью катая и ворочая пахомовское сомнение: учит ли он студентов правде и справедливости, так ли воспитывает. Раньше он этими вопросами себя не утруждал. А зря — упрекал теперь себя. Что уж греха таить, считал свою персону преподавателем, и только. Научить, заинтересовать порученной ему дисциплиной, закрепить учение практикой, принять зачеты и экзамены. спецпредмет — это не теория нравственности.

Особенно он совестился теперь и переживал за то, что соврал Пахомову о собаке. Тут же никуда не денешься. Лишить хлебороба коня — большой грех... И нет за это прощения... И чем дольше он был один в снежном безлюдье, тем навязчивее росло в нем чувство вины перед Пахомовым. И все больше тягостное одиночество подкатывало к горлу холодным свинцовым комом: совесть, совесть...

На одиннадцатый день одиночества Крутикова снегопад сменился ветром. Его первые шорохи он засыпал поутру, проснувшись от холода. Пока оживлял печку за стенами и над потолком завздыхало, потом затяжно заухало, выбрасывая дым в избу, наконец, загудело, засвистело, завыло. Догадываясь, что ветер такого долгого снегопада страшен тем, что заметет все и вся, и зимовье в том числе, Крутиков быстро оделся, принялся охапками таскать в избу дрова, стал лихорадочно расчищать площадку перед дверью, запасаться продуктами. А мир уже ревел белой яростью и ненавистью, ветер встрихивал лес, раздевая донага деревья, и они с покорным молчанием стонали и плакали, скрипели и трещали, в беде заламывая ветви, как руки, и захлебываясь ветром. Все вокруг взбуживалось большими сугробами, над снегом чернела лишь печная труба да конек крыши, и деревья мерзко покоились по пояс в снегу, и словно умерла вся планета, а остался жи-

вым лишь он один среди этого светопреставления. И снова к горлу подкатывал холодный свинцовый ком.

...В тот первый солнечный день он с трудом прошел в сторону Пахомова не более полукилометра. Лыжи утопали выше колен, а снег тут же обильно заливался на них сверху пудовой тяжестью. Мир был насквозь пропитан угрюмой безжизненной тайгой и снегом, и это Крутикова вконец лишило воли. Он не замечал ни потрясающей снежной новизны, ни звенящего снежного безмолвия, осторожно шевелившегося лишь совсем приглохшим лепетом воды в ключе, и тонких снежных запахов не ощущал. Им владела единственная зыбкая мысль: не потерять нитку ключа и пробиваться, пробиваться, карабкаться вдоль него. Он бесконечно повторял застрявшие в памяти слова Пахомова: «Вдоль ключа тем берегом двенадцать километров, вдоль ключа тем берегом двенадцать километров, вдоль ключа тем берегом двенадцать километров, вдоль ключа, вдоль ключа...»

Пытался было идти по самому этому ключу, но оказался он с еще не замерзшими перекатами, был извилистой и глухо забаррикадирован нависшими над ним поникшими деревьями и кустарниками. Хотел спрямлять кривуны, да тут же потерялся и вернулся. А сердце колотилось нервно, и тело исходило густым потом. Не хватало воздуха, иссякли силы, ноги деревенели. И безвольно выстанывалось: «Пресвятая дева, заблудших на путь правый поставь... Господи... Боже... Дай силы...» Но силы Господь не давал.

...Крутиков сидел на нарах, не раздеваясь, вслушиваясь в адово разноголосье, смотрел как невесть откуда в избе на полу вырастают полоски снега, как плавают колючие снежинки в избяной тесноте, как вырывается огонь сквозь дверцы печки, как шевелятся на стенах полотенце, одежда и всяческое другое, и опьяняло, с двойным ужасом решал: это совсем погибельно. Как выжить, сколько дней такой пурги можно выдержать?

Через каждые четверть часа он с тру-

дом приоткрывал дверь, протискивался в щель, и с головой окунался в ослепший, оглохший, обезумевший мир. Ныряя в снег и задыхаясь, он расшвыривал его лопатой, раздвигал всем телом, утаптывал.

Снег в его напряженно воспалившихся глазах синел, краснел, потом чернел вместе со снегом весь мир, и тогда он в полном бессилье вплз в избу, на четвереньках добирался до нар, теперь задыхаясь и захлебываясь дымом.

К вечеру силы его покинули. Он уже не боролся с пургой и снегом, не дрался за себя с озверевшей стихией. Он разбито лежал под ворохом одежды, а в его вспухшей голове плавали всякие видения из прожитого и непрожитого. И отупело думалось: это конец.

Очнулся Крутиков в непроглядной темноте, густо придавленной чугунно мертвой тишиной. Боясь спугнуть эту тишину, он осторожно, сотрясаясь озабочом, слез с нар, нашупал спички, зажег лампу. Развел огонь в печке, стал стряхивать повсюду наметанный снег, шатаясь и постанывая...

А над миром в мертвом покое плыла, распластав черные крылья уже совсем зимняя ночь...

Выбрался он из зимовья в десять утра. Было голубое небо, желтое солнце, было холодная потрясающая тишина.

Вернулся Крутиков в зимовье, едва-едва переставляя ноги, когда на красном снегу угасали последние отсветы этого трудного дня. Упал на нары, не раздеваясь, горестно раскинув руки, не находил в себе сил разжечь печку. И как о недоступном чуде мечтал: быть бы здесь Пахомову...

Следующий день он встретил разбитым, от усталости не освободившимся. Ему хотелось отдохнуть хотя бы денек, но он все же погнал себя в новый поход. Накануне пробитую лыжню Крутиков одолел легко и быстро, но к полуночи, осилив всего километр снежной целины, опять выбился из сил.

Посидел, поразмыслил. Решил, что такими темпами не доберется до верхней пахомовской избы и за неделю, а потому надо пробиваться упорнее и решительнее, и с тяжким, горестным вздохом зашаркал лыжами дальше.

Передыхая через каждые десяток минут, он преодолел еще полкилометра снежной целины и собирался было потрудиться еще над парой сотен метров, как поперек его пути оказался ключ. Присмотревшись повнимательнее, Крутиков увидел, что ключ этот выдается далеко вперед глубокой петлей, обходить которую потребовало бы сил и времени в пять раз больше, чем пересечь.

Русло ключа выглядело безобидно и даже приветливо, и Крутиков, все-таки нервничая и дергаясь, на всякий случай попросив Господа пронести, ступил на него. В безотчетном страхе, заспешив, прицеливаясь к другому берегу... И у самой кромки снег под ним пошел в воду. Подстегнутый страхом, он прыгнул к кустам и уцепился

за ближний, подтянулся, машинально снял с ног лыжи и выбрался на берег... И снова заледенел его ужас, когда увидел, как черная вода жадно втягивает густо посиневший снег и лыжи вместе с ним. В панике ринулся в одну сторону, в другую, надеясь найти возможность двигаться без лыж, но не было на нее и намека. И дико раздирал рот свой и горло, он закричал, завыл, заревел плачом...

Приди в себя от пробиравшегося к телу холода, Крутиков осмотрелся, увидел обступившие его деревья, решил, что спасаться нужно начинать с огня. Утоптал площадку, наломал сухих веток и поджег их. И уже робко появилась кое-какая надежда на спасение... Но ветки быстро прогорели и захлебнулись огрызками, потонув в снегу. Были неподалеку хорошие сухостоины, но не оказалось топора, а поджечь их снизу костром он не догадался. Не пытался он найти возможность вернуться на тот берег ключа и выйти на лыжню — какую ни есть дорожку к спасительной избе, по которой, когда она промерзнет, можно кое-как карабкаться — все же не по целине. Крутиков в страхе потерял над собою всякую власть и плакал, то и дело во всю силу горла посыпая крич в сторону пахомовской избы: «Се-ме-ны-ы-ч! Э-г-е-г-е-е-й!»

Когда солнце зацарапалось по верхней кромке леса, Крутикову сквозь всхлипы показалось, что в той стороне раздался выстрел. Он замер, тревожно насторожился, до предела, до звона в ушах, даже рот открыл и шапку снял...

И через несколько минут уловил в той же стороне какой-то щелчок... Потом шлепок палки по дереву... И заорал что есть мочи:

— Се-ме-ны-ы-ч!

Откуда у Крутикова и силы взялись, из каких таких запасов. Он разгребал снег, плыл в нем, нырял, не обращая внимания на то, что снег сыпался ему в рот, за пазуху, в рукавицы и там таял. Падал, передыхал и опять рвался вперед. А заметив наконец шевелящееся между деревьев темное пятно, закричал последней силой: «Э-г-е-г-е-е-й!» И замахал руками и уже не бежал, а карабкался, карабкался, облепившись снегом с ног до головы, выстывая одно лишь: «Пахомов, Пахомов, Па-хо-мов...»

Он уже в полной немощи завалился боком в снег, и не было силы встать. Он жадно следил, как медленно и устало, но все же ровно и сильно шагает к нему человек с заросшим, в ледяных сосульках лицом. И когда тот приблизился вплотную, Крутиков, откуда-то выкрутив еще одну крупицу силы, приподнялся, повалился на его лыжи, потом обхватил ноги и выдавил из себя прерывистым дрожким стоном: «Семенч... прости меня... грешного Спаситель ты мой...»

Спаситель выбился из сил, потому что добивал шестой в тот день километр лыжни. Но он спокойно и быстро

разгреб лыжей до земли, развел большой жаркий костер, повесил над огнем котелок для чая. Сказал: «Заварка, сахар, хлеб в правом кармашке рюкзака», — и пошел искать переход через ключ.

Вернулся через четверть часа, когда «погибавший» уже допивал кружку густого, сладкого чая. Он быстро успокоился и уже считал, что так все и должно было быть. На то, мол, старик здесь, чтобы оберегать его, Крутикова, жизнь. Что этот охотник рядом с ним, ученым? Подумаешь — костер развел и чай навострил... Взял гостя в тайгу — неси за его жизнь ответственность, козе понятно.

Игнат Семенич же рассудил так: «Я посижу у костра — ноги гудят и сердечко режет, а ты сходи за запасными лыжами-голицами на моих. На дорогу туда и обратно хватит часа, самое большое — полтора».

И Крутиков пошел.

Шагал он бодро и уверенно, лыжня держала сравнительно хорошо, вечер надвигался тихий и теплый. И ласковый снегок пошел. Шагал, думал: «Хороший сюжет для рассказа... Наука мне, дураку, зачем было рыпаться? И сам пришел бы дед, ответственность и страх чувствовал ведь». А снегок сыпал бодрее...

...Голицы лежали на чердаке. Исправные. Легкие. Он примерил их — в аккурат. Хозяйские камусные связал одну на другую, прицепил их на веревочку, попробовал тянуть за соображу — удобно...

Но не спешил Крутиков с лыжами к Пахомову и, хотя солнце уже совсем уходило и вот-вот должны были густеть сумерки, решил отдохнуть и перекусить. Растипал печь, поставил на нее чайник, потом кастрюлю с кашей. Банку тушеники промстила на уголок печки. Зажег лампу... Поех, полежал, неспокойно все-таки поглядывая на чернеющее окно. Взглянул на «Сигнал» — прошло полтора часа, как он ушел от костра с Пахомовым... Вышел из избы, погляделся и решил, подставляя ладони под снежинки: «Сам придет дед. По лыжне — не по целине. Не спеша за пару часов доберется, семижильный... Скажу, что сердце сдало...»

А в это время Пахомов, напряженно согнувшись у костра, впервые в жизни испытывал невыносимую боль. Она тяжелым расплавом свинца разлилась по всей груди, буром врезалась в левую лопатку и остро била в правую, а через горло достигала головы и зло ворочалась там. Она стиснула дыхание, парализовала руки и ноги и убила в нем все, кроме желания освободиться от страданий или хотя бы немного ослабить их. Но не приходило это освобождение и даже не ослабевало.

Пахомов уже не прислушивался в сторону избушки в томительном ожидании по скрипывания лыж, он уже не замечал, что снег с насыпившегося тучами неба сыплется все гуще, все гуще... И перестал удивляться его крупным красным хлопьям...

Александр ШАТИЛОВ

Старый пес, ты опять мне
приснился...

Как тебе там, в собачьем раю?
Ты проведать из кущ отлучился
Очерствевшую душу мою?

Рад тебе я всегда, право слово!
От того только горестно мне,
Что меня в разноцветье былого
Возвращаешь ты редко во сне.

Помнишь, пес, ты щенок
голенастый,
Я последнего курса студент
Летним утром погодю ясной
Пострелять уходили на стенд?

Помнишь первую нашу охоту,
Как от запахов ты замирал?
А потом так включился в работу, —
Я, любясь, стрелять забывал.

Помнишь наши вечерние зори.
У костра разговор ни о чем?..
Я болтал за двоих, ты не спорил,
Лишь поддакивал куцым хвостом.

Поднимались с рассветом, с росою,
Челноком ты утюжил стерню,
Я тихонько с ружьем за тобою
Шел в звенящую тишину.

Ну, случалось, конечно, промажу,
Ты старался, а я «пудельну».
С пониманьем посмотрьши: не
важно, —
Птицы много, еще подниму.

Жаль до одури, век твой короче
По законам природы, чем мой...
Как-то вечером, ближе уж к ночи
Ты ушел, не прощаясь со мной.

В жизни многие были потери,
И живем-то, чтоб что-то терять...
Но порою мне мнится: у двери
Ты скулишь, приглашая гулять.

ЖУРАВЛИ

Над рощами берез и тополей,
Через пороги облаков в тумане
Измученная стая журавлей
Как бечевою лето в осень тянет.

И пусть еще не убрано в садах,
И ржи изрядный клин не скошен,
Уже несут на крыльях в небесах
Они разлуки тягостную ношу.

К немилым и далеким берегам,
Хоть к теплым, но чужим зарницам
Наперекор неласковым ветрам
Летят неспешно стонущие птицы.

Что ждет их там, в пугающей дали,
Через налипшее на крыльях
расстояние
Печальников покинутой земли,
Певцов унылого прощанья?

НА ЗОРЬКЕ

Осень, плавни, почти уже утро,
И сейчас разродится зарей
Горизонт, и поднимутся утки
Над прикрытою дымкой землей.
Тишина, звезды нехотя меркнут,
Растворяясь в спокойной реке,
И пока дремлет старенький
«меркель»,
Убаюканный мной на руке.

Пес послушен: ни лаем, ни визгом
Не нарушит рассветный покой,
Но вот-вот солнце ласково брызнет
Яркой краской над снуль водой,

Ветерок нежно сдует дремоту
Со склонившегося камыша,
Вот тогда и начнется работа
У уставшего ждать лягаша.

Вот тогда так молчавшая долго,
Хищно высмотрев серую цель.
Жарко ухнет по птице двустволка,
Налетевшей крылом на прицел.

Тунгус

А. КАЙКОВ, г. Новосибирск

Северное солнце выглянуло из-за холма и покатилось по чистому весеннему небу. Оно поднималось все выше и выше по небосводу. В его лучах заинdevевшие за ночь вершины сосен и елей заиграли ослепительными блестками. Потеплел воздух. Постепенно стал отмывать наст — корка замерзшего снега, которую местные охотники называют чилимом. На его поверхности множество ледяных иглок и острых пластинок. В дыхании природы, в гомоне птиц чувствовалась перелом в погоде. Зима больше не заиграет метелями, не ударит сильными морозами.

Тунгус бежал по следу лося, подушки его лап, изрезанные чилимом, кровоточили, оставляли кровяные следы на снегу. Пытаясь приглушить жажду и тяжелое дыхание, он на бегу лизнул наст. Вместо облегчения почувствовал порезы на языке.

Солнце пригревало сильнее и сильнее, чилим слабел. Вот он проломился под копытами сохатого, и зверь завалился тяжелой тушей в снег оставив в нем вмятину. Лось пружинисто вскочил на ноги и вмиг оказался на настке. Теперь его прыжки стали короче, копыта часто пробивали замерзшую корку снега и ноги безжалостно резала его кромка.

Настал решительный момент. Наст уже не держит зверя, но еще держит собаку. Тунгус из последних сил устремился вперед. Он должен догнать лося и задержать до подхода охотников. Его дыхание было частым, язык вывалился из пасти живот подвело, под кожей можно было пересчитать ребра. Последние дни хозяин кормил его несколькими ложками каши вместо мяса, к которому он привык во время охоты.

Солнце подбиралось к полудню, отгрело наст, и он стал проваливаться под собакой, Тунгус потерял скорость бега, лапы, до костей изрезанные настом, кровоточили. Наконец он выбился из сил, ноги отказали служить, и он безвольно опустился на снег. Немного отдохнув, стал зализывать окровавленные раны.

За этим занятием его застали подошедшие охотники. Он посмотрел на хозяина виноватым взглядом и безвольно вильнул один раз хвостом, попытался подняться на лапы, но силы покинули его, и он рухнул на снег.

Охотники понуро стояли около собаки. Они понимали, что рухнула последняя попытка добыть пищу.

— Что будем делать? — спросил Осип у хозяина Тунгуса Павла.

— Надо выбираться из тайги, пока сами не свалились с ног, как Тунгус.

— Я не о том. Что будем делать с пском? Ему не дойти до избушки, не то что до села. Корма у нас нет, чтобы ему оставить. Будет мучиться и умрет от голода.

— Что ты предлагаешь?

— Может, помочь ему, чтобы не мучился?

Павел догадался, о чем ведет речь Осип, но решил уточнить:

— Что советуешь?

— Надо пристрелить. Он уже не работник и не жилец.

— У меня не поднимется рука, и тебе не разрешу, — с возмущением ответил Павел. — Восемь лет Тунгус мне верно служит, всегда был товарищем на охоте. И вот теперь ты предлагаешь его так отблагодарить? Пойдем к избушке.

Путь оказался нелегким. Лыжи проваливались в размякший снег, лыжню приходилось мять, проваливаясь почти по колено в снег. Голодные люди изнемогали от усталости, но опыт и упорство заставляли идти вперед. Они знали, что с каждым шагом сокращается расстояние до избушки. Добравшись до тенистого сосново-кедрового массива, вздохнули с облегчением. Здесь наст держал человека на лыжах, но стоило выйти на открытый от тени участок, как лыжи проваливались и охотник оказывался по пояс в снегу. Приходилось снимать лыжи, вытаскивать их из снега и укладывать перед собой, чтобы опираться на них, выбираться из снежной ямы, стать на колени, а затем осторожно встать на ноги.

Нелегок труд охотника-промысловика. Удача — фарт зависит от погоды и многих других факторов. Зима в тот

год была многоснежной. С мутного неба часто сыпал снег. Лоси и олени откочевали с их участка, пущенные зверьки отсиживались в своих убежищах. После каждой метели приходилось откапывать капканы и ловушки. За весь сезон им не удалось добыть ни одного копытного зверя. Довольствовались редко встречавшимися глухарями.

Когда солнце покатилось к закату, охотники поднялись на вершину холма, с которого их взору открывалась долина. Где-то там, на берегу ручья, стоит их маленькая добротная избушка, рубленная из бруса. Брус доставляли вертолетом. В те времена охотничий промысел давал хорошую прибыль. Охотников завозили и вывозили с промысловых участков вертолетами. Павел около десяти лет промышлял на этом участке. Каждый год вертушка прилетала за ним в назначенное время. В этом году почему-то не прилетела. Как на грех сели батарейки рации, и он не мог связаться с промхозом. В ожидании вертолета закончились продукты. Вчера на берегу ручья они увидели следы лося и решили его добыть прежде, чем отправиться в дальний путь домой.

Не знали охотники, что начавшаяся перестройка многое изменила в жизни простых людей. Их промысловое хозяйство обанкротилось, у него не было денег на аренду вертолета.

Спуск с холма оказался не легче, чем подъем. Когда показалась избушка с дверью, подпиртой колом, их силы были на исходе.

Затопив печь дровами, приготовленными утром, Павел повалился на нары. Теплый воздух от печки-буржуйки стал быстро распространяться по избушке. Он приподнялся, снял суконную охотничью куртку и вновь улегся на спину с закрытыми глазами. Его мысли были о брошенном Тунгусе. Как наяву, он видел лежащую на снегу собаку с изрезанными окровавленными лапами, с умными, все понимающими глазами. Его видение прервал голос Осипа:

— Выходить придется с рассветом и идти только по насту, — он продолжал начатую в уме мысль, — как ты думаешь, за сколько дней преодолеем восемьдесят километров?

— Нам придется сделать круг, — ответил Павел.

— Это еще зачем?

— Пойдем на профиль, по нему за день доберемся до нефтяников. У них добудем продуктов, отдохнем и спокойно двинемся домой.

— Тогда поднимайся, попьем чая и на боковую, чтобы встать раньше.

Павел поднялся задолго до рассвета, затопил печь, поставил варить кашу из последней горсти овсянки. За дверью послышался слабый скулящий голос Тунгуса. Павел не поверил своим ушам и опрометью бросился открывать дверь. Свет от лампы осветил через проем сидящего на снегу Тунгуса. Необычайная радость охватила Павла, он подошел к собаке и погладил по голове. К его горлу подступил комок. В ответ на ласку Тунгус жалобно заскулил. В этом звуке слились воедино радость встречи с хозяином, боль от полученных травм, обреченность и горечь разлуки. В мыслях Павел уже простился с верным другом.

Собака оказалась преданней людей. Ночью по насту, превозмогая голод и боль, она пришла к людям, которые бросили ее на произвол судьбы.

— Заходи в зимовье, — только и смог произнести Павел.

Тунгус с трудом поднялся на четыре лапы и, пошатываясь, зашел в избушку.

Увидев Тунгуса, Осип по-своему обрадовался и обдумывал, как высказать свои мысли.

Павел разделил сваренную кашу на две части. Одну миску поставил перед Осипом со словами:

— Ешь, пора в путь.

Затем, посмотрев на свою порцию, поставил миску перед Тунгусом. Тот благодарным взглядом посмотрел на хозяина и не спеша стал языком доставать кашу из миски.

— Что ты делаешь? — удивился Осип. — Собака обречена. Тебе самому нужны силы, чтобы выбраться из тайги.

— В старые времена выполняли последнее желание приговоренного к смерти человека. Я выполнил желание Тунгуса.

Немного подумав, Осип высказал давно таившуюся у него мысль:

— Может, мы его освежаем? Мяса хватит, чтобы напрямую добраться до дома, не надо будет делать крюк к нефтяникам.

Слова напарника возмутили Павла, это был плевок в душу на его переживания, поэтому он ответил грубо:

— Я скорее застрелю тебя, чем Тунгуса.

С этого момента Павел понял, что больше у него дружбы с Осипом не будет и он не пойдет с ним в следующий сезон в свои угодья.

Охотники надели рюкзаки с пушниной, закинули на плечи ружья и вышли на улицу. Павел остановился около дверей и заглянул в избушку. Тунгус не вылез из-под нар. Тогда он открыл дверь настежь и придавил её колом, чтобы не захлопнулась.

Павел шел впереди, он знал направление на профиль. Небо на востоке начинало сереть, предвещая рождение нового дня. В тайге стоял полуумрак, она казалась вымершей, только скрип наста под лыжами нарушал покой спящего леса. Идти через кедрач было легко, стволы кедров-великанов на несколько метров от земли не имели ветвей. Когда вошли в массив пихтча, пришлось прорыться через густой подлесок. Его лапы цеплялись за одежду, царапали лицо. С восходом солнца Павел повернулся правее, градусов на тридцать.

— Почему ты изменил направление маршрута? — послышался сзади голос Осипа.

— Профиль проложен строго с севера на юг, так мы быстрее попадем на него.

После этих коротких фраз бывшим приятелям не о чем было разговаривать. Каждый думал о своем. Павел — о Тунгусе, вспоминал отдельные эпизоды охот с ним, которые оста-

ются в памяти на всю жизнь. Осип прикидывал в уме, на какую сумму сдаст добытую пушнину и как распорядится полученными деньгами.

Неожиданно лес перед охотниками расступился, они вышли на широкую просеку среди хвойного леса, называемую профилем. Павел достал из рюкзака маленький аккуратный топорик и по привычке сделал затес на молодой сосне.

— Ты собираешься сюда когда-нибудь прийти? — удивился Осип,

— На всякий случай, вдруг пригодится, — ответил Павел.

Профиль вывел охотников поздним вечером к буровой вышке, залитой электрическими огнями, как новогодняя елка. На их пути в нескольких километрах от вышки стояли вагончики участка гидронамыва. Остановившись у ближайшего из них, Павел снял лыжи и постучал в дверь.

— Кто там? Входи! Дверь не закрыта, — раздался голос.

Валентин Петров, взглянув на вошедших людей с заросшими лицами и впалыми глазами, вмиг оценил обстановку. Перед ним стояли мужчины среднего роста в охотничьей одежде. У одного борода была черной, как сажа, у второго — рыжей. По их заросшим лицам трудно определить возраст, но судя по осанке и глазам, они были не старики.

— Раздевайтесь, садитесь к столу, — сказал Валентин.

Он ценил и соблюдал традиции севера. Путника, уставшего с дальней дороги прежде всего надо накормить. Если захочет, сам расскажет, кто он и куда идет.

Неожиданным гостям приглашение дважды повторять не требовалось, они поставили ружья в угол, туда же положили на пол рюкзаки, повесили куртки на вбитые в стену гвозди и присели к столу.

— Попейте сначала с дороги чая, — сказал Валентин, ставя перед охотниками эмалированные кружки, — а я на скорую руку что-нибудь приготовлю.

Он не спеша нарезал хлеб, пододвинул на средину стола сахарницу и, сняв со шнуря, натянутого у дальней стены вагончика, двух вяленых язей, положил перед гостями. Затем взял горячий чайник и, поставив на берестяную подставку на угол стола, произнес:

— Наливайте сами, будьте как дома.

— Но не забывайте, что в гостях, — продолжил Павел,

На его губах скользнула улыбка и потухла под густой черной бородой. В карих глазах усталость сменилась блеском. Он подумал: «Мы встретили хорошего человека, теперь благополучно доберемся домой».

Тем временем Осип налил в кружки рыжеватого цвета жидкость. По вагончику распространился аромат таежных трав. Чай был заварен шиповником и разными травами.

После нескольких дней голодания охотники с удовольствием жевали хлеб с кусками жирной рыбы и запивали чаем.

— Никогда не думал, что чай с соленой рыбой вкуснее, чем с сахаром, — произнес Осип.

— Не торопитесь наполнять желудки чаем, — сказал Валентин гостям, — сейчас будут готовы макароны по-флотски.

За неимением макарон он насыпал в кастрюлю с кипящей водой вермишель. Затем вынул из ножен охотничий нож, всегда висящий у него на поясе, открыл две банки говяжьей тушенки и выложил ее в кипящую вермишель. Валентин хотел еще поджарить лук на свином сале и заправить им готовящееся блюдо, но передумал, видя как спешат наесться люди.

Утолив немногого голод, Павел обратился к хозяину вагончика:

— Как звать тебя, добрый человек?

— Валентином.

— Мое имя Павел, а это мой напарник по охоте — Осип. Мы промышляли в верховье ручья Холодного.

— Запозднились что-то вы с выходом из тайги, — удивился Валентин, — сезон охоты давно закончился.

— Нас должен был вывезти вертолет, но в назначенное время не прилетел. Прождав его, мы упустили время, вдоволь наголодались и намучались.

— Это я по вам сразу определил. Вы из какого места в наши края попали? — спросил Валентин.

У охотников не принято задавать вопрос со слова — куда или откуда. С давних пор укоренилось поверье, что эти слова не принесут удачи.

— Мы живем в Старом Васюгане.

— Большой круг приходится вам делать, чтобы попасть домой.

— Без продуктов нам до своего поселка не добраться, вот и решили за вернуть к нефтяникам, чтобы разжиться

ся харчами на дорогу.

— Весной не сложно было бы сплавиться по реке, а в оттепель изрядно намучаетесь. — Идти придется по насту, морозы еще должны постоять.

Разговор длился долго. Охотники подробно рассказали о неудачной охоте в последний день. Каждый говорил о брошенной собаке со своей точки зрения. Валентин не мог понять, как можно оставить на произвол судьбы собаку, которая многие годы служила верой и правдой. Он расспросил о рабочих качествах и возрасте собаки, узнал клычку. Затем спросил:

— Как добраться до вашего зимовья?

Павел охотно рассказал:

— В трех часах хода по профилю увидишь затес на сосне, поворачивай вправо под прямым углом и выйдешь в распадку на ручей Холодный. Там сам сообразишь, в какую сторону по ручью идти к избушке.

Городскому жителю трудно понять, как по двум ориентирам в тайге можно найти избушку, удаленную на несколько десятков километров. В большом городе порой трудно найти дом, расположенный внутри квартала. Охотники же ориентируются в лесу как у себя дома.

Ночью подул северян, мороз окреп, оттепели не предвиделось. Прощаясь с Валентином, задержав его руку в своей руке, Павел сказал:

— Спасибо тебе за приют и помощь, окажешься в нашем поселке, заходи, будешь званым гостем.

Весь день на дежурстве Валентин думал о брошеной собаке, ему было жаль ее и стыдно за людей, предавших друга. Он представил себя на ее месте — голодным, обессиленным, без всякой надежды на спасение. После этого он не мог оставаться равнодушным к ее судьбе и принял решение завтра отнести ей пищу. Рассудив, что собака, оправившись от голода и ран, сможет уйти домой.

С напарником по дежурству на земснаряде, неработающем в это время года, договориться о переносе смены труда не составило. Чуть свет, положив в рюкзак хлеб и куски мяса, надел лыжи и покатил по профилю. Ему, потомственному охотнику, пробежать несколько десятков километров не составляло труда. Невысокого роста, кренастый, он легко скользил на лыжах в привычном темпе, при котором не сбивается дыхание. Орлиным взглядом зорких глаз осматривал стволы деревьев.

К избушке Валентин добрался во второй половине дня. Из раскрытой двери раздалось рычание Тунгуса, лежащего под нарами.

— Не сердись на меня, — как можно ласковее произнес Валентин, — я принес тебе еду.

Услышав незнакомую речь, Тунгус грохнулся зарычал, переходя на лай.

Достав из рюкзака кусок мяса, Валентин подошел к нарам и протянул к собаке руку с мясом. Около его паль-

цев лязгнули собачьи зубы. Он еле успел отдернуть руку.

— Ты слишком серьезный пес, — произнес Валентин и бросил мясо собаке.

Тунгус был очень голоден, но не схватил сразу брошенный кусок. Он обнюхал его и, не учав ничего подозрительного, осторожно взял в пасть.

Валентину понравилось поведение собаки. Он вышел из избушки, набрал дров из поленницы и вернулся, чтобы затащить печь. Тунгус его встретил молчанием.

— Вот так-то лучше, — сказал Валентин и бросил ему второй кусок мяса, — на сегодня достаточно.

Затопить печь березовыми дровами — дело плевое. Он оторвал от полена кусочек бересты, наципал лучины, положил их в печь, над ними аркой — дрова и поднес зажженную спичку. Огонь весело побежал по бересте, вспыхнула лучина, и дрова начали разгораться. Только теперь Валентин почувствовал, что голоден. Взял чайник, стоящий на плите, и направился к двери. Около порога остановился, посмотрел по сторонам, надеясь найти пешню или топор. «Видимо, хозяин избушки спрятал ценные вещи где-нибудь на улице, — подумал сожалением, — придется колоть лед ножом».

Натоптанная в снегу тропинка привела его к замерзшей проруби на ручье. Она выделялась гладким чистым льдом среди окружающего снежного покрова. Наполнив чайник кусочками чистого голубоватого льда, вернулся в избушку.

Прежде всего заглянул под нары. Тунгус вяло вилял ему хвостом, в печальных глазах собаки промелькнула радость. «Неужели он испугался, что я брошу его, и обрадовался, когда я вернулся?» — подумал Валентин.

Вскоре избушка наполнилась живительным теплом, Валентин снял куртку, выложил из рюкзака на стол хлеб, вяленую рыбу, отварное мясо и принял за еду.

Засыпая на нарах, он думал о собаке, но окончательного решения, как с ней поступить, не принял.

К утру избушка выстыла. Затопив печь, Валентин взял кусочек мяса, присел около нар и тихим спокойным голосом произнес:

— Тунгус, иди ко мне,

Собака, лежащая калачиком, вытянула голову, втянула в себя воздух с запахом человека и мяса. Немного повременив, выползла из-под нар. Валентин протянул к ней руку с мясом на ладони. Тунгус лизнул ему пальцы, взял мясо и мигом проглотил. «Ты умеешь быть благодарным», — произнес Валентин, внимательно осматривая собаку. Перед ним лежал пес серой волчьей масти с крупной головой, на которой торчали острые уши. Длинная, как у овчарки, морда заканчивалась черным носом. В приоткрытой пасти виднелись белые крепкие зубы с мощными клыками. «Не зави-

дую тем, кто испытал на себе эти клыки», — подумал Валентин, а вслух произнес:

— Давай-ка посмотрим, на что ты способен сегодня.

Взял кусочек мяса, отошел к двери и позвал к себе собаку:

— Поднимайся на лапы, иди ко мне, а то отлежишь себе бока. Тунгус медленно поднялся с пола. Он был высокого роста, истощенный до последней степени. Хребет и ребра выпирали из-под кожи. На изрезанных лапах наросли коросты. — Тунгус, иди ко мне, — еще раз позвал Валентин собаку и прятнулся к ней руку с мясом.

Медленно переставляя лапы, пошатываясь, пёс побрел на зов. Его зад заваливался в сторону, и ему стоило больших усилий удержаться на ногах.

— Ну и довели же тебя горе-хозяева до полного истощения, — произнес Валентин и отдал ему мясо. Затем провел по голове и спине рукой. От прикосновения руки Тунгус вздрогнул, по его койке пробежала дрожь.

— Тебя разве никогда не гладили? — спросил он собаку и приказал твердым голосом: — Лежать!

Тунгус повиновался и медленно опустился на пол у порога. «Ноги заживут быстрее, чем собака окрепнет и наберет вес», — подумал Валентин.

Поев на дорогу и потягивая горячий чай из деревянной плошки, он принял решение забрать с собой Тунгуса. «Вес у него небольшой, двадцати килограммов не будет», — думал Валентин, — донесу как-нибудь».

Прежде всего охотник дал Тунгусу обнюхать рюкзак, затем осторожно приподнял зад собаки и надел на него рюкзак. Словно понимая намерения

человека, собака доверилась ему и не сопротивлялась. Натянув рюкзак до шеи, он завязал его и осторожно поднял на плечи.

Переступив порог, плотно закрыл дверь, надел лыжи и отправился знакомым маршрутом. Тунгус лизнул его ухо. Этот «последний» растрогал Валентина, хотя он и не был сентиментальным человеком. Появилось приятное, радостное настроение, которое прибавило ему силы, «Неужели собака понимает, что я ее спасаю», — подумал он, — даст Бог, мы с ней подружимся и еще поохотимся вместе».

На хорошем корме Тунгус отъелся и быстро поправился. Он уже верховодил среди местных собак, некоторые задирястые кобели испытывали на себе его крепкие зубы. Вскоре началась течка у Найды, Тунгус «пас» ее две недели, не подпуская к ней соперников. Валентин радовался, что у его собаки появятся добрые щенки.

Быстро пролетела весна, растаяли снега в тундре и тайге, отшумели весенними водами ручьи и реки, вскрылись ото льда многочисленные озера. Перелетные птицы вывели потомство, и табуны уток с утятами плавали на каждом, даже самом захудалом озере. У зайчих уже появился второй помет зайчат. Эти кроткие, пугливые зверьки поступают со своим потомством почти как кукушки. После родов накормят зайчат и убегают, оставив их на произвол судьбы. Если какая-нибудь другая зайчиха наткнется на чужих зайчат, она обязательно накормит их. Зайчата часто становятся добычей бродячих собак.

Каждый день, когда Валентин возвращался с работы, у вагончика его встречали Найда и Тунгус. Собаки имели разные характеры и вели себя

каждая по-своему. Найда извиваясь всем телом и усиленно виляя хвостом, бросалась к ногам, показывая всем видом, что она хочет, чтобы ее погладили. Тунгус останавливался в шаге от хозяина и, вильнув несколько раз хвостом, стоял невозмутимо, давая понять, что он серьезная рабочая собака и ей не до ласк. Он не любил, когда его гладят. Первым делом Валентин кормил собак и разговаривал с ними. Работая целый день на бульдозере, ему не с кем было переброситься словом.

Сегодня Тунгуса не было на месте. Валентин не придал этому значения, мало ли какие дела могут быть у собаки. Когда Тунгус не пришел на второй и третий день, он забеспокоился. Тешив себя мыслью, что возможно пёс загулял на собачьей свадьбе. Стал расспрашивать владельцев собак, но никто его не видел. Через неделю понял, что собака пропала. Постороннему человеку в руки Тунгус не мог даться, значит, не попадал с медведем и попал под его тяжелую лапу. Валентин долго переживал утрату, ему жаль было пса, рухнули надежды на охоту с ним. Каждый вечер перед тем как уснуть до мельчайших деталей вспоминал встречу с ним в избушке и нелегкий путь с Тунгусом за спиной к своему вагончику.

На следующий год весной Валентин летел на вертолете из Стрежевого в поселок нефтяников Ломовской. Закончилось таяние снегов, реки вышли из берегов, залив все пониженные места бесконечного пространства болот, тундры и лесов.

Пилоты получили радиограмму залететь в поселок Старый Васюган и взять на борт больного жителя. Когда подлетели к поселку, он представил оставшему среди моря воды. Вертолет приземлился на поляну в центре поселка.

По метеоусловиям вылет вертолета отложили на несколько часов. Валентин пошел осмотреть поселок. По улице навстречу бежала стая собак, среди которых высоким ростом выделялся кобель, похожий на Тунгуса. «Не может быть», — подумал он, но сердце тревожно забилось. «Тунгус!» — крикнул срывающимся голосом. Кобель отдался от сородичей, подбежал к Валентину и остановился в метре от него. Это был Тунгус. Он узнал своего спасителя. «Здравствуй, бродяга, я рад, что ты живой и остался верным своему первому хозяину», — с горечью произнес Валентин. Тунгус вильнул несколько раз хвостом и побежал догонять свору.

Валентин провожал его взглядом, на глаза навернулись слезы. Ему было грустно, что он не смог приручить Тунгуса, и радостно, что тот оказался жив. Видимо, охотничьей собаке недостаточно ласки, ей дороже что-то другое. Ему не хотелось идти дальше по поселку и разыскивать Павла. Немного постояв в задумчивости, он вернулся к вертолету.

Рисунки С. Андреева

Охота пуще неволи

Лев Толстой

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушел.

Мы сошлися в лесу и стали судить, как нам быть: идти ли теперь отыскивать этого медведя, или подождать дня три, пока медведь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиков-медвежатников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя? Старики-медвежатник говорил: «Нельзя, надо медведю дать остынеться; дней через пять обойти можно, а теперь за ним ходить — только напугаешь, он и не ляжет».

А молодой мужик-медвежатник спорил со стариком и говорил, что обойти теперь можно. «По этому снегу, говорит, — медведь далеко не уйдет, медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догою».

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать.

Я и говорю: «Да что спорить. Вы делайте, как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдем — хорошо, не обойдем все равно делать нынче нечего, а еще не поздно». Так и сделали.

Товарищи пошли к саням, да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу.

Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная: снег был глубокий и праховый. Осадки снега в лесу не было, да еще снежок выпал накануне, так что лыжи уходили в снег на четверть, а где и больше.

Медвежий след издалека был виден. Видно было, как шел медведь, как mestами по брюху проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала в виду от следа, крупным лесом; а потом, как пошел след в мелкий ельник, Демьян остановился. «Надо, говорит, бросать след. Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал на снегу видно. Пойдем прочь от следа и круг да дим. Толькотише итти надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь». Пошли мы прочь от следа, влево. Прошли шагов пятьсот, глядим — след медвежий опять перед нами. Пошли мы опять по следу, и вывел нас этот

след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошел медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где — как в лапах мужик ступал по дороге. Видно, что пошел он к деревне.

Пошли мы по дороге. Демьян и говорит: «Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдет с дороги, вправо или влево, — видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдет же в деревню».

Прошли мы так по дороге с версту; видим — впереди след с дороги. Посмотрели — что за чудо! След медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идет: пальцами к дороге. Я говорю: «Это другой медведь». Демьян посмотрел, подумал: «Нет, — говорит, это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги сошел». Пошли мы по следу — так и есть. Видно, медведь прошел с дороги шагов десять задом, зашел за сосну, повернулся и пошел прямо. Демьян остановился и говорит: «Теперь, верно, обойдем. Больше ему и лече негде, как в этом болоте. Пойдем в обход».

Пошли мы в обход по частому ельнику. Я уж уморился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевеловый наедешь, зацепишь, то промеж ног елочки подвернется, то лыжа свернется без привычки, то на пень, то на колоду наедешь под снегом. Стал уж я уставать. Снял я шубу, и пот с меня так и льет. А Демьян — как на лодке плавает. Точно сами под ним лыжи ходят. Не зацепил нигде, не свернется. И мою шубу еще себе за плечи перекинул и все меня понукивает.

Дали мы круг версты в три, обошли болото. Я уже отставать стал — лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подошел, Демьян пригнулся, шепчет и показывает: «Видишь — сорока над ломом щекочет; птица издалече его дух слышит. Это он».

Взяли мы прочь, прошли еще с версту и нашли опять старый след. Так что мы кругом обошли медведя, и он в середине нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снял и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, и весь, как мышь, мокрый. И Демьян раскраснелся, рукавом утирается. «Ну, — говорит, — барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо».

А уж заря сквозь лес краснеться стала. Сели мы на лыжи отдохнуть. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался, что я в жизнь такого не ел. Посидели мы; уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни.

«Да верст двенадцать будет. Дойдем ночью; а теперь отдохнуть надо.

Надевай-ка шубу, барин, а то остыдишься».

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснулся. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где я заснул. Оглянулся я — что за чудо! Где я? Палаты какие-то белые надо мной, и столы белые, и на всем блестки блестят. Глянул вверх — разводы белые, а промеж разводов свод какой-то вороненый, и огни разноцветные горят. Огляделся я, вспомнил, что мы в лесу и что это деревья в снегу и в инее мне за палаты показались, а огни — это звезды на небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал: и на сучьях иней, и на шубе моей иней, и Демьян весь под инем; и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу поскользываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу гол раздастся. Один раз только живое что-то зашумело близехонько от нас и пропя побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда зашумело, — увидали следы заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Итти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо как пушок липнет. А звезды вдоль по сучьям точно навстречу бегут, засветятся, потухнут, точно все небо ходуном ходит.

Товарищ спал, я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня. Вскочил я, смотрю товарищ уж одет, с ружьем что-то возится.

«А где Демьян?» — «Он уж давно в лесу. Уж и обклад проверил, сюда прибегал, а теперь повел загонщиков заводить». Умылся я, оделся, зарядил свою ружью; сели в сани, поехали.

Мороз все держал крепкий, тихо было, и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу. Видим в низочке дымок синеет и народ стоит: мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики сидят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повел их Демьян расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, трид-

цать человек — только по пояс их видно — зашли в лес; потом пошли мы с товарищем по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело итти; зато падать некуда — как между двух стен идешь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим — уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтоб к нему шли.

Подошли мы к нему, показал нам места. Стал я на свое место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернеется мне мужик-загонщик. Против меня частый молодой ельник в рост человека. И на ельнике сучья повисли и слепились от снега. В середине ельника дорожка засыпана снегом. Дорожка эта прямо на меня идет. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвел курки и стал раздумывать, где бы мне получше стать. Сзади меня в трех шагах большая сосна. «Дай стану у сосны и ружье другое к ней прислоню». Полез я к сосне, провалился выше колен, обтогнул у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружье взял в руки, а другое с взвешенными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу — кричит в лесу Демьян: «Пошел! В ход пошел! Пошел!» И как закричал Демьян на кругу, закричали мужики разными голосами: «Пошел! Ууу!..» кричали мужики. «Ай! И-их!» — кричали бабы тонкими голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли молчали и не шевелились, ждали медведя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружье, подрагиваю. «Вот-вот, — думаю, — выскочит, прицелись, выстрелю, упадет...» Вдруг налево слышу я — в снегу обваливается что-то; только далеко. Глянул я в высокий ельник: шагов на пятьдесят, за деревьями, стоит что-то черное, большое. Приложился я и иду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю — шевельнулся он ушами, повернулся и назад. Сбоку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище! Нацелился я сгоряча. Хлоп! Слышу — шлепнулась об дерево моя пушка. Смотрю из-за

дьма — медведь мой назад катит в обклад и скрылся за лесом. «Ну, — думаю, — пропало мое дело, теперь уж не набежит на меня; либо товарищ стрелять, либо через мужиков пойдет, а уже не на меня». Стою я, зарядил опять ружье и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу — не путем кричит какая-то баба: «Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!»

Видно — на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо, на товарища. Смотрю — Демьян с палкой без лыж по тропинке бежит к товарищу, присел подле него и палкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу — товарищ вскинул ружье, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп! — выпалил. «Ну, — думаю, — убил». Только смотрю — не бежит товарищ за медведем. «Видно, промах или плохо попал, уйдет, — думаю, — теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит». Что такое? Впереди себя слышу вдруг как вихорь летит кто-то, близехонько сыплется снег, и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямехонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав, и видно со страха сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден — грудь черная и головища огромная с рыхинкой. Летит прямехонько на меня лбом и сыплет снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу катит благим матом куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскнул я ружье, выстрелил, — а уже он еще ближе. Вижу — не попал, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и все не видит. Пригнулся я ружье, чуть не упер в него — в голову. Хлоп! Вижу — попал, а не убил.

Приподнял я голову, прижал уши, ослабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, — думаю, — хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу — давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня да повернулся передом назад и навалился на меня всей грудью. Слышу я — лежит на мне тяжелое, слышу теплое над лицом и слышу-забирает он в пасть все лицо мое. Нос мой уж у него во рту, и чую я жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подги-

баю голову к груди из пасти, нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу — зацепился зубами, верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а он торопится и, как собака, грызет — жамкнет-жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. «Ну, — думаю, — конец мой пришел». Слышу — вдруг полегчало он на мне. Смотрю — нету его, соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидали, что медведь сбил меня в снег и грызет, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь все грыз меня. А Демьян, как был без ружья, с одной хворостиной, пустился по дорожке, сам кричит: «Барина заел! Барина заел!» Сам бежит и кричит на медведя: «Ах ты, баламутный! Что делает! Брось, брось!»

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмолями висело мясо; а сгоряча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я и забыл про рану, спрашиваю: «Где медведь, куда шел?» Вдруг слышим: «Вот он! Вот он!» Видим — медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не поспел никто выстрелить — уж он побежал. Медведь остервенел — хотелось ему еще погрызть, да увидел, что народу много, испугался. По следу мы увидали, что из медвежьей головы идет кровь; хотели ити догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шелком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а все ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его.

У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб. Медведь этот был очень великий, и на нем прекрасная черная шкура.

Я сделал из нее чучелу, и она лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.

Фотоконкурс

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»

проводит очередной Фотоконкурс под девизом

«Охота и природа»

Полная информация о фотоконкурсе — в № 1 за 2015 г.

Большая панда – символ Китая

Василий КЛИМОВ – кандидат биологических наук

За очень короткий срок, за последние 10–20 лет, большая панда, или бамбуковый медведь, стала Национальным символом Китая. Эта страна всегда гордилась своей великой Историей, своим Народом, Культурой, Религией, Храмами! Но все больше и больше Китай, как Нация, показывает, что на первое место выходят идеи Сохранения внешней среды – ее Великой Природы! В стране, почти полностью входящей в списки мирового Наследия ЮНЕСКО, открыты десятки Национальных парков и создаются все новые, которые ждут своих гостей из Европы! Этот цикл путешествий по Китаю мы начинаем с большой панды!

Заповедник больших панд «Волун» находится более чем в 100 км от города Чэнду, центра провинции Сычуань. Зеленые горы, прозрачная вода, белый туман клубится у подножия гор – пейзаж традиционной китайской живописи. И мы даже позавидовали бамбуковым медведям: хорошо жить в атмосфере поэзии и чистоты!

Мы долго ехали по горам, любуясь фантастическими видами горных лесов, вершин, перевалов и представляли, – какие же они – большие панды! То, что мы все видели их в зоопарках, не имело никакого значения, ибо только в своей естественной среде зверь становится тем, кто он есть. Но вот мы приехали на место и мне сказали, – все, ищи своих зверушек. Миг, – и меня уже нет на поляне, – я бегу по лесу, смотрю по сторонам. Немного и пробежал, как нашел целую группу этих черно-белых природных реликтов!

Наблюдать за пандами в природе – одно удовольствие. Это совершенно уморительные создания, большие и лохматые увальни, лежебоки и ленивцы. Двигаются медленно, как хамелеоны, на ходу останавливаются, думают, осматриваются и следуют дальше. Если не очень голодны, то стараются сесть на траву или даже лечь. Завладев пучком бамбуковых побегов или травы, такое создание сидит, как человек, зажав в лапе по пучку и по очереди их откусывает. А иногда ложится на спину и жует свои яства уже совершенно не напрягаясь. Так же непринужденно чешет у себя за ухом задней ногой. Да и вообще, при взгляде на его движения возникает ощущение, что у него позвоночник отсутствует напрочь – такой зверь весь мягкий и гибкий, как гуттаперчевый.

Смотрю из засады, как панда идет по берегу ручья и встречает поперечное бревно. Он забрасывает за него одну лапу, застывает, думает. Потом перебрасывает другую лапу, опять думает, ложится, качается, как на качелях, переносит третью лапу и... застремевшись. Затем опять думает, высвобождается, пьет заодно воду из ручья, наконец-то переносит последнюю лапу и шагает дальше, тщательно обнюхивая подстилку. Попав на поляну с густой травой, зверь начинает пироровать. Садится на свой толстый зад и захватывает обеими лапами пучки травы. Выдирает их под корень и начинает уминать, откусывая поочередно то от правого, то от левого. Через пять шагов натыкается на небольшой муравей-

ник. Садится рядом и начинает когтистой лапой разворачивать его, слизывая муравьев с шерсти. Счастье так и получится из его глаз, а весь он – сплошное благодушие.

Когда впервые видишь это несуразное, пушистое создание, разукрашенное черно-белыми пятнами, возникает ощущение, что перед тобой не зверь, а живая игрушка. Когда же он начинает двигаться, неторопливо переваливаясь с ноги на ногу, чесаться, подносить ко рту корм, то все это получается настолько смешно и уморительно, что ты незамедлительно влюбляешься в него. Конечно же, это создание – большая, или гигантская, панда, называемая еще бамбуковым медведем. На сегодня это очень редкое существо, эндемик Китая, занесенное в Красную Книгу МСОП (Международный Союз Охраны Природы), еще обитает на своей родине, – в горных районах Сычуань. Здесь, в густых смешанных и хвойных лесах, с бамбуковым подлеском, растущих по склонам гор провинций Сычуань, Ганьсу и Шанси, на высотах 1600–3600 м, панды живут уже много миллионов лет.

Как настоящие медведи, панды лихорадят по деревьям и даже укрываются от непогоды и опасностей в дуплах, но, в отличие от медведей, не укладываются в спячку на всю зиму, а продолжают бродить по снегу от дерева к дереву, постоянно что-то жуя. Большие панды – скорее тропические животные, чем северные, и еще не приобрели такой полезной привычки как зимняя спячка, какую имеют медведи, хоть и живут уже довольно долго в суровом климате Китая.

Панды очень похожи на медвежат, но на самом деле – это нечто среднее между медведями и енотами. Ростом до 180 см, весом от 70 до 150 кг, с густой белой шерстью, расщепленной черными пятнами на ногах, спине, ушах и вокруг глаз, они круглый год бродят по горам в поисках чего-ни-

будь вкусненького. Очень любят сладкие побеги бамбука и тростника, птичьи яйца, насекомых и даже ловят иногда мелких грызунов. Их короткие лапы вооружены пятью мощными когтями, а на передних лапах еще есть по одной маленькой косточке, покрытой кожистой подушечкой, так называемый «шестой палец», помогающий удерживать пучки травы или бамбука перед носом. Поэтому панды, в отличие от медведей, могут поглощать свои яства, сидя на своей круглой и пышной заднице, совсем как мы с вами, обслуживая рот передними лапами с зажатыми в них продуктами.

Все панды — одиночки и счастливы никого не видеть круглый год, когда они лазают по бамбуковым рощам, выискивая разные вкусности. Панды метят границы собственных участков секретом пахучих желез, расположенных под хвостом, и «задирами» на коре деревьев, оставляемыми когтями передних лап. Но один раз в году железы «просыпаются» основательно и оповещают соплеменников о наступлении у хозяина брачного сезона. В густых лесах они находят друг друга, самец уморительно и потешно ухаживает за своей пушистой барышней, которая скорее норовит съесть еще что-нибудь вкусненькое, чем общаться с надоедливым кавалером. Наконец она уступает ему притязаниям и принимает ласки, которые кавалер сопровождает стонами и блеянием. Через 148 дней у самочки, обычно зимой — в январе или осенью, появляются один, редко — два, пушистых малыша, весом около 2 кг. Слепые и беспомощные, они находятся на полном попечении мамы, то и дело прикладываются к ее соскам. К весне скорее всего выживет самый сильный из них, потому что выкорчить двоих мать, как правило, не может. К моменту появления в природе зелени малыш уже настолько развит, что может следовать за ней. Теперь мать путешествует по бамбуковым чащам с «прицепом» в виде своего чада. Он быстро учится — как находить сладкие зеленые побеги и

гнезда птиц, ловить больших черных жуков и жирных гусениц. Неудивительно, что он растет, как на дрожжах, и из маленькой пушистой игрушки превращается в большую.

Открыл большую панду французский миссионер Арманд Давид в 1869 году. Он привез в Европу сначала шкуру, а затем и скелет своей находки, которую многие ученые сначала сочли ловкой мистификацией. Лишь в 1928 году американцам удалось выследить и подстрелить это таинственное существо, хотя местные жители знали о нем издавна, называя «байшунг», что означает, «белый медведь». Кстати, само имя «панда» имеет тибетско-непальское происхождение и означает «пожиратель бамбука».

После нескольких неудачных попыток поймать живую панду, успех пришел в 1936 году к американскому зоологу Харкнессу, погибшему при отлове. Поэтому первую большую панду доставила в зоопарк Чикаго его жена Рут, не выпускавшая свою дорогую добычу все время из рук. Появление на публике новинки вызвало огромный переполох в научном мире, ведь, по сути, был открыт новый вид медведя! Тысячными толпами приходили посетители, чтобы взглянуть на невиданное зрелище — мишку, разрисованного, как клоун.

Почему панды стали редкими? Видимо потому, что это стенообионтные создания, очень узко специализированные и мало адаптивные к выживанию. Они способны жить только в бамбуковых лесах Китая и питаются одним видом (!) бамбука. Любой хищник может легко поймать себе на обед любую панду, такую аппетитную, но малоподвижную. А главное, они еще и неактивны как половые партнеры. Как в анекдоте о динозаврах: Самец-динозавр говорит жене, — «Ага?» А самка, в ответ, — «Не-а-а!» Так и вымерли!

В неволе панды размножаются не просто плохо, а очень плохо. Так, первое потомство в зоопарке Пекина было получено лишь в 1963 году, хотя лес-

ные пришельцы живут там с 1953 года. Сегодня в природе, в горных бамбуковых лесах Китая, осталось всего лишь 1—1,2 тыс. панд, а в зоопарках мира около 500. За все время нахождения в неволе они родили 223 детеныша, причем большая часть их была выкормлена искусственно, с помощью обыкновенной резиновой соски. В последние годы специалисты зоопарков научились ухаживать за ними и их выживаемость повысилась с 30 до 50 %. Ввиду своей уникальности большая, или гигантская, панда стала символом охраны Природы Мира.

В Московском зоопарке две большие панды, Пинь-Пинь и Ань-Ань, жили с 1959 по 1972 годы, занимая просторную вольеру на Острове Зверей. И Ань-Ань даже ездил в Лондон, к тамошней невесте. А в середине июня 2001 года еще два гостя из Китая прибыли в Москву. Это мальчик Бень-Бень, которому 24 июля исполнилось 4 года и девочка Вен-Вен, ей 19 лет и у нее день рождения 30 августа. Кормят их майсовым хлебом, печеньем и побегами бамбука. Оба чувствуют себя очень хорошо, хотя и являются рабами своего желудка. Круглый день они требуют чего-нибудь вкусненького, предпочитая сладкое печенье. В жаркие дни лета их теплая шуба дает о себе знать, поэтому они пытаются спрятаться от солнца в своей норе или в тени. Время от времени они принимают ванны в бассейне, посапывая от удовольствия. А потом оставляют мокрые следы по всей вольере, отправляясь опять просить свое угощение. А Бень-Бень, как всякий ребенок, любящий играть, еще и научился пользоваться качелями. Балансируя туловищем, он забирается в люльку и раскачивается, что доставляет ему громадное удовольствие. В жаркую погоду он забирается на самое возвышенное место на скале, перед лазом и устраивается спать, лежа на животике и свесивая вниз лапы. Возможно, что снятся ему родные голубые горы, покрытые цветущим рододендроном, заросли зеленого бамбука и синее-синее небо...

МОЖАРОВ А., БЛЮМ М.	«Благодарен судьбе за такой поворот»	1
Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2014»		3
ВАСИЛЬЕВ А.	Медвежьи встречи. Первый	
соболек	4	
КОРОВКИНА Т.	«Под сенью дружных муз»	7
БАРАНОВ В.	Мои охоты на волков	8
СУХОМИРОВ Г.	Виктору Георгиевичу Юдину — 75 12	
ПИКУНОВ Д., ЮДИН В.	Учет леопарда и тигра	14
ЦЕЛЫХОВА Е.	Маленький олень большой тайги	20
КОЧЕРГИН Н.	Люблю тебя мой милый край	23
ВЕХОВ Н.	Джон Джеймс Одюон — выдающийся художник-аниалист	24
БРОВАШОВ А.	На подкормочной площадке	27
ЖУРБИН А.	Наташка молодой лайки по кунице	28
ЧИЖОВА Т., ЛИХОТИНА С., ГОРШКОВ И.		
О дисплазии и выращивании щенков	30	
ГУРОВ В.	Эффективность дробового выстрела и его культура	32
КУЧЕРЕНКО С.	Снег	34
ШАТИЛОВ А.	Стихи	39
КАЙКОВ А.	Тунгус	40
ТОЛСТОЙ Л.	Охота пуще неволи	44
КЛИМОВ В.	Большая панда — символ Китая	46
ЦЕЛЫХОВА Е.	Словарь русского охотничьего языка	48

На первой странице обложки:
Член редколлегии журнала «Охота и охотничье хозяйство», наш постоянный автор Елизавета Целыхова с трофеем
На второй, третьей и четвертой страницах обложки рисунки Д. Одубона (к статье Н. Вехова)

Издатель: ООО Издательский дом «Охота и охотниче хозяйство»

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:

М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, Е.А. Горбунова, А.А. Данилкин, И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова, В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышев

Главный бухгалтер Н.М. Видулина

Художественный редактор М.Л. Кнерцер

Зав. отделом Н.В. Дервиз

Корректор З.М. Данилова

Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 30.12.2014 г. Подписано к печати 03.02.2015 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Заказ 8076. Тираж 18 000 экз. Цена 115 руб.

Адрес редакции: 101990, Москва, Милитинский переулок, д. 18А, офис 13

Тел.: (495) 628-25-57

Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru

Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76, 8(496)726-54-10.

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Приспеть — (к зверю) 1) успеть перехватить (Наличие нескольких собак повышает успех **охоты** из-за возможности **приспеть** наперерез к уходящему от проскочившей **борзой** зайцу (Т. П. Томилова, «Зайцы и охота на них»).); 2) (о борзянике) быстро подбежать или подъехать к **растянутому** борзыми зверю.

Пристать — (архаизм) устать. (**Промышленники** говорят, что лиса «не дюжа к гонке» и, действительно, она скоро **пристает** (**заганивается**), но зато скоро и отдыхает, волк же наоборот (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»).)

Приступ — манера постановки ноги оленем. (... сильно разжиревший старый изюбр ступает задней ногой близ передней, но не прямо след в след, а как бы не доступает пальца на два, что и называется здесь **приступом**; в редких случаях это же обстоятельство бывает и со стельной самкой, донашаивающей последнее время (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»).)

Приторачивать — привязывать добычу к седлу или ягдташу. (Прежде чем **приторачивать** зайца к **ягдташу**, тем более класть его в **ягдташ**, необходимо выдавливать кал (вероятно, автор имел ввиду не кал, а мочу — Е. Ц.). В противном случае при теплой погоде заяц очень скоро портится и подпоревает (Л. П. Сабанеев, «Охотничий календарь»).)

Притравка (**притравливание**) — 1) приучение лайки к работе по подсадному зверю; 2) один из этапов комплексной подготовки борзой к охоте — приучение молодой борзой к ловле зверя (**Молодняк** нередко начинает свою охотничьую учебу при старших собаках). Такая **притравка** самая быстрая и надежная. Если представится случай достать живого зверя еще до выхода молодой борзой на охоту, то следует его использовать для **притравки** (В. И. Казанский, «Охота с борзой»); 3) один из этапов комплексной подготовки норной собаки к охоте; 4) (**залов**) один из этапов комплексной подготовки ловчей птицы к охоте (**Поэтому при притравливании** на крупного зверя азиатские сокольники начинают уроки **залова** с того, что напускают птицы на чучело (грубо сделанная фигура с накинутой на нее шкурой) соответствующего животного, прикрепив к голове его мясо (Г. П. Дементьев, «Охота с ловчими птицами»).); **притравливать** — осуществлять **притравку**.

Притравочная станция — специально организованная станция, где осуществляется **притравка** собак (имеется **искусственная нора** и содержатся **подсадные** звери).

Прихватывать — 1) (об охотничьей собаке) улавливать слабый запах зверя, птицы или их следа; 2) (о гончих) начинать гнать какого-либо зверя. (**Прямо на волков бросать гончих** еще важно и потому, что стая не может **прихватить** вместо волков по зайцу (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими»).)

Приччивать — (об охотничьей собаке) улавливать слабый запах зверя, птицы или их следа (см. также **прихватывать**).

Пролет — перелет птицы к местам зимовки и обратно (весенний, осенний **пролет**); **валовый** пролет — массовый пролет.

Пролов — срабатывание самоловного орудия без поимки зверя.

Проловить — (о борзой собаке или ловчей птице) упустить добычу.

Промысловый зверь, птица — охотничье животное, являющееся объектом промысловой охоты.

Промышенная, промысловая собака — 1) собака, подходящая для промысловой охоты; 2) (разгов.) лайка.

Продолжение следует

Зеленая кваква

Кваква обыкновенная

Снежная или белая цапля

Фламинго

Белый пеликан

Гагары

Желтоногий улит

Нападение на виргинских куропаток

Длиннохвостая ржанка